

ЛЕХАИМ N 9 (197)

**СЕНТЯБРЬ
2008г.**

ЭЛУЛ

5768

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ И ДУХА

לִיטוֹ אֲהֶ֨וֹ אֵינִי וְיִשְׂרָאֵ֜ל - אִי֩ אֲהִי֩ אִי֩דָ֥

ПЕДИАТРИЯ

Новорожденного необходимо окружить предметами святости

Когда рождается еврейский ребенок, вокруг него необходимо создать атмосферу святости. Известно: все, что ребенок одного дня от роду видит и слышит, впоследствии окажет на него влияние.

Окружающие ребенка предметы святости умножат благословения и успехи в его жизни, а родители получают возможность воспитать свое чадо «для Торы, для хупы и для добрых дел».

О дне совершения брита

<...> И даст Б-г, чтобы брит состоялась в надлежащее и благоприятное время. Совершать брит следует в тот день, который выбрали врач и моель, чтобы брит не представляла риска для младенца.

<...> Если ребенок заболевает желтухой, подхватив инфекцию, или в перинатальный период, брит можно совершать только через семь дней после излечения младенца.

<...> Брит следует совершать, когда дети совершенно здоровы; во всех иных случаях обрезание нужно отложить...

Об использовании анестезии во время брита

<...> Вы пишете: человеку, которому более тринадцати лет, сделали брит под общей анестезией.

<...> Вполне допустимо (если только брит совершается не над младенцем) применить местную анестезию (обычно спинальную), блокирующую ощущение боли на определенное время. При этом человек находится в полном сознании, что, кстати, нужно для совершения всех мицвот.

О прививках детям

<...> Вы спрашиваете, каково мое мнение о прививках детям. В подобных вопросах надо руководствоваться принципом: «Не отделяй себя от общины». Следует поступать так же, как родители большинства детей в вашем классе...

О поездке с младенцем в страну с другим климатом

<...> Вы спрашиваете о поездке в Эрец-Исраэль с Вашими детьми.

Я несколько удивлен; как известно, врачи считают, что детей до одного года не следует вывозить в страну с другим воздухом, водой и т. д.

Тем более что в Вашем городе мягкий климат, без резких температурных колебаний. Такое бывает не часто, особенно осенью и зимой...

О проблемах со сном у ребенка при неправильном питании

<...> Вы пишете, что Ваш сын очень плохо спит, просыпается почти каждую ночь и т. д. Похоже, в его рационе отсутствует какой-то ингредиент. Если восполнить дефицит, его нервы успокоятся и сон улучшится.

Очень важно проверить мезузу в его комнате на предмет ее кошерности и тщательно соблюдать кашрут в еде и питье.

Все это приведет к постепенному улучшению состояния ребенка...

О проблемах с дыханием у младенца

<...> Вы пишете о проблемах со здоровьем у Вашего сына и мнении об этом врачей.

Как я понял, все врачи сейчас не допускают и мысли о серьезных формах лечения (таких, как хирургическое вмешательство, Б-же сохрани, или нечто подобное – даже эксплоративную хирургию), и это вполне обоснованно, учитывая нежный возраст ребенка.

Поскольку сейчас невозможен никакой курс лечения и практически Ваш вопрос относится только к будущему, в настоящее время Вам следует действовать в соответствии с Торой, Торой жизни. Вы должны твердо верить, что Б-г «исцеляет всякую плоть и совершает чудеса», что ситуация наверняка улучшится.

Тем не менее нужно обратить внимание докторов на пониженную проходимость одного из бронхиальных путей как возможную причину проблем с дыханием у Вашего сына. Если дело в этом, то существуют методы и пути лечения с использованием аппаратуры, безвредной и приносящей только пользу: благодаря ей дыхательные движения активизируются и слегка усилятся; быстрее включится в дыхание область шейных мышц, все органы, в том числе легкие, окрепнут и лучше адаптируются к выполнению соответствующих функций.

Как именно это сделать – вручную или при помощи аппаратуры – решать врачу. Вероятно, Вам следует обратиться к физиотерапевту.

Еще нужно проверить тфилин, если их не проверяли последние двенадцать месяцев; Вашей супруге следует соблюдать обычай праведных еврейских женщин – давать цдаку до зажигания свечей на эрев шабат и эрев йом тов.

Целесообразно также выяснить, не затронуло ли Ваше сватовство самолюбия какого-то еврея – мужчины или женщины – до такой степени, что, согласно еврейскому закону, надо испрашивать у них прощения.

Поскольку все провиденциально в этом мире, на меня возложена обязанность напомнить Вам о необходимости посвящать время изучению внутреннего аспекта Торы, который в нашем поколении открылся в учении хасидизма.

Как ускорить развитие ребенка

<...> Касательно того, что Вы написали мне о Вашей дочери.

В последние годы появилось много новых методов лечения таких случаев – например, таблетки, ускоряющие развитие ребенка. Полагаю, в Швейцарии есть врачи-специалисты в этой области. Собрав более подробную информацию о Вашем случае, нужно выбрать соответствующее лечение...

Надеюсь, по воле Б-жьей Вы получите самый лучший совет для Вашей дочери, во всей полноте откровения добра...

О лучевой терапии для детей

<...> Нужно проявлять крайнюю осторожность в применении лучевой терапии детям, особенно маленьким. Если врач отвергает эту форму терапии, ее не следует использовать.

И пусть Исцеляющий всякую плоть исцелит ее, явив нам откровение добра...

Как сделать ребенка уверенным в себе

<...> В ответ на Ваше письмо с приложением – заключением врача о болезни Вашего сына – сообщаю: продолжайте предложенный Вам курс лечения.

Если исходить из заключения врача о причинах подавленного состояния ребенка, на него положительно повлияла бы возможность помогать детям более слабым, чем он. Если бы ему поручили стать лидером группы, например организовывать субботние трапезы, это тоже положительно воздействовало бы на него, повысив его самооценку.

О грудном кормлении

<...> Относительно грудного кормления Вашего ребенка. Это хорошая идея, и в последние несколько лет даже американские врачи начали писать и говорить о пользе грудного кормления – и для ребенка, и для матери...

О приеме лекарств в период кормления

<...> Вы пишете, что принимаемые Вами лекарства оказывают неблагоприятное воздействие на ребенка, поскольку Вы кормите его грудью.

Я несколько удивлен этим: ведь если мать должна принимать лекарства, то доктора следят за тем, чтобы ребенок получал детское питание из бутылочек и т. д.

Возможно, причина того, что Вы продолжаете кормить грудью – отсутствие кошерного молока там, где Вы живете. В любом случае, Вам нужно привлечь внимание врачей к этому обстоятельству...

О тонзиллите

<...> Даже у тех, кто подхватывает простуду вследствие тонзиллита, это происходит осенью и зимой, а не весной и летом.

Проконсультируйтесь снова с Вашим доктором, и если он тоже думает, что ребенку следует сделать тонзилэктомию, напишите мне об этом через несколько месяцев.

<...> Врачи советуют удалить миндалины Вашей дочери.

Я понял, что это может быть связано только с ее аппетитом.

Если так, не спешите, и, уж точно, не следует делать операцию в жаркие летние месяцы. Проконсультируйтесь с медиками еще раз в начале следующего года, после праздников.

О предотвращении недержания мочи

<...> Вы пишете, что Ваш сын еще не совсем избавился от недержания мочи, хотя ситуация улучшилась.

Несомненно, доктор объяснил Вам, что причина этого, прежде всего, в состоянии нервной системы мальчика; когда его нервы окрепнут, он почувствует себя увереннее и недуг отступит.

Однако есть много медицинских рекомендаций, которые ускоряют улучшение и разрешают проблему окончательно. Например, нужно меньше есть и особенно пить перед сном.

Для ребенка важнее духовная атмосфера, чем физическая

<...> Вы полагаете, что здоровье Вашего сына улучшится, если на время отправить его в школу, где не такой высокий уровень йират Шамаим (букв. «страх перед Небесами»), но зато в том районе чище воздух. После этого он вернется в свою школу.

Мне не нравится эта идея: осуществив свой план, Вы переведете его из хорошей школы. А вот вернете ли Вы его в прежнюю школу – это еще вопрос. И сможет ли он наверстать то, что упустил за это время, – тоже вопрос, и очень серьезный.

Известны комментарии на стих «страх пред Г-сподом ведет к жизни» (Мишлей, 19:23), предложенные в хасидских книгах, о том, что Б-гобоязненность улучшает здоровье. Поэтому даже если воздух в других местах лучше, лишняя мера йират Шамаим и последующее доброе здравие, которое Ваш сын обретет в его нынешней школе, важнее хорошего здоровья, которое он обрел бы в новой школе.

Не понижайте уровень кашрута, надеясь улучшить здоровье ребенка

<...> Вы спрашиваете, можно ли кормить детей пищей, кошерность которой несколько сомнительна, но повышает их аппетит.

Тщательное соблюдение кашрута важно не только ради исполнения заповеди кашрута, но и потому, что каждый кусочек пищи, съеденный человеком, превращается в его плоть и кровь, тем самым соединяя душу и тело.

Кашрут и чистота пищи влияют на характер и моральные качества вкушающего ее. Поэтому повышение уровня кашрута, чистоты и качества пищи следует признать повышением достоинства, чистоты личности человека и его моральных качеств.

Это относится не только ко взрослым, но особенно к детям, чей характер лишь формируется. И направление, в котором осуществляется этот процесс, очень важно.

Поэтому мой ответ на Ваш вопрос однозначен. Поскольку речь идет не о ситуации, опасной для жизни, Б-же сохрани, а только об улучшении аппетита и укреплении Ваших детей, не следует снижать уровень кашрута их пищи.

Когда молодой человек отказывается идти к врачу

<...> По поводу того, что Ваш сын не хочет слушать врача.

Довольно часто подростки меньше подвержены влиянию родителей, чем друзей.

Найдите среди друзей Вашего сына тех, которые поговорят с ним и убедят его пойти к врачу. Вашему сыну лучше не знать, что Вы обращались к его друзьям.

Добавлю, что нежелание идти к врачу и следовать его советам – вполне обычное дело. Врачи знают, как поступать в такой ситуации.

Лекарства без цвета и вкуса можно растворить в молоке и соке – тогда молодой человек и не заподозрит, что принимает их.

Поскольку всякое благословение исходит от Б-га, нужно помнить то, о чем люди порой забывают. Все члены еврейской общины составляют одно тело, один организм; то, что полезно одной части тела, полезно всему телу. Соответственно, всякая попытка укрепить дела добра и святости, Торы и мицвот – особенно если она предпринята родителями – расширяет наши пути обретения благословений Б-жьих для всей семьи и, прежде всего, для того, кто более всего в них нуждается.

БЫТЬ, А НЕ ВЫГЛЯДЕТЬ

Ааде Эацад

Наше время, время массовых коммуникаций, когда каждый человек на виду, рождает серьезную проблему. Многие люди начинают строить свою жизнь, как бы играя роль для других. Это называется «выстраивать свой имидж». В последние годы появилась даже особая профессия, имиджмейкер: человек, который учит других «выглядеть», производить благоприятное впечатление на окружающих.

Определенная позитивная составляющая в создании имиджа, конечно, присутствует. Человек живет среди людей, ему не может быть безразлично, что люди о нем скажут. Но что совершенно недопустимо – так это превращать собственную жизнь в шоу для других. Так человек и сам может забыть, кто он на самом деле, каковы его личные ценности, во что он верит.

Есть хасидская притча о еврее-бизнесмене. В обычной жизни он одевался и вел себя так, как было принято в среде бизнесменов-неевреев. Но к своему раввину всегда ходил в широкополой шляпе, в черном сюртуке. Однажды он задумался: а ведь нехорошо получается! Неудобно перед ребе – он ведь видит, что я одет неестественно, веду себя неестественно... И вот, на следующую встречу он явился в обычном своем облике бизнесмена. Раввин посмотрел на него печально и сказал: «Прежде я думал, что ты обманываешь мир. Сейчас, к сожалению, понял, что ты все это время обманывал меня...»

Можно добавить: тот еврей обманывал, прежде всего, самого себя. Ведь он наверняка был убежден, что ведет праведную жизнь, какую положено вести еврею. На самом деле он только «выстраивал имидж»: один перед своими деловыми партнерами и совсем другой – перед раввином. По сути дела, человек этот лицемерил перед всеми и перед собой.

А лицемерие – один из самых тяжких грехов. На этот счет есть известная история о хасиде Шмуэле Мункесе, который всегда боролся с лицемерием. Однажды, незадолго до Рош а-Шана, он приехал в чужой город и остановился как раз у такого еврея, который грешил, но прилюдно выдавал себя за праведника. Ночью встал, спустился в кухню, взял нож и постучался в комнату хозяина. Тот спросонья отворил дверь, увидел нож и страшно испугался. А Шмуэль Мункес еще и добавил: дескать, слышал я, что в канун Рош а-Шана надо молиться на могиле праведника, а у вас в городе таких могил нет. Вот сейчас зарежу тебя, и будет где помолиться! Тут хозяин, разумеется, начал вспоминать собственные прегрешения: кому же хочется, чтобы его зарезали?! Получился длинный список. «Иди спать, – сказал ему Шмуэль Мункес, – я свое дело сделал, теперь ты, наконец, сам себе признался, каков ты на самом деле».

Человек, для которого важнее всего на свете «выстроить имидж», далеко не обязательно сознательный лицемер. Просто он убежден, что находится в центре всеобщего внимания. Все только и делают, что смотрят на него и рассуждают, соответствует ли он некоему желательному облику. На самом деле все на него смотрят ровно столько же, сколько сам он смотрит на других. У каждого человека своих дел достаточно. Один Б-г всегда за нами наблюдает. Но Б-гу имидж не важен, важно то, что мы представляем собой на самом деле: что мы думаем о себе, что мы делаем для других.

Недаром Б-г каждого из нас создал непохожим на других. У каждого своя миссия в этом мире, отличная от миссии другого человека. И каждый должен выполнить именно ее. Хасидский ребе Зуся говорил: «Когда я предстану на суд Б-жий, меня не спросят, почему я не уподобился праотцу нашему Аврааму или Моше. Меня спросят: почему ты не сделал все, что положено было сделать Зусе?!»

В этом высказывании заключена двойная мудрость. Дело не только в том, что человек должен выполнить задание, которое ему дал Б-г. Главное – понимать, что твое задание дано Б-гом именно тебе, никто другой его не выполнит. Или, по крайней мере, не выполнит так хорошо – ведь Б-г специально дал тебе способности и таланты, чтобы ты осуществил именно эту конкретную миссию. И ты должен ее осуществить без оглядки на других. Даже если эти «другие» – великие праведники, такие, как Авраам или Моше.

Именно об этом знаменитое высказывание рабби Мендла из Коцка: «Если я – это я, потому что ты – это ты, а ты – это ты, потому что я – это я, тогда я не я и ты не ты. А если я – это я, потому что это я, а ты – это ты, потому что это ты, тогда я – это я, а ты – это ты». Иными словами: если я делаю нечто с оглядкой на другого человека, это не выражает моей сущности, это всего-навсего «выстраивание имиджа», шоу для других. Это совсем не то, ради чего Б-г даровал мне жизнь, привел меня в этот мир.

Рассказывают, что один еврей всю жизнь соблюдал заповеди и вел праведную жизнь – но как-то раз, осмотревшись вокруг и увидев, что люди ведут себя совершенно иначе, подумал: «Надо и мне попробовать вкус греха». И вот он переоделся по последней моде, спрятал пейсы под шляпу, пошел грешить – и тут же попал под грузовик! Когда он предстал перед Б-гом, то начал жаловаться: вот, я столько добра в жизни сделал, а чуть только подумал о грехе, немедленно умер! А Б-г ему говорит: «Хаим, это был ты? А Я тебя и не узнал!»

Человек является самим собой лишь тогда, когда честно смотрит на себя, а не на свое отражение в чужих глазах. Это мы называем «хешбон нефеш» – самоанализ, самоотчет. Наш долг как евреев – совершать «хешбон нефеш» регулярно. Лучше, конечно, каждый день. Но совершенно обязательно – как минимум дважды в год, на Рош а-Шана и Йом Кипур. И сейчас, в преддверии этих праздников, каждому из нас следует отдать себе предельно искренний отчет в том, как выполнены задания, которые Б-г возложил именно на тебя.

УЧЕНИЕ РАББИ ШНЕУРА-ЗАЛМАНА ИЗ ЛЯД

Продолжение. Начало в № 7, 8, 2008

Nai oee Aidozee

5.

В вопросах, касающихся разных составляющих души, р. Дов-Бер, прозываемый иногда Средним Ребе, следовал учению своего отца, р. Шнеура-Залмана (Алтер Ребе). Он писал: «Нешама (т. е. высшая душа), спустившаяся из мира ацилут, где она была связана в буквальном смысле с вечной жизнью, не нуждается в исправлении. Она спускается в наш мир только для того, чтобы исправить нефеш – природную душу. Этот спуск необходим для вознесения, а именно: чтобы произошло великое возвышение Б-жественной души за счет ее очищения, высветления и воспарения к высшему Святому свету и слияния с ним природной души, которая признает своего Создателя в результате напряженной деятельности материальных мозга и сердца. Когда эта природная душа проникается интеллектуальной и непосредственной любовью к Г-споду, она начинает трепетать перед Ним и служить Ему самым преданным образом, как сказано в Торе (Дварим, 6:5): “всей душою твоей”, – это о природной душе. И еще сказано в Талмуде (Брахот, 61а): “даже если забирает душу твою”, – и это следует понимать буквально, то есть что великое достижение и возвышение для нешама (высшей души) вручить <Б-гу> свою нефеш (природную душу) на слове “Один”»¹¹.

Сказано в Торе (Ваикра, 1:2): «...Когда кто из вас захочет принести жертву Г-споду, то из скота <...> приносите вашу жертву». И еще сказано (Берешит, 1:26), что человек сотворен по образу Б-жьему, и это относится именно к Б-жественной душе (нешама). «Б-жественная душа возносит и отдает Ему, словно жертву всежжения, животную душу, чтобы та соединилась с Ним при слове “Един”, и это вознесение животной души подобно жертвоприношению тамид (т. е. каждодневному), приносимому и сжигаемому на жертвеннике земным огнем. Так животная душа начинает свое восхождение от искры земного воспламенения и духовной жажды и стремления к Нему, Благословенному, когда в начале утренней молитвы еврей читает отрывки из Псалмов, а потом возносится, охваченная Б-жественным огнем во время чтения “Шма” и молитвы “18 благословений”» (Шаарей ора, Шаар Ханука, 1:22).

Служение Б-гу, подчеркивает учение р. Шнеура-Залмана, заключается в изучении Торы и исполнении заповедей: «“Когда человеку учит Тору, он притягивает свет Бесконечного (Эйн-соф), Благословен Он, в этот мир, и пронизывается этим светом до полного растворения и исчезновения в нем, как сказано (Коелет, 12:13): “в этом – все для человека”». Главная же часть учебы состоит «в доскональном изучении Закона: законов о том, что запрещено и что дозволено, что чисто, а что – скверна. И научиться отличать дозволенное и чистое от запретного и нечистого с помощью изучения законов и дискуссий о них на трех уровнях – хохма, бина, даат... Разумный человек поймет суть законов – тех, что в Талмуде, и тех, что вывели древние и позднейшие законоучители, – все то, что было недоступно ему прежде, до процесса учения». И в продолжение наставления об учебе р. Шнеур-Залман заявляет: «Все высшие миры – как ничто, по сравнению с одним глубоко изученным законом», ибо «воля Всевышнего направляется вниз и одевается в смыслы Алахи, ведущей речь о делах нашего практического мира – мира асия, таких, как обмен коровы на осла (Мишна Кидушин, 1), и им подобных». Р. Шнеур-Залман ссылается на великих праведников – р. Шимона бен Йохая и его сына р. Эльазара, и указывает, что они, скрываясь «в пещере, главным образом изучали мишнайт (т. е. законы Мишны) и изучили 600 разделов^[2], которые существовали в их время, до деятельности р. Йеуды а-Наси. А вот книгу Зоар и Тикуней Зоар они могли бы изучить за два или три месяца, ибо, конечно же, у них не было нужды повторять одно и то же дважды»^[3]. Р. Шнеур-Залман учил: «Повсюду, где каббалисты или Зоар расходятся с Талмудом или с авторитетами, следующими за Талмудом, следуем тому, что в Талмуде, и авторитетам, которые им руководствуются»^[4].

6.

Согласно учению Хабад, необходимо постоянно изучать Талмуд и законы более поздних мудрецов, для чего распределять между хасидами талмудические трактаты во всех городах и местечках и по совокупности начинать и заканчивать изучение всего Талмуда в течение каждого года. Всякий день, между дневной молитвой минха и вечерней молитвой маарив, собравшись вдесятером, следует постигать «внутреннюю суть Торы, то есть Агаду», ибо «в ней сокрыты почти все тайны Торы, и она искупает грехи человека». И еще так он наставляет евреев: «Понемногу учить из Шульхан арух, Орах хаим, – заповеди, необходимые всякому, а в субботу после полудня – заняться законами шабата» (Танья, 4:23; там же, Кунтрес ахарон).

Служить Б-гу следует ради высшей цели, чтобы «соединились Святой, благословен Он, и Шхина – Его земное Присутствие в дольном мире». И служение это должно совершаться в полнейшей сосредоточенности: «наши голос и речь – материальны, но при сосредоточенной молитве и при изучении Торы не корысти ради, а во имя самого учения наши чистые помыслы облакаются в буквы речи и <...> возносят их в высшие миры, куда наши стремления и направлены, прямо к десяти сфирот мира йецира или мира брия, а там светит и открывается в великой беспредельной ясности свет Бесконечного (Эйн-соф), благословен Он, и этот свет – отражение Его воли, облеченной в буквы Торы, которую человек изучает, и в задачу, на них возложенную, а также в молитву и ее глубинный смысл, и в заповедь и ее назначение». Этот процесс можно описать так: «занимаясь Торой, еврей взывает к Всевышнему и просит, чтобы Он как бы пришел к нему, подобно тому, как мы просим друга навестить нас и как маленький сынишка зовет отца, – чтобы подошел к нему, и был с ним вместе, и не отлучался от него, и не оставлял бы его одного, упаси нас Б-г». Главное здесь, что к Всевышнему обращаются сдержанно, словами самой Торы, в которую вчитывается человек, а не так, как тот, кто зовет Его спонтанно и просто восклицает: «Отец, Отец!» (Танья, 1:40, 37.) Тот, кто напряженно вникает в Тору и постигает ее ради самого процесса постижения, соединяется с

пребывающим в ней Всевышним «полнейшим единением», и оттого изучающий Тору должен самозабвенно отдаться учению, «полностью забыть о себе и всей душою предаться Торе и заповедям» (Танья, 1:23; Ликутей Тора, раздел Бе-ар).

Занятия Торой, о великом значении которых постоянно напоминает р. Шнеур-Залман, – «это именно изучение явной части Торы, то есть всех трактатов Мишны, где разбираются вопросы о разрешенном в употребление и запрещенном к нему, о ритуально чистом и нечистом, о виновности и невиновности и т. п. Мудрость (хохма) Благословенного, в которой заключен свет Бесконечного и которая принадлежит миру ацилут, спустилась и облачилась в материальные сущности нашего мира, чтобы тот, кто изучает Алаху (т. е. законы), смог постичь своим ограниченным разумом нездешнюю мудрость закона. Именно ради этой доступности она ведет речь о материальном и повседневном. Так возникает связь с высшими мирами и происходит истинное единение человеческого разума с Высшей мудростью, а поскольку эта Высшая мудрость – эманация Всевышнего, Бесконечного, то благодаря такой учебе происходит единение человеческой души с горним миром, с Его светом, облаченным в покровы высшей мудрости, заключенной в законах о материальном мире. <...> Не таков механизм <взаимодействия дольных и горних миров>, когда хохма касается принципиально непостижимых духовных сущностей, то есть при изучении каббалы. При занятиях каббалой разум не постигает сути Его мудрости и связи с этой высшей мудростью не возникает. Ведь никакие сведения из каббалы и о каббале не раскрывают глубинной сути сокрытой в них мудрости, поскольку разум ее не постигает. Оттого и не возникает единения с Его светом, подобного связи и единению сопутствующим изучению явной части Торы, той, которую человеческий разум способен постичь до глубины и тем самым слиться с мудростью Благословенного» (Ликутей Тора, раздел Ваикра).

Р. Дов-Бер (Средний Ребе) развивает учение отца. Он пишет, что все законы и постановления Мишны, основанные на заключенной в Торе мудрости (хохма), таковы, что только в них присутствует Бесконечный свет, только в заповедях, и ни в чем другом. И все выводы и решения, которые приняли танаи и амораи, суть следствие постижения ими глубинной мудрости Торы – той хохма, что в высших мирах. Только эта высшая мудрость дала им возможность понять, как следует идти, чтобы не свернуть с пути, указанного Всевышним. И то же относится к нам: хоть нам никогда не подняться до величия танаев и амораев, в тот час, когда мы заняты изучением простого смысла закона на основе данных ими подходов, в доступном нашему разумению смысле тоже заключен Бесконечный свет. Занимаясь самым простым законом, мы приобщаемся к великой тайне, которую некогда постигли танаи, но теперь эта тайна заслонена и одета в вопросы материального мира. Подобно слепому, который послушно идет за поводырем, выбирающим для него хорошую дорогу, и не знает, в чем достоинства и преимущества этого пути, идем мы от закона к закону за мудрецами далекого прошлого, чтобы след в след пройти туда, где открывается свет Всевышнего, хотя нам и не дано видеть проложенный ими путь так, как он виделся им. Однако не таков тот, кто выучил всю Тору и знает все ее законы, но учил их не ради самого процесса постижения, то есть не для того, чтобы привлечь к себе Бесконечный свет через мудрость изучаемого закона и попытаться узнать путь, указанный Всевышним посредством этого закона. Если человек занимался Учением эгоистично, в личных целях, к примеру, чтобы в результате этого возвыситься, став правителем или главой суда, как сказано в Талмуде (Недарим, 62а): «Выучу, чтобы меня называли рабби», то уже самым изначальным намерением он отсек свою душу от единения с Б-гом (см. Биур а-Зоар, раздел Ваишлах).

«Высшая мудрость Торы достигает самого высокого своего уровня у корня, иначе говоря, свет Торы исходит из отсутствия света, из тьмы, наведенной тучами,

подобно тому, как было во время Синайского Откровения: и “тяжелое облако” (Шмот, 19:16), и “мгла” (Шмот, 20:18). Но именно оттуда вышел свет Торы, потому что источник света Торы – в самодовлеющей мудрости <...> и она сияет сквозь тьму, как сказано в книге Иова (12:22): “Обнажающий глубины из тьмы”. Тора дается как Высшее милосердие, которое исходит в горних мирах и спускается в мир дольний, из мира самодовлеющего сокрытия – в Откровение, и об этом говорится в книге Коелет (2:13): “Как преимущество света из тьмы”, тут следует понимать – именно “из тьмы”».

Тайны Торы, пишет р. Дов-Бер, бывают двух категорий, различающихся по уровню, – просто тайны и тайны тайн. «Есть тайны, которые Всевышний раскрывает Б-гобоязненным евреям сегодня или в грядущем, а именно: смысл заповедей, их секреты, которые сделаются явными в будущем. Но тайны тайн и в грядущем не станут явными, оттого они называются “запечатанные тайны”, и такими они останутся вовеки, потому что они чрезвычайно глубоки, а “глубокое-глубокое, кто обнаружит его” (Коелет, 7:24), – и эти-то тайны называются “глубь глубин”. А еще есть промежуточное состояние между просто тайнами и тайнами запечатанными, и оно восходит к этим последним, отчего самую малость от них можно понять, но никак не непосредственно – они остаются запечатанными всегда, – а как бы в отражении. И это как бы раскрытие представляет собой нечто странное, неизъяснимое словами, а только намеками и только тому, кто и сам понимает. То есть тайны тайн все же в какой-то мере доступны восприятию» (Имрей Бина, Шаар криат Шма, 55; 60).

И в Торе он тоже различает два уровня. «Первый касается внутреннего наполнения Торы, то есть Высшей мудрости (хохма) и ее самодовлеющего, отдельного состояния до того, как она спустилась вниз и облачилась в материальные одеяния практических законов. Этот уровень называется “смыслы Торы” (таамей а-Тора) и представляет собой внутренний сущностный смысл Торы, коренящийся в Высшей мудрости. Ко второму уровню относятся внешние проявления Торы в делах материального мира – в вопросах о дозволенном и запрещенном, о ритуальной чистоте и скверне и т. п. Ведь все основные законы Торы касаются обстоятельств нашей земной жизни. Есть также третий уровень, занимающий промежуточное положение между внутренней и внешней Торой, между пребыванием хохма в высших мирах и ее трансформацией в материальное облачение нашего мира. Ибо постигая “смыслы Торы” путем тайного учения, человек все же не проникает в сами тайны, касающиеся Высшей мудрости как таковой, а открывает лишь нижнюю ипостась ее неземного света, и только в грядущем человеку сможет воистину открыться самодовлеющая Высшая субстанция».

Р. Дов-Бер призывает «превозносить ценность света при занятиях Торой для постижения ее внутреннего уровня, чтобы человек, стремящийся приблизиться к Б-гу, достиг единения между тайнами Торы и ее явным содержанием». Он утверждал, что «изучение каббалы и изучение Писания восходят к одному источнику, поскольку и там и тут приходится прибегать к мидрашам и Агаде, которые содержат нечто от каббалы, подобно толкованиям книги Зоар на слова Писания. Но в мидрашах и Агаде мудрецов Талмуда тайна спрятана за материальной оболочкой простых рассуждений, а книга Зоар прямо объясняет тайны, сокрытые в библейском повествовании, то есть нацелена всецело на Писание. И поскольку корень талмудической мудрости уходит в высшие миры, Талмуд и Мишна тщательней драпируют тайны в одежды внешних проявлений, ибо чем выше источник, тем более плотное одеяние требуется ему на земле» (Предисловие к Биурей Зоар; там же, раздел Берешит).

7.

Р. Шнеур-Залман объясняет, что заповеди – это «внутренние оболочки внутренней сути Высшей воли. <...> Исполнение заповедей возносит человека для продления в нем высшей витальности, исходящей от Высшей воли». Пока евреи исполняют заповеди, «высший свет и высшая жизненность продолжают спускаться и облачаться в наши миры», ибо «все миры, как высшие, так и низшие, зависят от скрупулезного исполнения одной какой-либо заповеди» (Танья, 1:23; там же, Кунтрес ахарон; Ликутей Тора, Матот, 81).

«Заповеди следует выполнять по всей строгости Талмуда и более поздних законоучителей, – продолжает р. Шнеур-Залман. – Эта мысль становится очевидной, если вспомнить комментарий наших мудрецов к стиху из Песни Песней (1:2): “Ибо ласки Твои лучше вина”. Так говорит община Израиля: “Слова книжников для меня слаще вина Торы”^[5]. “Вино Торы” – это тайная, внутренняя суть Торы, как объясняют наши благословенной памяти учителя (Эрувин, 65а): “Вошло вино – вышла тайна” – слова мудрецов дороже народу Израиля, чем тайны Торы. Ведь все их слова рождены великой любовью, как, например человек от большой любви к сыну окружает его большей заботой, строит ему ограды, старается охранить его, даже против его воли, чтобы ничего худого с ним не случилось, остался бы он незапятнанным, да еще вырос бы разумным и милым. И так же поступают с жемчужиной – чем она дороже, тем тщательней ее берегут, кладут в коробочку, а коробочку – в шкатулку и т. д. Точно так же по великой любви Всевышнего к нам Он строг и взыскателен, что проявляется в словах наших мудрецов, потому что благодаря им слова Торы, возникшие от Его великой любви, обеспечат нам жизнь чистую в оградах, выстроенных для нашего же блага, чтобы не запятнать себя перед Ним, Благословенным. Пока Храм был цел и стоял на своем месте, нам хватало заповедей Торы, ибо наш дух был верен Создателю и не стремился к благам материального мира. Все сами жаждали служить Творцу и выполнять Его Тору, и не нужно было ждать, пока пробудится душа от Его великой любви. Но из поколения в поколение уменьшалась наша жажда и слабело желание служить ему с пламенным сердцем. Души наши опалил чуждый огонь, жажда материального и телесного, и теперь, чтобы пробудить в нас стремление к служению, нам необходима Его великая любовь, привлеченная словами мудрецов, устражающих и охраняющих. Это верно в том, что касается наставления “сторонись зла”, которое подробно объяснено в Талмуде и у законоучителей, так и наставления “делай добро” в поучениях праотцев, переданных нам в Агаде, таких, как доброжелательность, отсутствие зависти, доброта и умение дружить» (Ликутей Тора, Матот, 84–85).

Р. Дов-Бер продолжает развивать учение отца и в вопросе о заповедях. «В нашем народе есть два типа душ. Первый – у тех, кто всю жизнь занимается Торой и обсуждает ее, для кого Тора – ремесло, которому он отдает все свое время, и слова его – всегда слова Торы, те самые, что звучали в Синайском Откровении, в десяти заповедях. То были слова Всевышнего, время над ними не властно, и для постоянно изучающих Тору в наши дни они продолжают звучать, ибо всякая душа приняла слова Всевышнего у горы Синай, как сказано в Торе (Дварим, 29:14): “те, кто здесь сегодня, и кого здесь сегодня нет”. Оттого и в благословении перед изучением Торы мы говорим: “дающий Тору” – в настоящем времени, потому что Тора дается всякий день. Второй тип – души тех, вся жизнь которых заключается в исполнении практических заповедей: милосердие к ближнему, материальная помощь бедному, добрые дела в самом прямом смысле. Среди наших мудрецов можно найти таких, кто считал, что изучение Торы выше практического исполнения заповедей, равно как и таких, кто ставил исполнение заповедей превыше изучения Торы. Оба эти мнения верны, ибо в занятиях Торой есть достоинства, которых не достичь одним соблюдением заповедей, но и в соблюдении заповедей есть преимущества, которые не даются одним лишь изучением Торы» (Атерет Рош, 91).

Р. Дов-Бер указывает на два аспекта: во-первых, пренебрежение собственными желаниями ради исполнения Высшей воли, как сказано в Мишне (Авот, 2:4): “подави свою волю ради Его воли”, и это называется “служение”, поскольку таково положение слуги: он не имеет своей воли, но исполняет волю своего господина. Во-вторых, и это главное в служении, – делать даже больше, чем хватает сил и намерений. Оттого и говорится: “яро заповедей”, что надо заставить себя служить Всевышнему уже только потому, что таково Его Царское указание. Главное – почувствовать гнет исполнения заповедей, как силу царского указа, например, заповеди материальной поддержки ближнего, включающей в себя прочие заповеди, когда требуется давать больше, чем подсказывает природа человека» (Имрей Бина, Шаар криат Шма, 91).

Ī ādīāā nēādeōā Ī āēdā Ēāēī Īāā

Ī ēīī :āī ēā nēāāāō

^[1] Имеется в виду состояние еврея во время молитвы, а также смерть за веру, когда душа еврея отлетает от тела с последним звуком «Шма», сходящим с его губ: «Слушай, Израиль, Г-сподь, Б-г твой, Г-сподь Один».

^[2] «Рав Папа говорит – 600, а мудрецы говорят – 700 разделов Мишны было».

^[3] Танья, 4:26. Р. Шимон бен Йохай и сын его, р. Эльзар, жили в Стране Израйля во II веке н. э., когда там хозяйничали римляне и не позволяли евреям жить по Торе и учить Тору, зато творили беззакония. Опасаясь гибели от руки римлян, р. Шимон бен Йохай с сыном спрятались в пещере, где провели 12 лет и все время учили Тору и достигли великой святости. Когда эти годы истекли, пришел пророк Элияу и сообщил им, что император умер и опасность миновала. Но когда они вышли из пещеры, на что бы ни упал их взгляд, все

тут же сгорало. Раздался голос с неба и велел им снова вернуться в пещеру, дабы не разрушать созданный Богом мир. Оттого просидели они в пещере еще 12 месяцев. Р. Шнеур-Залман имеет в виду, что эти праведники провели в пещере в общей сложности 13 лет, что составляет свыше 600 недель. В каждую неделю они изучали по одному разделу Мишны, да еще пять месяцев у них осталось на то, чтобы изучить Зоар (два месяца) и Тикуней Зоар (три месяца). Так распределялось время их святого учения.

^[4] Шульхан арух а-Рав, Орах хаим, 25, 28. Следует, однако, отметить, что в «Сидуре» (изданном позднее) приоритет в установлении закона признается за мнением, основанном на учении каббалы. См. «Шаар а-колель», 1:1.

^[5] Сказано в Талмуде (Авода зара, 35а): «Говорит община Израиля: Ласки Твои мне приятней, чем вино Торы». А Раши поясняет: «Ласки Твои – это слова мудрецов».

МЕСЯЦ ЭЛУЛ

עֵשִׂיב־עֶשְׂרֵי אֲדָרִי

Рабби Йосеф-Ицхак Шнеерсон (Раяц; 1880, Любавичи – 1950, Нью-Йорк) – шестой Любавичский Ребе. Единственный сын рабби Шалома-Дов-Бера, пятого Любавичского Ребе. С раннего возраста выполнял различные поручения отца. В 17 лет стал его личным секретарем, был назначен отцом главой сети ешив «Томхей тмимим». В 1920-м, после смерти отца, стал Любавичским Ребе. Возглавил борьбу за сохранение еврейской жизни в Советском Союзе. Неоднократно получал угрозы от Евсекции с требованием прекратить свою деятельность. В июне 1927 года Ребе был арестован и отправлен в Шпалерную тюрьму. Приговорен к смертной казни, которая была заменена на ссылку в Кострому, а буквально через несколько дней – на выдворение из Советского Союза. Поселился в Риге. В 1931-м совершил поездку в Палестину. В 1934-м переселился в Отвоцк, Польша. В 1940-м, при начале второй мировой войны, по ходатайству последователей из США смог через Германию выехать в Ригу, откуда на пароходе отправился в Нью-Йорк. Ребе приобрел дом в Бруклине по адресу: 770, Eastern Parkway. С этого времени дом его стал центром движения Хабад, а 770 – одним из символов движения. Вскоре были созданы основные учреждения Хабада: ешива «Томхей тмимим», издательство «Кегос», молодежное движение хасидов Хабада.

Предлагаемый вниманию читателей текст представляет собой маамар, впервые опубликованный в Соединенных Штатах в 5701–5705 (1940–1945) годах в журнале «А-Крия ве-а-Кедуша», который издавался по инициативе и под руководством Ребе Раяца. В виде отдельной книги маамары, опубликованные на идише, были изданы в 5706 (1946) году.

Элул – последний месяц года в еврейском календаре. Это месяц подведения итогов уходящего года, месяц самоанализа и принятия добрых решений на будущий год. Само название месяца – тема для многочисленных истолкований, раскрывающих внутренний смысл этого судьбоносного отрезка времени перед Рош а-Шана. Одна из таких интерпретаций рассматривает название «элул» как аббревиатуру стиха из «Шир а-ширим» (6:3) «Ани ле-доди ве-доди ли» («Я – моему Любимому, а Он – мне»).

«Я» – это Кнесет Израэль, всеобщая душа еврейского народа (искры которой – все еврейские души [Танья, ч. 1, гл. 37]). И, обращаясь ко Всевышнему, она называет Его: «мой Любимый», потому что любовь ко Всевышнему горит в сердце каждого еврея без исключения – лишь потому, что он еврей (Танья, гл. 18, с. 236–246). «Я принадлежу одному Всевышнему, – говорит Кнесет Израэль, – а Он – только мой».

А немного раньше (Шир а-ширим, 2:16) та же мысль высказана несколько иначе (изменена последовательность слов): «Мой любимый – мне, а я – ему». Раши поясняет: все, что захотел Всевышний, Он приказал делать еврейскому народу: совершать жертвоприношение псаха, приносить в Храм святые первинки урожая лучших фруктов, построить Мишкан и Храм и служить Ему там... И все Свои требования Он обратил именно к еврейскому народу, а не к народам мира. А все, в чем нуждается Кнесет Израэль, она желает получить лишь от Одного Всевышнего, а не от кого-то другого.

Спрашивается: что нового добавляет к этому тот вариант, который содержит в себе название месяца элул (его мы привели первым)? Ведь суть обоих стихов – одна! Так в чем же различие между этими похожими стихами?

Дело в том, что в служении евреев Творцу, благословен Он, есть две стороны. Одна – это образ служения цадиков, то есть евреев, которые всегда стараются исполнять волю Всевышнего как можно точнее и лучше. Другая сторона – это образ служения баалей тшува, то есть тех, кто совершил ошибку, нарушил запрет Торы, однако раскаялся и вернулся к истинно еврейскому образу жизни. И вот именно эти две стороны служения Всевышнему выражают два приведенных выше стиха из «Шир а-ширим». «Мой Любимый – мне, а я – Ему» – это служение цадиков, хорошо знающих все, что Всевышний хочет от Кнесет Исраэль, – как предписания, так и запреты, – и старающихся выполнить все наилучшим образом. Они прилежно изучают Тору, совершенствуют свой характер и неизменно честны в общении с другими людьми. Поэтому они просят у Всевышнего все, в чем нуждаются, и хотят получить это лишь от Него одного.

Хороший пример такого образа жизни – рабби Зуся из Аниполи (еврейское название городка Аннополя в Хмельницкой области в Украине). Все время, пока он был в Межириче у своего учителя и ребе, магидал рабби Дов-Бера, вся его семья питалась тем небольшим количеством муки и овощей, которые он оставил им, уходя в Межирич. Вернувшись, рабби Зуся увидел, как изголодались члены его семьи, вышел в поле и обратился ко Всевышнему: «Властелин мира! Зуся <он всегда говорил о себе в третьем лице, как о постороннем> и его семья хотят есть!» На обратном пути домой он увидел возле дороги свежеврытую яму, полную монет. Рабби Зуся взял несколько, а остальные оставил в яме, прикрыв землей. Он купил муку и овощи, которых должно было хватить на какое-то время, отдал их членам своей семьи, а сам опять предался своему святому служению Всевышнему, благословен Он.

Вот что значит: «Мой Любимый – мне». Всевышний желает, чтобы евреи, служа Ему согласно Торе, изучая ее и исполняя заповеди, очищали и освящали мир, создавая из него «обитель» Творцу. Как Алтер Ребе, Шнеур-Залман, пишет в «Ганье» (ч. 1, гл. 36): Творец пожелал, чтобы Ему доставляло удовольствие, когда евреи «мрак превращают в свет», когда они освещают этот материальный мир – «самый нижний из миров» – светом Торы. Поэтому Он Сам заботится о том, чтобы те, кто старается как можно тщательнее и лучше исполнять Его волю, не нуждались ни в чем.

Другой вид служения Всевышнему – это служение баалей тшува, и оно выражается стихом «Я – моему Любимому, а Он – мне». Смысл его в том, что человек обязан побуждать себя к тшуве: стремиться максимально приблизиться к Б-жественному. И именно этот стих содержит в себе название месяца элула, потому что этот месяц – время подведения итогов и самопроверки. В течение этого месяца каждый обязан честно и объективно оценить свое духовное состояние в служении Всевышнему, раскаяться в совершенных проступках и принять добрые решения на будущее – как исправить то дурное, что сделал, и отныне творить лишь добро.

Чтобы лучше понять сказанное, вспомним стих из «Теилим» (25:8): «Добр и честен Г-сподь – поэтому Он указывает грешным дорогу». Мидраш комментирует (Мидраш Теилим, 25:8): почему Всевышний «добр» – потому что Он «честен»; почему Всевышний «честен» – потому что Он «добр». Автор «Теилим», царь Давид, хочет этими словами показать отличие Б-жественных качеств от качеств человека. У людей доброта и честность не обязательно совпадают: человек может быть добр, но не честен, или, напротив, честен, но не добр. Дело в том, что эти качества связаны с различными силами души. Чтобы быть честным, человек должен относиться к себе критически, постоянно контролировать и нередко заставлять себя делать то, что вовсе не хочется. Доброта же бывает природным свойством характера, и, чтобы проявлять ее, не нужно совершать особых усилий. (Наоборот, иногда приходится сдерживать доброту, если разум

подсказывает, что проявление доброты к тому, кто ее недостоин, может принести больше вреда, нежели пользы.) Однако у Всевышнего доброта и честность тесно связаны: доброта – честна, а честность – добра. Кроме того, доброта и честность Всевышнего совершенно иные, чем у людей.

В Иерусалимском Талмуде (МакоТ, 2:6) приводится аллегорический рассказ. У Мудрости спросили: «Каково наказание грешника?» Мудрость ответила: «Грешников будет преследовать зло». У Пророчества спросили: «Каково наказание грешника?» «Душа согрешившая умрет!» – ответило Пророчество. Спросили у Торы: «Каково наказание грешника?» «Грешник принесет повинную жертву и будет искуплен», – последовал ответ. Наконец, спросили у Самого Всевышнего: «Каково наказание грешника?» Ответил Святой, благословен Он: «Пусть грешник совершит тшуву, и будет ему прощено». Вот почему и сказано: «Добр и честен Г-сподь – поэтому Он указывает грешным дорогу».

Ответы Мудрости и Пророчества – такие, которые диктует только честность, – Мудрость и Пророчество подобны качествам, свойственным человеку, ибо у него, возможно, честность не связана с добротой. Однако два других ответа – Торы и самого Всевышнего – это выражение качеств небесных, Б-жественных, в которых доброта и есть честность, а честность и есть доброта.

Если же приглядеться, станет понятно, что ответ Торы в большей мере связан с честностью. Да, согласно Торе, согрешивший получает искупление. Причем, как говорит Алаха, не только за грехи, совершенные нечаянно, по ошибке, но даже за совершенные сознательно, со злым умыслом. Однако это искупление достигается лишь в том случае, когда совершают жертвоприношение, а жертвоприношение не обладает абсолютной силой искупления. Все-таки есть преступления против воли Всевышнего, и жертвоприношение не искупает их. Если же грешник не совершает жертвоприношения, то в этих случаях, согласно Торе, подлежит наказанию – как по мнению Мудрости и Пророчества. Однако ответ Всевышнего – проявление именно доброты, доброты абсолютной, так как тшува дарует прощение за любое прегрешение. «Нет ничего, что могло бы устоять перед тшувой» (Зоар, Берешит, Мидраш неелам, Маамар Каин ве-Эвель ве-Шет, Танья, ч. 1, гл. 25, с. 31б).

Побуждение к тшuve имеет две разновидности. Первая – когда оно приходит Свыше: Всевышний Сам склоняет еврея к служению Себе. «Множество посланцев у Вездесущего» (см. комм. Раши на Иов, 37:8) – много поводов и причин, приводящих к тшuve. Сказано о Всевышнем (Шмуэль, II, 14:14): «...И предается раздумьям, как бы не оттолкнуть <еще дальше> оттолкнувшегося». Творец, благословен Он, дает человеку все возможности следовать прямой дорогой Торы и заповедей, а если тот все-таки сойдет с этой прямой дороги – вернуться и исправить все дурное, сделанное им. Всевышний постоянно думает, как спасти еврея, оторвавшегося от еврейского народа и отторгшего себя от истинного еврейства.

Правда, Всевышний дает человеку свободу самостоятельно выбирать свой жизненный путь – как сказано в Торе (Дварим, 30:15): «Смотри – предлагаю тебе Я <на выбор> сегодня жизнь и добро, смерть и зло». Всевышний открывает перед человеком две дороги: хорошую – физической и духовной жизни и плохую – физической и духовной смерти и предлагает ему самому выбрать, по которой из них идти. Но если тот выбирает, упаси Б-г, дурной путь и спускается по нему все ниже, Всевышний испытывает к нему бесконечную жалость и создает разнообразные ситуации, чтобы пробудить сознание этого грешника и подтолкнуть его к раскаянию. Иногда это сон, иногда – внезапно пришедшее воспоминание о родителях или более далеких предках, иногда – словно случайно

услышанное слово, а иногда – как бы самостоятельное побуждение преодолеть свое состояние, уже ставшее привычным... Будто укол в сердце, этот толчок сотрясает и тело, и душу, и еврей спохватывается: а ведь я живу совсем не так, как надо! И принимает бесповоротное решение: начиная с сегодняшнего дня совершенно изменить свой образ жизни. Разорвать отношения с дурными товарищами, освободиться от рутинной повседневной жизни, накладывать тфилин, есть только кошерную пищу, соблюдать субботу, а если женат – скрупулезно исполнять законы о чистоте семейной жизни... Такова первая разновидность побуждения к тшуве, возвращению к служению Всевышнему.

Другая разновидность побуждения к тшуве состоит в том, что еврей действительно как бы просыпается сам и устремляется ко Всевышнему. И надо заметить, что это не обязательно связано с раскаянием в совершенном дурном поступке – хотя обычно люди соотносят понятие о тшуве именно с искуплением греха. Нет, суть тшувы – это стремление стать лучше, благороднее, возвышеннее и духовнее. В этом смысле понятие тшувы относится даже к тому, кто очень благочестив и старается как можно лучше исполнять свои обязанности перед Всевышним. Когда человек задумывается о том, для чего сотворен мир, для чего он сам создан в мире, задумывается о смысле и конечной цели своей жизни, он – если рассуждает непредвзято и искренне желает узнать истину – неизбежно приходит к мысли, что истинное добро состоит в исполнении воли Творца.

Теперь мы еще лучше понимаем различие между приведенными выше стихами из «Шир а-ширим». «Мой Любимый – мне, а я – Ему» указывает на первую разновидность побуждения к тшуве: ту, которая посылается Свыше Самим Всевышним. А стих «Я – моему Любимому, а Он – мне» имеет в виду вторую разновидность: пробуждение в себе силами собственной души стремления заняться служением Всевышнему и совершенствоваться в нем.

И, как было сказано, именно стих «Я – моему Любимому, а Он – мне» содержит в себе название месяца элул, так как в этом месяце человеку пора припомнить все события уходящего года и устремиться к тшуве. Месяц элул – время, наиболее подходящее для самоанализа, для подведения итога: что сделано за истекший год и что не сделано, а также что было сделано из того, чего не следовало делать, и что не сделано из того, что сделать следовало.

Есть в «Теилим» такой стих (34:15): «Уклоняйся от зла и делай добро, к миру стремись и его добивайся!» Бааль-Шем-Тов учит, что в каждом материальном явлении, даже разрешенном Торой, есть добро и зло. Материальная сторона этого явления – зло, а Б-жественная энергия, поддерживающая его существование и оживляющая его, – добро. Поэтому, используя любое материальное явление, человек обязан «уклоняться от зла»: не считать материальный аспект самым главным и в особенности не придавать значения удовольствию, которое можно извлечь из него. Но следует «делать добро» – то есть в первую очередь желать получить пользу и помощь от Б-жественной энергии, наполняющей эту вещь. А также «к миру стремиться и его добиваться»: настойчиво искать и находить возможность примирения обоих аспектов, материального и Б-жественного, то есть, используя материальный предмет, руководствоваться лишь волей Всевышнего, но не собственными интересами. Поступающий так исполняет то задание, ради которого душа его была послана в этот мир: очищает его, высветляет и превращает в форму, способную воспринять Б-жественный свет. И месяц элул предназначен для подведения баланса за весь год: сколько «добра сделал», всегда ли «уклонялся от зла», когда следовало, именно ли «к миру <тому, который угоден Всевышнему> стремился» и «его <ли> добивался»?

Сказано в «Теилим» (139:5): «Позади и впереди создал Ты меня». Мудрецы наши, благословенной памяти, объясняют, что речь здесь идет о том, что человека сотворил Всевышний в самом конце Шести дней Творения: завершив сотворение всего мира со всем, что его наполняет, – «позади» всех остальных творений. Но тем не менее верно и то, что человек создан «впереди» всех творений, ибо конечная цель сотворения всего мира – человек, и Б-жественная мысль о нем предшествовала всему Творению. Потому что именно человек призван и обязан осуществить высшее намерение Всевышнего при сотворении всей Вселенной. Когда человек изучает Тору, исполняет заповеди и поступает с другими людьми, руководствуясь добрыми качествами своего характера, он освещает и облагораживает мир. Однако, когда человек не изучает Тору, не исполняет на практике заповеди Всевышнего и не совершенствует свой характер, ему говорят: даже «комар предшествует тебе» (Тосефта Сангедрин, гл. 8; Мидраш Берешит раба, 8:1; Танья, ч. 1, гл. 24, с. 30б) – даже самое ничтожное насекомое имеет большее значение, нежели ты. А когда не изучают Тору, то очень легко и часто нарушают волю Всевышнего – как не исполнять Его предписаний (не делать то, что Он повелел делать) и преступать Его запреты (то есть делать то, что Он запрещает делать). Тот, кто не изучает Тору, постоянно ошибается, поскольку не знает, как ему следует вести себя. А из-за того, что он по незнанию несерьезно относится к заповедям Торы, от нечаянных нарушений воли Всевышнего ему нетрудно перейти к злонамеренным.

Увы, есть люди, которые три-пять раз в неделю – а то и каждый день – одним только действием нарушают до пяти запретов Всевышнего и не отдают себе в том отчета. Если сказать им об этом, они отмахиваются: какое, мол, это имеет значение!

Во времена существования Храма можно было исполнить «совет», который Тора дает согрешившему: принести повинную жертву и получить искупление – при условии, что одновременно совершают тшуву, то есть раскаиваются в дурном поступке и принимают твердое решение не повторять его. Однако сейчас нам остается только «совет» Всевышнего: совершить искреннюю тшуву и тем самым заслужить полное прощение. И месяц элул – самое благоприятное время для этого, так как он – месяц тшувы. Предназначив его именно для этого, Всевышний хотел, чтобы ко дню Рош а-Шана мы пришли облагороженными, очищенными от всех наших прошлых грехов и заслуженно получили добрую запись своего имени, скрепленную Б-жественной печатью, на хороший и сладкий год во всех отношениях – и в материальных, и в духовных – в среде всего народа Израиля!

ШОФАР В РОШ А-ШАНА

עֲבֹרָה אֲדֹנָי

Звучание шофара отличает и выделяет Рош а-Шана из всех праздников еврейского календаря. «Днем трубления» называет его Тора (Бемидбар, 29:1), «Вознесся Б-г трублением, Г-сподь – гласом шофара», – сказано о Рош а-Шана в книге «Теилим» (47:6).

«Глас шофара» – совершенно особый по характеру, непохожий на звук других музыкальных инструментов. Да и «музыкальным» трудно назвать «глас шофара»: очень пронзительный и резкий, он лишен мелодичности, напевности. Он не «берет за душу», а врывается в нее, как бы «вспахивает» ее, сотрясает и переворачивает. «Зазвучит ли шофар в городе – и народ не содрогнется?!» – в изумлении восклицает пророк (Амос, 3:6). Поэтому Рамбам пишет (Мишне Тора, Законы о тшуве, 3:4), что хотя заповедь Всевышнего трубить в шофар в Рош а-Шана превосходит человеческое понимание, но содержит в себе намек, отчасти помогающий постичь ее смысл. И главное, мы осознаем, что это за намек, благодаря уникальному свойству звука шофара оказывать необычайно сильное воздействие на еврейскую душу. Шофар, пишет Рамбам, словно взывает: «Проснитесь, спящие, от вашего сна! Задремавшие, пробудитесь от вашей дремоты! Проверьте ваши поступки, и вернитесь к тшуве, и вспомните вашего Творца!»

Кто же они, эти «спящие» и «задремавшие»? Рамбам отвечает: «Они – забывшие истину в тщете своего времени и отдавшие все годы свои на пустые и тщетные занятия, от которых не придет ни помощь, ни спасение». Именно их призывает шофар: «Взгляните на собственные души и сделайте добрыми ваши пути и ваши дела! Пусть каждый из вас оставит свой дурной путь и мысль, которая не хороша!..»

Почему звук шофара производит такое глубокое впечатление на душу еврея? Он звучал при Даровании Торы: «И было на третий день, когда наступило утро: и были громы и молнии, и тяжелая туча над горой, и глас шофара – сильный чрезвычайно; и затрепетал весь народ, что был в стане... И становился глас шофара все более и более сильным – до бесконечности; Моше говорил, а Б-г отвечал ему голосом» (Шмот, 19:16, 19). Не здесь ли таится ответ на наш вопрос? Ведь при Даровании Торы присутствовали все евреи без исключения: выходцы из Египта – и душой, и телом, все остальные – только душой (см.: Шмот раба, 28:4, Зоар, ч. 2, 83б). «Не <только> с отцами вашими заключил Г-сподь этот союз (Дварим, 5:3), – говорит Моше сынам Израиля, – но с тем, который находится здесь, с нами стоит сегодня пред Г-сподом, Б-гом нашим, и с тем, который не находится здесь, с нами, сегодня» (Дварим, 29:14. Хотя по смыслу контекста первый из

этих стихов относится к Дарованию Торы, а второй – к союзу между Всевышним и Израилем «в степях Моава»; как Мидраш, так и Зоар, относят его также к Дарованию Торы и, таким образом, связывают эти два стиха воедино). Вероятно, воспоминание о Божественном шофаре, услышанном у горы Синай, которое сохраняется в каждой еврейской душе, пробуждается при звуке земного шофара...

Что такое шофар?

В Письменной Торе это музыкальный инструмент, предназначенный, главным образом, для подачи военных сигналов (см., например, Шофтим, 3:27, 7:18; Шмуэль I, 13:3; II, 2:28, 18:16; Йехезкель, 33:3, 6) или привлечения внимания народа к какому-то важному сообщению (см. Ваикра, 25:9; или, например, при коронации царя – см. Млахим I, 1:34; Млахим II, 9:13). Как правило, его изготавливали из бараньего рога, и потому слово «шофар» часто употребляется именно в этом значении. То, что «бараний рог» и «шофар» – одно и то же, ясно следует из приказа Йеошуа бин Нуна о решающей атаке на город Йерихо (Йеошуа, 6:5): «И будет: при звуке бараньего рога, когда вы услышите звук шофара...» Однако, согласно Алахе (Мишна, Рош а-Шана, 3:2), в качестве шофара для Рош а-Шана пригодны рога различных животных, кроме коровы. Причина этого в том, что «все шофары называются рогом и называются шофаром, кроме коровьего рога, который называется рогом, но никогда – шофаром» (Иерусалимский Талмуд, Рош а-Шана, 3:2). Кроме того, Гемара (Вавилонский Талмуд, Рош а-Шана, 26а, и комм. Раши там же) ссылается на принцип: «Никогда обвинитель не становится защитником». Поскольку корова ассоциируется с золотым тельцом, если трубить в ее рог, звук будет напоминать о страшном грехе, то есть окажется обвинителем Израиля пред Небесным бейт дином. В Рош а-Шана же мы молимся о прощении наших грехов, и звук шофара должен исполнить роль нашего защитника.

Поэтому шофар для Рош а-Шана предпочитают делать из изогнутого рога, а не из прямого (хотя пригоден и он). Гемара (Вавилонский Талмуд, Рош а-Шана, 26а, и комм. Раши там же) приводит мнение, что в Рош а-Шана «чем более человек принизит (дословно: “пригнет”) свой ум, тем лучше». В этот день надлежит молиться, вознеся свое сердце к Всевышнему, но опустив голову в знак полной покорности Высшей воле. И чтобы напомнить об этом всем, шофар для трубления в Рош а-Шана берут изогнутый.

Однако шофар не изготавливают ни из рога оленя, ни из рога антилопы потому, что они не полые, а сплошные, то есть не годятся для трубления. На это намекает само слово «шофар» – однокоренное со словом «шефоферет», «трубка»: рог для шофара непременно должен быть полым (Вавилонский Талмуд, Рош а-Шана, 26а; Тосафот «Хуц Михаэль пара» и комм. А-Рана).

Так что шофар – всегда рог, но не каждый рог может быть шофаром.

А как трубят в шофар?

Тора упоминает два вида трубления: ткиа и труа (см.: Ваикра, 23:24, 25:9; Бемидбар, 29:1). Относительно того, что ткиа – это один продолжительный звук, не меняющий высоты, в традиции Устной Торы разногласий нет. Нет разногласий и в том, что ткиа начинает и заканчивает каждую серию трублений. Однако что такое труа – по словам Гемары (Рош а-Шана, 34а), уже в ее время не было точно известно. Возможно, труа напоминает вздох или всхлипывание человека, охваченного страшной тревогой (тот вид трубления, который сейчас называется шварим), или же труа – словно рыдание женщины (тот вид трубления, который теперь называется собственно труа). Также не исключено, что труа состоит и из того, и из другого – и для этого приводится убедительное психологическое объяснение. Иногда человек так сильно рыдает, что у него уже не остается сил, и он может лишь горестно вздыхать. Порой, напротив, человек, чувствуя тревогу, начинает вздыхать, а потом, когда внутреннее волнение усиливается и становится нестерпимым, вздохи переходят в рыдания.

Чтобы избавиться от сомнений, еще в те времена один из авторитетнейших мудрецов Торы, рабби Абау, житель Кейсарии, установил в этом городе обычай трубить в Рош а-Шана всеми возможными способами в разной последовательности. А именно: сначала троекратное повторение ткиа-шварим-труа-ткиа, потом – тоже троекратное: ткиа-шварим-ткиа, и, наконец, троекратное ткиа-труа-ткиа. Таким образом, получалось тридцать трублений^[1].

Так трубят в шофар после чтения Торы. Затем – три раза во время молитвы «Мусаф», которую все читают шепотом (каждую последовательность только по одному разу, выделяя таким образом главные разделы этой молитвы), и еще три раза во время повторения кантором молитвы «Мусаф» (в тех же самых местах). Кроме того, сложился обычай повторять десять трублений после молитвы «Мусаф» и еще раз все тридцать – после окончания всей утренней молитвы.

Но во всех этих случаях внутренний смысл звуков шофара один: это выражение столь глубокого чувства ко Всевышнему, которое нельзя выразить ни словами, ни даже напевом. Это – вопль еврейской души, взлетающий к ее Творцу беспрепятственно, и никакая сила не способна помешать ему быть услышанным Всевышним.

Рабби Израэль Бааль-Шем-Тов рассказывал притчу, поясняющую смысл звуков шофара. Однажды царский сын во время охоты отделился от отца, заблудился в дремучем

лесу и не мог найти дорогу обратно. Он звал на помощь, но никто его не услышал. Он начал кричать громче, называя конкретные имена и титулы, однако никто не ответил. В конце концов он завопил: «Папа, папа!» – и тогда отец услышал его.

«Царский сын» в этой притче – еврей, отдалившийся от Торы и заблудившийся в этом мире, а «царь» – Всевышний, Отец каждой еврейской души (см.: Танья, ч. 1, гл. 32, с. 41а: «И Отец один у них всех»). Когда еврей попадает в беду, он ищет различные способы избавления, однако Всевышний, желая, чтобы еврей понял, от чего в действительности зависит его благополучие и сама его жизнь, делает так, чтобы ни одно из этих средств не помогло. И тогда, уже близкий к отчаянию, еврей взывает к своему Отцу в Небесах – и Тот спешит на помощь.

Выражение такого вопля: «Папа, папа!» – звук шофара в Рош а-Шана.

Но, кроме того, шофар предназначен еще для одного, самого важного, в истории события: Грядущего Освобождения. Тот самый Б-жественный шофар, который звучал во время Дарования Торы, возвестит о наступлении обетованного времени – как обещал Всевышний устами Своего пророка (Йешаяу, 27:13):

È áúääò á ò í ò äáí ü

Ï ðí ò ðúáéáí í á äáééééé ò í ò äáð -

È í ðé á ò ð äé í óáøéá á ðò ðáí á

äííè ðééíéíé

È çà ò äð'áøéáí' á ðò ðáí á äéí á ò íéíé,

È í íééíí' ò ðí' Á-íí í á ó í á ä ðá Ñá'ò í ðò é

á È äúáééèí á!

И тогда исполнятся все предсказания о временах Машиаха и наступлении Грядущего мира, когда, как пишет Рамбам (Мишне Тора, Законы о царях и их войнах <и о приходе Машиаха – согласно одному из первых изданий Рамбама>, 12:5), «не будет ни голода, ни войны, ни зависти и соперничества, ибо все возможные блага будут даны в великом изобилии, и всякие лакомства будут доступны для всех, как прах земной. И не будет у всего мира иного занятия, кроме одного: познания Б-га, и поэтому станут сыны Израиля великими мудрецами, познавшими вещи сокрытые, и постигнут разум своего Творца настолько, насколько позволяют это силы человека».

О том, каким ликованием преисполнится тогда весь мир, дает представление окончание книги «Теилим» – завершение и кульминация (150:1–2, 3, 5–6):

Ñëääüò á Á-ã!

Ñëääüò á Á-ã á Áã ñýò ñòè,

Ñëääüò á Áã á íááíñáá í ñè Áã...

Ñëääüò á Áã çáéíí øíòàðà,

Ñëääüò á Áã í à àðó á è èèðá..

Ñëääüò á Áã í à èèí áàèàò çáí í èèø!

Áñýéäý äóó à äà í øíñëääèò Á-ã!

Ñëääüò á Á-ã!

^Ш Один из величайших вавилонских мудрецов Торы X века – рав Хай Гаон однажды получил алахический запрос: можно ли усомниться в способе трубить в шофар? Ведь эту заповедь евреи исполняют из года в год – неужели же до рабби Абау никто не трубил в шофар в день Рош а-Шана? Рав Хай Гаон ответил, что с древнейших времен в народе Израиля бытовали два обычая исполнять труа: как последовательность коротких звуков (собственно труа в наше время) и как повторение короткого мотива (шварим). И первый, и второй способы считались одинаково пригодными для исполнения заповеди трубить в шофар в Рош а-Шана. Однако во времена изгнания, когда опасность забыть устную традицию стала весьма реальной, рабби Абау счел нужным установить единый обычай – во избежание возникновения раскола из-за того, что невежды сочтут правильным только свой способ исполнения труа.

ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ

Ôàéòë Èáàéí

Èàéíã áðà:à ì íæíí íàçàòüí ùáðüí ?

Ôàéíã, éíòíðüé ùí ááò ìðáííððáíèòü

íáíãã íàòèáí òà ìò çááíèáááíèý.

Ôíò æá èòí íá ùí ááò ááèàòüýòí, -

õíòüíí è èá:èò, - íáì ùáðüé áðà:.

Ñáòáð òáíèèè, 592

Итак, мы знаем, что любые действия, оказывающие отрицательное воздействие на организм человека, запрещены Алахой. При этом неважно, сказывается ли это воздействие немедленно или спустя какое-то время – даже довольно долгое. Но связана ли с этим необходимость принимать меры для защиты и укрепления здоровья человека? Означает ли это, что если я, к примеру, подвергаюсь перегрузкам, то, согласно Алахе, обязан оставить работу? Но может ли пойти на это каждый человек – даже ради такой заманчивой цели, как обретение прекрасного самочувствия и крепкого здоровья? Прав или неправ тот, кто, оказавшись в положении, подобном моему, постарается не причинять дальнейшего ущерба своему здоровью, но и не предпримет никаких мер для улучшения своего состояния, всецело полагаясь на волю Б-жью?

ЗАЩИТА И УКРЕПЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ

Представляется, однако, что в соответствии с фундаментальными законами Алахи и решениями, вынесенными авторитетными раввинами в тех случаях, которые могут рассматриваться как прецеденты, незачем сомневаться: каждый человек обязан принимать меры для того, чтобы сохранить, защитить и укрепить свое здоровье.

Во-первых, одна из заповедей Торы предписывает обнести оградой крышу дома, чтобы предотвратить опасность для жизни человека, стоящего там: «Когда построишь ты новый дом, то сделаешь ограду для твоей крыши – и не запятнаешь кровью твой дом, если упадет с него кто-либо» (Дварим, 22:8). Мудрецы Талмуда (см. Бава кама, 15б) говорят, что запрет «пятнать кровью свой дом» не сводится только к необходимости предотвратить падение с крыши, но распространяется и на многие случаи, угрожающие жизни и здоровью другого человека. Например, на этом основании запрещается держать у себя злую собаку или подниматься по неустойчивой, расшатанной лестнице.

Во-вторых, существует предписание Алахи (см. Шульхан арух, Йоре деа, 116:5) покинуть свой город, если в нем вспыхнула эпидемия. В современных условиях это требование актуально и в тех случаях, когда необходимо принять меры для того, чтобы предохранить себя от таких распространенных ныне заболеваний, как стенокардия и рак, покинув неблагополучные районы.

В-третьих, среди обязанностей отца по отношению к сыну Алаха упоминает о том, что отец должен научить его плавать (Кидушин, 29а). И это предписание следует трактовать более широко: как требование подготовить сына к различным жизненным ситуациям – в том числе и таким, которые могут привести к трагическим последствиям.

В-четвертых, приведем талмудическую интерпретацию стиха Торы о сотворении человека: «...и стал человек существом живым» (Берешит, 2:7). Предложено слегка изменить огласовку последнего слова, и тогда эта фраза получит такой смысл: «И стал человек существом – оживляй его!» (Таанит, 22б). То есть принимай меры для поддержания жизни и укрепления ее в человеке!

В-пятых, упомянем ставшее классическим постановление Рамбама; возможно, оно наиболее важно для обсуждаемой проблемы: «Поскольку сохранение тела здоровым и совершенным – один из путей <служения> Всевышнему (ибо невозможно человеку понять или усвоить что бы то ни было из знаний о Творце, будучи больным), человек обязан отдаляться от всего, что губит его тело, и вести себя таким образом, который способствует укреплению и восстановлению здоровья» (Законы деот, 4:1). И далее Рамбам дает длинный список указаний и рекомендаций по поводу диеты, сна, ухода за телом и т. п.

В-шестых, обсуждая проблемы нарушения субботы ради ухода за больными, выдающийся современный авторитет Алахи рабби Шломо-Залман Ойербах указывает: если своевременно принять меры, предотвращающие ухудшение самочувствия больного, это устранит необходимость часто нарушать субботу. «Почему мы должны ждать, пока он станет совсем больным, если можем это предотвратить?!» – восклицает он (см.: Нишмат Авраам, 328:3).

Что же касается «полной покорности воле Б-жьей», исключающей приложение усилий ради укрепления своего здоровья и улучшения самочувствия, то правда заключается в следующем: точно так же, как Алаха велит принимать любые меры во имя спасения жизни человека, она предписывает совершать определенные действия для того, чтобы подобная опасность не возникала. Обратим внимание и на то, как сурово критикует Рамбан больных, отказывающихся от необходимой им врачебной помощи (см. Торат адам, Шаар а-сакана). Он категорически отвергает такой аргумент: «Это Всевышний сделал меня больным – как же я могу вылечить самого себя?» Авторы комментария Тосафот, толкуя некое положение в Талмуде, пишут, что такая позиция равносильна самоубийству.

Семь указанных пунктов не оставляют сомнения в том, что Алаха настоятельно требует принимать конкретные меры для защиты и укрепления здоровья. Сейчас ясно, что спектр этих мер весьма обширен: от превентивной операции (на проведении которой настаивают, по крайней мере, три врача-специалиста) до соблюдения диеты и регулярных физических упражнений (с четким сознанием того, что <как пишет Нишмат адам> все это делается «во имя Небес», то есть для того, чтобы устранить помехи, мешающие служить Всевышнему). Чистить зубы совсем просто, но и это занятие входит сюда.

СОВРЕМЕННАЯ ДИЛЕММА: ВРЕДНО ИЛИ ПОЛЕЗНО?

Правильно ли, с точки зрения Алахи, поступают те, кто отказывается от кофе, сахара и соли, кто проходит дорогостоящие исследования, выявляющие аллергическую реакцию организма на самые различные продукты, а затем или ограничивают себя в них, или потребляют их с опаской? А что сказать о тех, кто внимательно изучает списки витаминов и минералов, якобы представляющих собой необходимые ежедневные добавки к рациону, а затем «до краев» накачивает себя ими?

Сделаем сначала небольшой обзор распространенных ныне взглядов на все это, а затем обратимся к алахическим источникам.

Считается, что соль способствует повышению кровяного давления и даже вызывает сыпь и прыщи на коже. Полагают, будто кофе выводит из организма витамин «В» и провоцирует рак (не дай Б-г). Но самое большое количество «грехов» приписывают сахару: не говоря уже о том, что он портит зубы, его потребление чревато опасностью анемии и сахарного диабета; из-за сахара происходят резкие перепады кровяного давления, провоцирующие вспышки агрессивности, а затем приступы депрессии... Автор некоторых наиболее популярных ныне книжек об охране здоровья приравнивает сахар (по степени угрозы человеческой жизни) к... опасной бритве, газу и даже к ружью!^[1]

Теперь о витаминах. Витамин «А» необходим для укрепления иммунитета, костей и зубов и, конечно, для нормального зрения. Витамин «В» помогает избавляться от стрессов и ощущения дискомфорта, столь частых в условиях нашей жизни. А витамин «С» совершает чудеса, излечивая без вредных побочных эффектов почти все заболевания – и в первую очередь простуду. И так далее, в том же духе – об остальных витаминах...

Тем не менее, открыв другую книжку, вы прочитаете, например, такую сентенцию: «Соль – одна из самых необходимых составных частей каждой нормальной диеты». Или: «Ограничение в потреблении соли приводит к совершенно ненужным сложностям и даже к известному риску». Если кофе и провоцирует онкологические заболевания, то лишь при наличии иных, более действенных факторов^[2]. Хлеб из цельной муки вызывает такое же повышение кровяного давления, как аналогичное количество сахара^[3].

Что же касается ежедневной витаминной добавки к рациону, то неприятности, вызываемые ее большими дозами, начинаются именно с витамина «А»: тут и экзема, и облысение, и костные опухоли, и геморрой, и разрушение печени, и... смерть. Отдельные виды витамина «В» препятствуют нормальному свертыванию крови. А неумеренное потребление витамина «С» приводит к образованию камней в почках и тромбов в кровеносных сосудах. И, кроме всего прочего, постоянное приобретение витаминных добавок слишком заметно ударяет по карману даже тех, у кого достаточно средств, чтобы соблюдать прекрасно сбалансированную диету.

Что же делать бедному читателю? Исполнять все, что ему советуют? Но это же невозможно! Допустим, если он принимает витамин «А», зрение его улучшится – но вдруг этот витамин приведет к летальному исходу?! А может быть, есть все, но сдобрявая крупницей соли?..

Наверное, лучше всего – проконсультироваться с врачом. Но после этого вы отправитесь в специализированный магазин и выйдете из него... совсем сбитым с толку. Ведь не раз случается и такое: врача упрекают в некомпетентности, не стесняясь в выражениях, лишь потому, что продавец магазина натуральных продуктов нашел убедительные аргументы, опровергающие его советы!

Да, беспристрастному наблюдателю ситуация вовсе не кажется простой. Но она представится еще более сложной, если рассматривать ее с точки зрения Алахи.

Алаха предлагает несколько критериев для того, чтобы выбрать врача (Шульхан арух, Йоре деа, гл. 33б). Во-первых – и это совершенно очевидно, – он должен быть специалистом в своей области. Чем выше его профессионализм, тем больше у него прав заниматься медицинской практикой. Пользуясь услугами настоящего специалиста, не обязательно советоваться с другими докторами. Во-вторых, врач, в принципе, должен получить от раввинского юридического органа (бейт дина) разрешение практиковать. По

мнению авторитетов последних столетий, врач, имеющий диплом, удовлетворяет обоим этим требованиям или, по крайней мере, первому из них.

Однако есть страны, где диетологи получают специальный диплом, соответствующий их собственной системе определения степени профессиональной подготовленности. Тем не менее с точки зрения Алахи нельзя отказываться от услуг диетолога, не имеющего диплома. Если он пользуется авторитетом у многих специалистов в этой области, это дает основания относиться к нему так же, как к дипломированному врачу.

Итак, проблема состоит в следующем. Мы знаем, что Алаха запрещает действия, способные нанести ущерб здоровью, и предписывает эффективные меры для его укрепления и улучшения самочувствия. Однако, когда дело доходит до претворения этих принципов на практике, часто возникает множество неясностей. Очень простой пример: что я делаю, когда кладу в кофе лишнюю ложечку сахара или принимаю дополнительную дозу витамина, – осуществляю предписание беречь свое здоровье или, напротив, нарушаю запрет вредить ему?

ОБЩИЕ УКАЗАНИЯ АЛАХИ

Вероятно, то, что изложено в следующих четырех параграфах, можно интерпретировать как указания, предлагающие правильное решение названной проблемы.

1. То, с чем все, в принципе, согласны.

К этому кругу тем принадлежит, например, вопрос о курении (см. нашу статью в журнале «Лехаим», № 5, 2008); сейчас единогласно признано, что оно вредит здоровью. Точно так же все признают, что диета и физические упражнения необходимы для людей, склонных к полноте, и относят то и другое к числу мер, чрезвычайно полезных для здоровья. Что касается диеты, рекомендуемой всем, поскольку она вполне соответствует требованиям Алахи, приведем девять принципов, разработанных австралийским Министерством здравоохранения (они, кстати, получили одобрение авторитетных раввинов).

- 1) Стремиться разнообразить пищу.
- 2) Следить за своим весом и принимать меры, препятствующие его увеличению.
- 3) Ограничивать себя в жирной пище.
- 4) Уменьшить потребление сахара.
- 5) Ограничивать себя в потреблении алкоголя.
- 6) Увеличить потребление фруктов, овощей и злаков.
- 7) Свести к минимуму потребление пищи, содержащей натрий.
- 8) Совершать как можно больше водных процедур.
- 9) Поощрять кормление младенцев грудью.

И заметим, следуя этим девяти пунктам, человек будет обеспечен вполне достаточной для него ежедневной дозой витаминов и минералов.

2. «Охраняет глупых Г-сподь» (Теилим, 116:6).

С точки зрения Алахи человек вправе не обращать внимания на те положения, которые служат предметом дискуссии между различными школами.

Чтобы объяснить это, зададим вопрос: почему обычно медики особо отмечают случаи, когда кто-то, потребляя слишком много кофе, вредит своему здоровью, и, напротив, склонны не замечать примеров, когда человек, принимая много витаминов, прекрасно чувствует себя? Ответим на этот вопрос так: если бы соотношение между потреблением продукта и его воздействием на здоровье потребителя могло быть выражено математически, все признали бы, что этот продукт полезен или, наоборот, вреден. Однако до тех пор, пока это не сделано, влияние того или иного продукта на здоровье человека диетологи определяют по известному им большинству случаев, и поэтому врачи-специалисты не придают особого значения их мнению или вообще игнорируют его.

Вот почему в тех случаях, когда врачи и диетологи не приходят к общему мнению, люди действуют по принципу «охраняет глупых Г-сподь», то есть потребляют все, что не причиняет очевидного вреда, полагаясь на Б-жественное Провидение.

3. Но быть осмотрительным!

Но, и уповая на защиту Всевышнего, нельзя поступать безрассудно. Конечно, «охраняет глупых Г-сподь», однако Алаха вовсе не считает кощунством, если человек вместе с тем принимает меры, чтобы сохранить свое здоровье (Шульхан арух, Йоре деа, гл. 262). Напротив, по Алахе, подобные действия весьма желательны.

4. Ориентация на обе школы.

Если человек убежден, что на него весьма положительно влияет прием больших доз витаминов и воздержание от употребления соли и сахара (а именно это и есть предмет раздора между двумя школами), он может придерживаться такого режима лишь при условии, что и врач-специалист, и диетолог санкционируют его. А для этого необходимо находиться под постоянным наблюдением обоих врачей или только одного, но хорошо знакомого с принципами альтернативной школы.

^[1] Adelle Davis, Let's Eat Well to Keep Fit.

^[2] Newsweek, 1984.

^[3] Sugar Industry advertisement.

«ТАМ...»

Áæáéí ñÊóóé

Мы заканчиваем публикацию глав из книги профессора Гарвардского и Бар-Иланского университетов Джеймса Кугела «Как быть евреем» в авторизованном переводе с английского Юрия Табака. Московский банкир Давид Джинджихашвили вновь беседует с молодым поэтом аспирантом Юрием Леваковым.

Д. Д. Для большинства русских евреев, даже для тех, кто хоть отчасти вовлечен в общинную деятельность, кто посещает синагоги, суть их еврейства воплощается в Израиле и Холокосте.

Ю. Л. А что тут плохого?

Д. Д. А то, что смерть и страдания (я имею в виду Холокост) вряд ли могут быть символом, который передают следующему поколению – и страдания, в любом случае, – не смысл и даже не лейтмотив еврейской истории. Но и помимо этих заблуждений есть еще один важный момент: два основных фактора-близнеца – Холокост и Израиль – на самом деле имеют много общего. Они удобны, потому что оба – «там». И русскому иудаизму присуще то же ощущение: только «там», в Израиле, или «там», в прошлом – в Холокосте и в предыстории Холокоста, – можно говорить о настоящих евреях; именно «там» происходили или происходят наиболее важные еврейские события нашего времени. А все остальное в русском иудаизме мыслится как производное, как секонд-хэнд, что-то вторичное. Не говорю уж о «холокостопоклонстве», которое заразило часть еврейского мира: возникает ощущение, что цель отдельных организаций – превращение трагедии в заготовки для опыта будущих поколений – вроде пугающих аттракционов, каких-нибудь «американских горок». Что же касается Израиля, то кое-кому из русских евреев он представляется чем-то вроде Старого Света – гетто, которого они никогда не знали, но откуда их предки перебрались в Петербург или Москву. Нынешние русские евреи могут съездить туда пару раз или вообще не побывать там, но они воображают, что Израиль – их родина, и они говорят о нем с сентиментальной нежностью и восхищением: с таким же чувством турки-месхетинцы вспоминают Месхетию, а италоамериканцы – Калабрию. Но даже если не брать в расчет эти нелепые преувеличения, то, по-моему, такая черта русского иудаизма – ссылаться на то, что все происходит «там», – таит в себе великую опасность.

Ю. Л. Но разве это не естественное следствие того, о чем вы говорили чуть раньше, – что иудаизм в России появился сравнительно недавно? Поэтому неудивительно, что он все еще «там». С другой стороны, Израиль, как исполнение вековой мечты, конечно же, будет всегда обременять сознание русских евреев.

Д. Д. Наверное, Йеуда... Но, задаваясь этими вопросами, я думаю о тебе.

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

Д. Д. Вопрос в том, что будет с тобой? Да, ты прошел часть пути и, наверное, пойдешь дальше. Но теперь я вижу, что тебя может подвести (причем незаметно для тебя самого) твоя же еврейская черта. Я-то не из России, ты знаешь, и сколько бы я ни жил в

Москве, это всегда будет так. Мои корни действительно там, в Тбилиси и еврейских общинах, разбросанных повсюду – в Нью-Йорке, Париже, Цюрихе, Иерусалиме. Я не чувствую себя здесь дома. Но ты отсюда, тебе тут вполне комфортно. И именно потому, что русский иудаизм такой, какой есть, ты можешь застрять на половине пути – бесконечно кивая на «тамошнее»...

Ю. Л. Вы неправы. На полпути я был когда-то. Если этот разговор и убедил меня в чем-нибудь, то...

Д. Д. Надеюсь. Но я говорил не о том: ты не совсем понял. Ладно, скажу иначе: я не вижу, как в России быть евреем, в полном смысле евреем, как вести нелегкий и естественный еврейский образ жизни, известный нам по многочисленным иным общинам на протяжении всей еврейской истории. Все то, что здесь легко и естественно, – это полуеврейское, что-то вроде еврейского хобби или клуба. И в конечном счете заводит в тупик.

Ю. Л. А что же делать?

Д. Д. Думаю, время расставит все по местам. Возможно, еврейство, каким оно было в Грузии, в Восточной Европе и в арабских странах, тут тоже получит свое развитие – когда русское еврейство будет по-настоящему русским и по-настоящему еврейским. Но до этого еще далеко, а что будет с тобой пока? Искренне надеюсь, что ты найдешь способ оставаться евреем и здесь, евреем в полном смысле слова. По крайней мере, самое главное тебе уже известно. И помни, что в конечном счете это дело сердца. Понимаешь меня?

Ю. Л. Да.

Д. Д. Меня тревожит эта позиция русского еврейства: мы не «там» – значит, можно останавливаться на полпути, исповедовать полуиудаизм, пусть вполне естественный и удобный для России. Надеюсь, ты этого избежишь. Нужно быть настоящим евреем здесь, и без всяких ссылок на то, что делается «там», – если только со временем тебе не захочется поселиться в Израиле. Но пока я уповаю на то, что ты всем сердцем предашься нашей Алахе, не будешь кивать на «тамошнее», а искренне посветишь себя задаче быть в полном смысле евреем, здесь и сейчас. Вот так. Может, когда-нибудь ты окажешься в Израиле. Не знаю. Но уже сейчас нельзя быть евреем наполовину. Йеуда, наш курс закончен. Хазак у-варух, хазак вэ-эмац.

НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ...

Д. Д. Здравствуй, Юра! Не ожидал...

Ю. Л. Я позвонил бы, но, откровенно говоря, хотел встретиться с вами. Есть новости: я решил съездить в Израиль.

Д. Д. Ну что ж..

Ю. Л. Да. План моей диссертации утвердили, и я могу продолжать писать ее там так же, как и здесь, – в конце концов, материалы можно посылать мэйлом. Признаюсь, мне не терпится скорее поехать. Конечно, это будет полезно для моего иврита, но больше всего, разумеется, я хочу побывать в Иерусалиме, повидать Израиль и израильтян. Да и вообще съездить туда. Надеюсь, мне удастся поучиться там в ешиве – хотя бы некоторое время, пока я пишу диссертацию.

Д. Д. М-да...

Ю. Л. Чем больше думаю об этом, тем сильнее ощущение, что я должен ехать. Это все во благо. Это необходимо мне, все прочее меня не устраивает. Мое сердце на юге, а я здесь, на далеком севере.

Д. Д. Кажется, я где-то уже слышал что-то подобное...

Д. Д. Что именно?

Д. Д. Неважно. Что ж, я счастлив, Йеуда, и надеюсь, все будет к лучшему.

Ю. Л. Как-то вы не очень воодушевились.

Д. Д. Да нет, я уверен, что все будет прекрасно. Полагаю, у нас еще есть какое-то время? Я хотел бы немного подготовить тебя к этому шагу.

Ю. Л. О чем вы?

Д. Д. Ну, я знаю многих людей в Иерусалиме, в ешивах..

Ю. Л. Так напишите мне их телефоны.

Д. Д. Нет, откровенно говоря, я хотел бы подготовить тебя... чтобы ты не попал в трудную ситуацию.

Ю. Л. Как это?!

Д. Д. Дело в том, что многие русские, твоего возраста или постарше, уезжали в Израиль с таким же энтузиазмом, а через год-два вернулись разочарованные. Вот от этого я и хотел бы уберечь тебя.

Ю. Л. Разочарованные?

Д. Д. Да. Что-то не сработало: Израиль не такой, люди слишком...

Ю. Л. Слишком – что?

Д. Д. Неважно. Суть в том, что ты собираешься ехать в другую страну, с другой культурой – пусть даже евреев связывает много общего. И тебе придется кое к чему привыкать: могу поделиться собственным опытом.

Ю. Л. Но из ваших слов я понял, что вы чувствовали себя там как дома. Или вы уехали, потому что Израиль не оправдал ваших надежд?

Д. Д. Нет, дело в другом. Во-первых, мой семейный бизнес нельзя было перевести в Израиль. Что-то сразу найти взамен него тоже не удавалось. И с инвестициями там возникли серьезные проблемы, мне пришлось все больше времени проводить за границей. И главное, в стране уже с 50–60-х годов было очень много ашкеназов, и в основном светских. Это я и имел в виду, сказав, что тебе придется к чему-то приспособливаться.

Ю. Л. Да?

Д. Д. Это не касается тебя прямо, поэтому вряд ли стоит продолжать... но есть еще предмет для беспокойства. Государство Израиль основали главным образом евреи из России и Польши, евреи из Германии, Румынии и других стран. Им не был знаком дух других еврейских общин – и не только марокканских или иракских; даже грузинские и кавказские евреи казались им довольно странными. И когда эти евреи стали прибывать в Израиль в начале 50-х годов, к ним относились как к темной и отсталой массе. Конечно, в категориях «вестернизации» отчасти так и было: ведь сефарды представляли собой очень устойчивые, структурированные общины с богатейшей традицией. Европейским евреям имена сефардов ничего не говорили, или, в лучшем случае, в них видели восточный аналог Розенблатов и Гринбергов – ничего не значащих фамилий, придуманных неевреями, чтобы повысить собираемость налогов. Самим же сефардам эти имена – Харари, Зилха, Кадури, Абу-Хацейра – говорят очень много: не только о том, откуда они, но и кто они такие. Они ведь были чем-то значимым на протяжении многих веков; европейцы же видели в сефардах людей, которым нужно стать похожими на них.

Была еще и проблема языка. Они хотели говорить на иврите, но всегда при этом удивлялись, что есть евреи, которые хотя бы немного не говорят на идише, – и кое-кто удивляется по сей день. Но иврит, на котором они говорили, – разве это иврит? Это не был язык Библии или Мишны. Слова как будто взяты оттуда, но вся структура предложения, ритм языка и даже привычные для нас значения слов звучат почти незнакомо. А хуже всего с произношением, когда вместо раскатистого «р» появляется германское гортанное, и одинаково выговаривают совершенно разные буквы – «хет» и «каф», «алеф» и «аин», «тет» и «тав». Позже я понял, что это совсем не случайно: на иврит наложилась фонетика идиша. В современном иврите нет звука, который уже не существовал бы на идише. Но даже это не было бы так печально, если бы они дерзко не высмеивали наше произношение! Наверное, я слишком резок...

Ю. Л. Нет-нет, продолжайте.

Д. Д. Так я закончил. На самом деле вне контекста все эти проблемы не так понятны. Это был довольно напряженный период, вызванный не столько внешними политическими угрозами, сколько труднейшей задачей принять новый огромный поток иммигрантов, притом что у большинства из них ни копейки в кармане. Кое-кто из старых израильтян терпеть не мог новых иммигрантов, и это неудивительно, поскольку, как правило, репатрианты не испытали тягот довоенного периода или Войны за независимость. Столкнувшись с массовой эмиграцией и предвидя ее возможные тяжелые последствия, европейские евреи постарались сделать население страны единым целым. Прежде всего они попытались разрушить традиционные общины и национальные группы, рассредоточивая иммигрантов по разным местам и превращая их в «израильтян». Но европейцы не понимали очень серьезной проблемы: тем самым они уничтожали многое из того, что определяло саму суть иммигрантов, делало их самими собой. И надо сказать, в целом они преуспели в этом. Сейчас в Израиле много говорят по радио и телевидению о «сефардской культуре» и важности «восточного наследия», но правда в том, что большая часть этого наследия уже размыта. Иврит все тот же, что и раньше, но дети иммигрантов-сефардов уже говорят на нем так же, как дети европейцев, – то есть с тем же ужасным акцентом. Сефардские общины, как и любые ближневосточные общины, провозглашают добродетелями уважение друг к другу, достоинство и скромность. Но эти качества трудно укреплять в свободном от условностей, суетном, самоуверенном обществе; их отвергло молодое поколение, приученное смотреть на родителей в лучшем случае как на неудачников и безнадежно устаревших людей.

Ю. Л. Теперь я понимаю, почему некоторые иммигранты захотели уехать из Израиля.

Д. Д. Понимаешь? И все же, признаться, я жалею, что уехал. Хотя эти проблемы и существовали, их не меньше и в России. Но я определил для себя общее правило: недостатки Израиля довольно легко перечислить, а его не вполне очевидные преимущества порой ошеломляют. Это я и хотел сказать, Юра. Не смущайся нахальством израильтян или чем-то еще. Не смущайся даже в том случае, если объявишь (а это вполне возможно) о том, что собираешься остаться в Израиле и стать их соотечественником. После этого многие пусть формально и одобряют твое решение, но будут глядеть на тебя косо – ведь они сами не знают, что значит жить в Израиле, хотя и живут там. Поэтому, когда тебя спросят, почему ты хочешь остаться, отвечай: из-за помидоров.

Ю. Л. Помидоров?

Д. Д. Они там очень вкусные. И не только помидоры там великолепные, но и оливки, и послеполуденное солнце – совсем не такое, как здесь. То есть здесь солнечный

свет тоже бывает порой чудесным, порой нежным, даже волнующим... Но там солнце очень, очень яркое – и если сравнивать, то солнечный свет в России кажется бледным и слабым. Слепящая желтизна раннего иерусалимского утра каждый день сменяется белизной, а ближе к закату – медно-золотистым цветом, заливающим все вокруг. Очень впечатляет... Юра, когда ты поедешь туда, помни именно об этом и забудь все остальное.

Ю. Л. Но еврейский народ, еврейское государство...

Д. Д. Ну да, конечно... И все же, судя по моему опыту, в Россию возвращаются сионисты, а в Израиле остаются любители помидоров. И мне хотелось бы, чтобы ты там остался, если решишься.

Ю. Л. Да.

Д. Д. И еще одно. Не забывай там, что ты русский еврей.

Ю. Л. Странно, ведь вы ничего особенно хорошего о России не говорили.

Д. Д. Возможно, но едва ли это противоречит всему тому, что я говорил раньше. Я как-то объяснял, что вижу в тебе больше, чем просто Юрия Левакова. Я вижу поколение за поколением возвращающихся в Европу и глубины европейской еврейской истории, в те же города и городишки, населенные предками сегодняшних израильтян. В какой-то момент (на самом деле не так давно) твои предки перебрались в Польшу, а потом оказались в России, тогда как предки сегодняшних израильтян отправились в Палестину. И то, и другое решение было вызвано практическими соображениями, и потомкам не следует похвастаться тем, что они родились в одном или другом месте.

Ю. Л. Не улавливаю вашу мысль.

Д. Д. Хотя в нынешнем израильском обществе и достигнуто некое единообразие, не чувствуй, будто обязан – а так, несомненно, и произойдет – походить на окружающих, словно это узаконивает твое пребывание там. Быть русским евреем вполне достаточно. И пожалуйста, объясняйся на иврите со своим московским выговором и будь самим собой в тысячах других случаев – даже если идешь против течения.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. То же касается и серьезных вещей, хотя здесь я не боюсь за тебя. Ты теперь знаешь, что такое быть евреем – о нашей Алахе и мишкане сердца, что значит пребывать в кдуша, что такое наши молитвы, шабат и праздники. И прежде всего – что означает обратиться всем сердцем к Б-гу как Он есть, «любить Его и служить Ему всем

сердцем твоим и всю душою твоею». Это важнейшие моменты; надеюсь, каждый из них найдет в тебе живой отклик.

Ю. Л. Да.

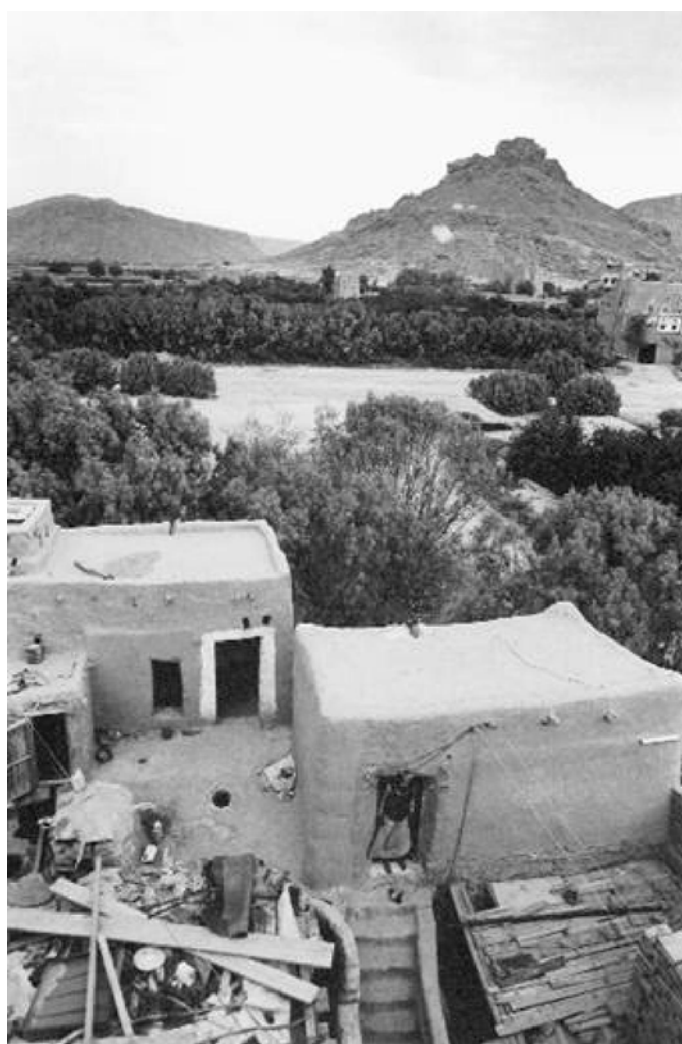
Д. Д. Хорошо. Тогда пожелаю тебе только успеха. Может, еще по стаканчику чачи? И даст Б-г, мы с тобой еще встретимся здесь, а может, и там. А пока – лехаим!

САЙФ ЗУ ЯЗАН – ПОСЛЕДНИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ЦАРЬ ЙЕМЕНА

Ī ʿōāēē xādī ʿī

Наверное, одним из наиболее ярких и необычных эпизодов истории еврейского народа в раннем Средневековье являются события, происходившие на территории современного Йемена в V–VI веках н. э., когда цари небольшого государства Химьяр со столицей в городе Зафар – примерно в 150 км южнее современной столицы Йемена Саны – приняли иудаизм в качестве государственной религии.

Возвысившееся в III веке н. э. царство Химьяр постепенно объединило под своей властью весь Йемен. Экономика объединенного государства зиждилась на транзитной торговле южноаравийскими благовониями и ароматическими веществами, которая осуществлялась по так называемой «дороге благовоний», пересекавшей весь Йемен с востока на запад и уходившей на север в сторону Хиджаза и Страны Израиля. На последнем своем отрезке эта важнейшая торговая артерия Древнего мира пересекала Негев и оканчивалась в порту Газы, откуда аравийские благовония экспортировались во

все страны Средиземноморья. Химьярские цари были естественным образом заинтересованы в установлении контроля над теми землями, по которым проходил маршрут «дороги благовоний». Поэтому они предпринимали завоевательные походы на север с целью покорения оазисов Хиджаза, часть которых была заселена евреями. Именно с одним из таких походов связывается обращение химьярского царя Харита ибн Амру в иудаизм, произошедшее где-то около середины V века.

Иудаизм в Йемене столкнулся с сильным и непримиримым врагом – христианством (монофизитского толка), начавшим проникать в страну уже в IV веке. На протяжении многих десятилетий в стране шла борьба между иудейской и христианской партиями. Последняя опиралась на могущественную, но далекую Византийскую империю и на гораздо более близкое христианское царство Аксум, занимавшее территорию нынешней Эфиопии и Южного Судана. Цари Аксума, принявшие христианство уже в IV веке, надеялись распространить свою власть и на близлежащий Йемен. В начале VI века это им удалось: аксумский царь (негус) Калед алла-Асбаха посадил на престол Химьяра вассального царя-христианина Зу Шанатира. Однако вскоре в стране вспыхнуло восстание во главе с отпрыском царского дома Химьяра Йосефом Зу Нувасом – ярким сторонником иудаизма. Зу Шанатир был убит, а эфиопский гарнизон в Зафаре уничтожен. В ожесточенной битве, произошедшей в 525 году на западном побережье Йемена, между высадившимися с кораблей эфиопами и войсками Зу Нуваса войско Химьяра было разбито, а сам Йосеф, не желая попасть в руки врагам, бросился со скалы в море.

После гибели Зу Нуваса эфиопы захватили Йемен и разрушили его столицу – Зафар. Новой столицей страны стала Сана. Йемен, поначалу бывший частью Аксумского царства, через короткое время прекратил признавать власть Калеба алла-Асбахи и попал под власть командиров эфиопского оккупационного корпуса в стране. После кровопролитной борьбы между этими полководцами за власть победителем вышел Абраха – ревностный христианин и гонитель евреев. Издевательства завоевателей над населением Йемена привели в 541 году к восстанию, во главе которого встали ряд химьярских кайлей (словом «кайль» в раннесредневековом Йемене назывались крупнейшие магнаты и племенные вожди). Признанным лидером этого движения стал, вероятно, один из еврейских кайлей Зу Джадан. Однако восставшие потерпели поражение, и их движение было жестоко подавлено Абрахой^[1].

Правление Абрахи продолжалось примерно до 570 года. Одним из известнейших его деяний была неудачная попытка захвата города Мекки, являвшегося важной караванной остановкой на «дороге благовоний». Абрахе наследовали его сыновья Яксум и Масрук. Однако около 575 года в Йемен вторгается иранский экспедиционный корпус и эфиопской власти в стране приходит конец. В Химьяре на целых четыре года воцарился последний еврейский царь этой страны, легендарный Сайф Зу Язан, проживший короткую, но полную драматических приключений жизнь.

Происхождение Сайфа

Большую часть наших сведений о происхождении Сайфа мы черпаем из сочинений йеменского историка XII века Нашвана ибн Саида аль-Химьяри и арабского хрониста XIV века Абд ар-Рахмана ибн Мухаммеда ибн Халдуна^[2]. Почти все имеющиеся в нашем распоряжении источники отмечают связь Сайфа с династией химьярских царей. Род Зу Язанов, обитавший, по всей видимости, на востоке Йемена – в Хадрамауте, исповедовал иудаизм и состоял в активной оппозиции эфиопским захватчикам.

Отцом Сайфа был аль-Фаяд Абу аль-Мурра, зять химьярского кайля Зу Джадана, возглавлявшего в свое время антиэфиопское движение в оккупированном Химьяре. Своего сына он назвал Маади-Карибом, вероятно в честь царских предков мальчика (Маади-Кариб было именем одного из царей Химьяра). Однако помимо химьярского имени у мальчика было и второе, арабское – Сайф («меч»), под которым ему суждено было войти в историю^[3].

Жена Зу Язана, Райхана, отличалась, по преданию, особой красотой. Она приглянулась царю Абрахе, и тот недолго думая отнял ее у аль-Фаяда и женился на ней. Маленький Сайф остался с матерью и был усыновлен Абрахой. Оскорбленный аль-Фаяд поклялся отомстить Абрахе. Покинув Йемен, он заручился поддержкой одного из вассальных князей персидского шаха Хосрова I Ануширвана (531–579) и направился в столицу Ирана – Ктесифон. На аудиенции, данной ему шахом, аль-Фаяд просил Хосрова об отправке персидского войска в Йемен и обещал передать страну под его власть. Хосров отклонил предложение аль-Фаяда, ссылаясь на риск, сопряженный с посылкой войск на столь далекое расстояние. Кроме того, Хосров в это время вел напряженную войну с византийским императором Юстинианом I в Западной Грузии. Впрочем, шах оказал аль-Фаяду различные почести и знаки внимания и даже поселил его при своем дворе, где тот вскорости и умер^[4].

Сайф в Византии и Иране

До определенного возраста Сайф рос в семье Абрахи и ничего не знал о своем еврейском происхождении. Можно предположить, что, воспитываясь в семье такого ревностного христианина, каким был его отчим, он был крещен и получил христианское образование.

Однако мать Сайфа, Райхана, втайне открыла ему имя его истинного отца и рассказала его историю. Сайф затаил вражду к своему отчиму, однако, согласно свидетельству Табари, он решился на открытое выступление лишь после смерти Абрахи и его старшего сына Яксума, наследовавшего ему. Из других источников можно заключить, что Сайф начал действовать против своего отчима еще до этого. По всей видимости, он тайно вернулся к вере своего отца и вступил в контакт с иудейскими родами Химьяра, враждебно настроенными к эфиопам-христианам. Согласно сообщению Абуль-Фараджа аль-Исфахани, Сайф, подобно своему отцу, поклялся не пить вина, а также не прикасаться к женщине, пока не отомстит эфиопам за страдания и позор, нанесенные его семье и всем евреям Йемена^[5].

Зная об отказе, полученном его отцом при персидском дворе, Сайф решил вначале искать помощи в Византии: он добрался до Константинополя и добился аудиенции у императора Юстина II. Однако император отказал ему, заявив, что «эфиопы придерживаются моей веры и веры моего царства, вы же – иудейской веры». Разочарованный этим ответом, Сайф, подобно своему отцу, решил обратиться к персидскому царю. На этот раз Хосров серьезно задумался над предложением йеменского шейха. Экспедиция в Йемен несомненно должна была казаться рискованным и малооправданным предприятием, ввиду того что как раз в это время почти все военные ресурсы Ирана были направлены в северо-западную часть империи, на подавление восстания в Армении под предводительством Вардана. Оригинальное решение вопроса предложил Хосрову зороастрийский первосвященник: освободить из столичных тюрем всех заключенных, приговоренных к смерти, и собрать из них экспедиционный корпус для отправки с Сайфом в Йемен. Хосров принял совет и выпустил из тюрем 800 заключенных. Согласно одной из традиций, это были дейлемиты из племени Михрсан – воинственные

горцы, жившие на юго-западном берегу Каспийского моря. Вероятно, собранные шахом дейлемиты были военнопленными. Во главе этого «воинства» Хосров поставил своего двоюродного брата Вахриза, приказал снабдить экспедиционный корпус всем необходимым и выделил для его транспортировки к берегам Йемена восемь судов.

Завоевание Сайфом Йемена

Хотя выделенного ему Хосровом ополчения было явно недостаточно для борьбы с эфиопами, Сайф, за неимением ничего лучшего, принял и это. На пути домой корабли Сайфа попали в сильный шторм, и два из них, вместе со всем экипажем, пошли ко дну. Добравшись до берегов Йемена, Сайф решил высадить свой десант у берегов Хадрамаута, в Масубе, вероятно, из-за того, что в этом районе проживал род Зу Язанов и преобладали еврейско-химьярские кланы, враждебные эфиопам. Сразу же после высадки Сайф отправился по окрестностям собирать своих сторонников и сумел привести в свой лагерь внушительное подкрепление. Вскоре к Масубу во главе огромного войска явился царь Масрук, прижавший людей Сайфа к морю. Обладая абсолютным численным превосходством, Масрук мог не сомневаться в своей победе. Однако, опасаясь конфликта с Ираном, Масрук предпочел решить дело миром и вступил в переговоры с Вахризом, который тоже предпочел заключить временное перемирие. Обе стороны обменялись соответствующими клятвами и разошлись по своим лагерям. Возможно, Вахриз и Сайф надеялись на помощь отрядов химьяритов-иудеев, которые еще не успели прибыть в лагерь Сайфа.

За день до истечения срока перемирия Вахриз приказал поджечь корабли – и тем самым отрезать все пути к отступлению. На следующее утро Вахриз и Сайф выстроили свою маленькую армию тылом к морю. На вооружении у персов было необычайное оружие, совершенно неизвестное в Йемене, – самострелы (араб. «аль-банджакан»), вероятно проникшее в Иран из Китая. Убойная сила и длина полета стрел этого оружия далеко превосходила обычные луки. Именно на эти самострелы Вахриз теперь и возлагал свою единственную надежду на победу. Он приказал воинам дожидаться его сигнала, по которому они должны были одним залпом осыпать неприятеля стрелами. Тем временем эфиопы тоже выстроились к бою, и войску их, по словам Табари, «не было видно конца». Особо выделялся сам Масрук, с рубиновым венцом на голове, ехавший на слоне. Вскоре, однако, он сошел со слона и пересел на верблюда, затем на лошадь и, наконец, на мула. Сайф и его люди увидели в этом для себя доброе предзнаменование скорого падения эфиопов. И действительно, удачным выстрелом из аль-банджакан Вахризу удалось поразить Масрука. Деморализованные гибелью своего вождя эфиопы и их союзники обратились в бегство, и, по словам Табари, люди Сайфа учинили среди них страшную резню^[6].

После победы при Масубе Сайф и Вахриз двинулись на Сану, в которую они вступили без сопротивления. В древнем дворце царей Химьяра Вахриз короновал Сайфа посланной Хосровом короной и облачил его в шитые серебром одеяния. Вскоре Вахриз вернулся обратно в Иран с первой данью, высланной Сайфом персидскому царю. Персидские воины, прибывшие с Вахризом, остались при Сайфе. По всей видимости, поселение их в Йемене было запланировано с самого начала, так как, согласно ряду источников, Сайф еще до начала похода обещал дать им жен из местного населения, обязываясь при этом, что в будущем дочери, родившиеся от этих браков, не будут выданы замуж за химьяритов. Потомки этих воинов, сохранявшие свою обособленность в течение нескольких поколений, тем не менее довольно быстро переняли язык и обычаи местного населения. Они были известны как «абна» или «абна ас-Сайф» («сыновья Сайфа») и являлись, видимо, основной опорой власти Сайфа^[7]. Таким образом, на 45-м году

правления Хосрова Ануширвана, т. е. в 575–576 годах, после более чем пятидесятилетнего перерыва, в Йемене вновь воцарился еврейский царь, на этот раз – вассальный персидскому монарху.

Легенда о встрече Сайфа с курайшитами

Особое место, которое занимает Сайф в средневековой мусульманской историографии, связано с легендой о прибытии в Сану посольства из Мекки, в составе которого были главы жившего там племени курайш – Абд аль-Мутталиб ибн Хашим (дед будущего пророка Мухаммеда) и Умайя ибн Абд-Шамс (предок будущей династии Омейядов), с целью поздравить нового царя с его победой. Источники красочно расписывают вход послов в тронный зал Сайфа, который «был умащен амброй и мускусом» и «держал в руках своих меч», а «по правую и по левую сторону от него <стояли> цари и сыновья царей и дети кайлей». Когда Сайф узнал о происхождении его гостей, он радушно принял их, назвав «сыновьями моей сестры», и даже усадил Абд аль-Мутталиба рядом с собой. Согласно аль-Исфакхани, рассказ которого о посольстве курайшитов к Сайфу отличается наибольшей подробностью, курайшитское посольство на протяжении целого месяца гостило в Сане, не получая аудиенции у Сайфа, и лишь по истечении месяца Сайф призвал Абд аль-Мутталиба во дворец и сообщил ему, что на основании священных книг и тайных знаний, доступных ему, Сайфу, он узнал о том, что в роду Абд аль-Мутталиба должен родиться пророк, которому суждено будет основать новую веру и искоренить идолов. При этом Сайф якобы заранее предвидел, что этого пророка будут звать Мухаммед, что на спине у него будет большое родимое пятно, что в раннем детстве он лишится своих родителей и будет расти у своего деда и что ему суждено возвыситься, а затем и быть похороненным в городе Ясрибе (Медине). Услышав эти откровения царя, Абд аль-Мутталиб сообщил ему, что Мухаммед уже родился, что он является его родным внуком, родители которого на самом деле умерли. Тогда Сайф попросил Абд аль-Мутталиба немедленно уведомить его, когда его внук получит «откровение». Он также посоветовал деду пророка оберегать своего внука от евреев. Отпуская курайшитское посольство домой, Сайф щедро наградил всех его участников. Нет надобности говорить, что весь этот фантастический сюжет должен был продемонстрировать родственные связи рода курайшитов с династией химьярских царей и тем самым возвысить престиж пророка Мухаммеда. Вместе с тем в основе его могут лежать и определенные исторические факты. Как известно, эфиопские правители Йемена пытались в свое время захватить Мекку, и уничтожение их царства в Йемене, несомненно, играло на руку курайшитами, приветствовавшим воцарение Сайфа. Сам же Сайф, в свою очередь, был заинтересован в поддержании хороших отношений с арабскими племенами, контролировавшими различные участки «дороги благовоний», среди которых

племя курайш занимало далеко не последнее место. Так что сам факт обмена дружескими посольствами между Химьяром и курайшитской Меккой вполне мог иметь место.

Вторжение Сайфа в Эфиопию и царство Шам

После рассказа о воцарении Сайфа практически все арабские источники повествуют о войне Сайфа с эфиопами^[8]. На первый взгляд может показаться, что речь идет о продолжении военных действий в Йемене. Однако целый ряд свидетельств позволяет выдвинуть иную версию: химьярские войска во главе с Сайфом высадились на африканском берегу и вели войну в самой Эфиопии.

В биографии пророка Мухаммеда, написанной на китайском языке мусульманином Лю Чи в 1721–1724 годах и являющейся, в свою очередь, переложением несохранившейся арабской биографии пророка XIV века, упоминается царь Эфиопии по имени Сай-фу (т. е. Сайф)^[9]. Среди восьми эфиопских негусов, правивших во второй половине VI – начале VII века, ни один не носил имени Сайф. Более того, судя по монетам этих правителей, украшенным изображением креста, все они были христианами. Из этого можно заключить, что Сай-фу из китайской биографии Мухаммеда (если он действительно существовал) был пришлым правителем Эфиопии или, скорее всего, ее северо-восточной части – наиболее близкой к побережью Красного моря.

В конце X века Аксумское царство было уничтожено вторжением племен агау, во главе которых стояла царица Гудит (Йеудит), исповедовавшая, согласно эфиопским источникам, иудаизм. Современный эфиопский исследователь Сергеу Хабле-Селаси обнаружил в древних рукописях, хранящихся в городе Аксуме, интересные и ранее неизвестные подробности о происхождении и деяниях царицы Гудит. Среди прочего он сообщает, что Гудит (находившаяся в родстве с царским домом Аксума) была замужем за еврейским князем по имени Зиновис, отец которого был царем страны Шам. Под названием «Шам» в средневековой Эфиопии обычно подразумевалась Сирия. Однако, по мнению Хабле-Селаси, в данном контексте речь идет о северо-восточной части Эфиопии, расположенной на побережье Красного моря (территория современной Эритреи)^[10]. Имя еврейского князя – Зиновис, – созвучное прозванию еврейского царя Химьяра Зу Нуваса, погибшего в 524 году, наводит на мысль о химьярских корнях еврейского царства Шам.

На основе приведенных выше фактов можно предположить, что царство Шам являлось фактически последним осколком еврейского Химьяра. Можно также предположить, что во время своего похода на Эфиопию Сайф захватил ряд прибрежных, наиболее близких к Йемену районов на северо-востоке страны, где оставил свои

гарнизоны. После гибели Сайфа и захвата Йемена персами заморские владения Сайфа оказались оторваны от своей метрополии и приобрели фактическую независимость. Население этих областей состояло, вероятно, частично из потомков химьярских гарнизонов, а частично из обращенных в иудаизм местных жителей.

Жители царства Шам, несомненно, способствовали обращению ряда местных жителей Эфиопии в иудаизм (как, например, несемитских племен агау) и, возможно, являлись фактором первостепенной важности, приведшим к образованию эфиопского еврейства. Следует отметить, что еще до начала 80–х годов XX века на северо-востоке Эфиопии, в том самом районе, который предположительно занимало царство Шам, жило еврейское население, имевшее как языковые (использование языка тигри вместо амхарского), так и внешние признаки, отличавшие их от остальных евреев Эфиопии. Эта часть еврейства Эфиопии, возможно объединяющая потомков жителей химьярского царства Шам, в массовом порядке репатриировалась в Израиль в ходе операции «Мивца Моше».

Гибель Сайфа и присоединение Йемена к Сасанидскому Ирану

Все источники сообщают о том, что в Эфиопии Сайф захватил пленников, из которых была образована гвардия его телохранителей-меченосцев. Затаив в душе естественную ненависть к Сайфу, они составили против него заговор. Однажды во время охоты (согласно Табари – вскоре после похода на Эфиопию), воспользовавшись тем, что Сайф отдалился от остальной свиты, заговорщики набросились на него и изрубили своими мечами^[11].

Заговорщики-эфиопы немедленно провозгласили царем одного из своих товарищей и подняли в Йемене восстание с целью восстановить старые порядки. Малочисленный персидский гарнизон «абана» в Сане оказал им ожесточенное сопротивление и немедленно послал гонца в Иран с просьбой о помощи. Сын Хосрова Хормизд IV (579–590) послал в Йемен карательную экспедицию во главе с тем же Вахризом, которая потопила в крови восстание эфиопов. Снова покорив страну, персы не пытались больше восстановить в ней еврейскую монархию, а просто-напросто превратили ее в провинцию своей империи, во главе которой встал наместник-марзубан. Первым марзубаном Йемена был сам Вахриз^[12].

Так окончилась последняя попытка восстановления еврейского государства в Йемене: страна почти на пятьдесят лет попала под власть персов. Около 630 года Йемен был без сопротивления покорен войсками пророка Мухаммеда, положившего конец

персидскому владычеству в стране. В Йемене начала быстро распространяться новая религия – ислам, в будущем принеся немало бедствий местному еврейскому населению.

Сайф, проживший короткую (к моменту гибели ему было около тридцати лет), но насыщенную героическими и драматическими событиями жизнь, оставил после себя глубокий след в коллективной памяти как жителей самого Йемена, так и всего арабского мира. Для йеменцев Сайф и после принятия ислама продолжал оставаться национальным героем, изгнавшим иноземных захватчиков с родной земли и отомстившим за поруганную честь страны. Естественно, с течением времени про его еврейское происхождение старались не вспоминать, и постепенно оно было забыто.

Рассказы о подвигах Сайфа распространились среди всех племен Аравийского полуострова. Арабо-мусульманские завоеватели, создавшие Халифат, разнесли их, в свою очередь, по всему Ближнему Востоку. Со временем рассказы эти обрастали все большими легендарными подробностями, теряя всякую связь с исторической действительностью, пока где-то на рубеже XV–XVI веков они не оформились в огромный сказочно-эпический цикл «Сират Сайф Зу Язан» («Деяния Сайфа Зу Язана»), вышедший в 1881–1885 годах в Каире в 17 (!) томах.

Сайф превратился, таким образом, в одного из популярнейших эпических героев арабского мира, наряду с воином-поэтом Антарой и мамлюкским султаном Бейбарсом. Сказания о Сайфе еще в первой половине XX века исполнялись профессиональными сказителями при массовых стечениях народа – на ярмарках и в кофейнях в Каире и Дамаске, в Халебе и Багдаде, в Александрии и Басре. При всем этом, в историческом сознании еврейского народа Сайф Зу Язан практически отсутствует. Смею надеяться, что настоящая статья хоть в какой-то степени изменит эту парадоксальную ситуацию.

^[1] См.: Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию: Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М. – Л., 1951. С. 98, 100–109.

^[2] Нашван ибн Саид аль-Химьяри. Извлечения из «Истории Йемена». Лейден, 1916 (на араб.); Абд ар-Рахман ибн Мухаммед ибн Халдун. История. Бейрут, 1980. Т. 2 (на араб.).

^[3] Мухаммед ибн Джарир Табари. История пророков и царей. Бейрут, 2001. Т. 1. С. 446 (на араб.).

^[4] Там же. С. 446–447.

^[5] Абуль-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен. Бейрут, 1997. Т. 14. С. 308 (на араб.).

^[6] Мухаммед ибн Джарир Табари. С. 447.

^[7] Нашван ибн Саид аль-Химьяри. С. 116.

^[8] Мухаммед ибн Джарир Табари. С. 449; Абуль-Фарадж аль-Исфахани. С. 311.

^[9] S. C. Munro-Hay. Aksum: An African Civilization of Late Antiquity. Edinburgh, 1991. P. 93.

^[10] S. Hable-Selassie. The Problem of Gudit // Journal of Ethiopian Studies. Vol. X. № 1 (1972). P. 113–

^[11] Мухаммед ибн Джарир Табари. С. 449; Абуль-Фарадж аль-Исфахани. С. 311.

^[12] Мухаммед ибн Джарир Табари. С. 449.

«Г-СПОДЬ ДА ОТОМСТИТ ЗА ИХ КРОВЬ!»

Погромы 1648–1649 годов в науке и традиции: ревизионизм и национальная гордость

Ааеіа Сіаіа еіа

Разные национальные нарративы видят в украинских событиях 1648–1649 годов разное содержание, трактуют и оценивают их по-разному и, соответственно, по-разному называют: это и «восстание Богдана Хмельницкого», и «казацкие войны», и «гонения 5408–5409 годов» (гзерт тах-тат), они же – первый Холокост украинского еврейства.

Если следовать первым вариантам названия, конец 40-х – начало 50-х годов XVII века видится, прежде всего, как период борьбы украинского казачества с засильем поляков и ужесточением контроля польских властей над Украиной. Этому взрыву предшествовал польский «золотой век» в украинских землях в 1630–1640-х годах, когда польское землевладение росло сказочными темпами (к примеру, за князьями Вишневецкими в 1616 году числилось шестьсот усадеб, в 1640-м – уже семь тысяч, а в 1648-м – тридцать восемь тысяч!), и к моменту кризиса польские магнаты завладели уже 80% всех земель. Польское владычество сопровождалось усилением налогового гнета, включающим нарушение традиционных казацких вольностей и льгот, и обострением социальных (дворяне/крестьяне, мещане), конфессиональных (католики/православные) и этнических (поляки/украинцы) противоречий. И в разразившемся в 1648 году конфликте было – вопреки общепринятому представлению – не два (казаки/шляхта), а гораздо больше участников: казачество, социальные низы (православные крестьяне и мещане), шляхта, панство (обладающее своими, отличными от шляхты, целями и политическими амбициями), король (географически удаленный от места действия; к тому же надо учитывать, что начало восстания пришлось на «межкоролевье», так что рука королевской власти почувствовалась лишь со временем), а также внешние силы – Московское царство, всегда готовое постараться назло кому-нибудь из надменных соседей, и обедневшее Крымское ханство, отчаявшееся получить миром законную дань с поляков и в отместку решившее поддержать Хмельницкого.

Если говорить о гзерт тах-тат, необходимо ввести в картину еврейское население региона. Население, как традиционно постулируется, многочисленное, но при этом на самом деле трудноисчисляемое. Демографическая информация извлекается, прежде всего, из переписей домов, произведенных в фискальных целях, – источника не самого надежного (ибо количество домов, по возможности, приуменьшалось, чтобы сократить налоги), а главное, не дающего окончательного ответа – ведь неизвестно, сколько человек проживало в доме. Другой источник – сохранившиеся синагоги: вычисляется, сколько мест было в синагоге (что равняется количеству мужчин в общине), и выводы экстраполируются на другие общины того же статуса, судя по представительству в органах автономии. Так или иначе, в новейших исследованиях заявляется цифра сорок тысяч – для еврейского населения Украины (Волини, Подолии, Киевской и Брацлавской областей) и столько же – для евреев Червонной Руси^[1]. Социально-профессиональный портрет этого населения стандартен: беднота (обычно на содержании общины), средний класс (ремесленники, торговцы, арендаторы), интеллектуальная (раввины, главы ешив) и финансовая (крупные купцы, откупщики

налогов) элиты. Элиты эти, некогда конкурирующие, ныне сближались, связанные узами перекрестных браков, и вместе управляли общиной. Управление это было умеренно олигархическим (существовал имущественный ценз для избирателей) и многоступенчатым: пирамиду из кагальных, окружных и земельных советов (они же сеймы, или ваады) венчал знаменитый Ваад Четырех земель, созданный, как обычно, не по воле евреев, стремящихся к какой-никакой политической автономии, а по фискальной нужде государства – Ваад был учрежден через год после введения подушной подати и через два века упразднен вместе с нею. Средний и богатый классы наладили взаимовыгодные отношения с панством, служа им в качестве крупных арендаторов, откупщиков налогов и управляющих, и еврейская община процветала, наслаждаясь «золотым веком» синхронно с «польскими оккупантами».

Однако, как с циклическим постоянством демонстрирует нам еврейская история в интерпретации еврейской традиции, любой золотой век чреват повышенной греховностью. Итак, следуя некоей усредненной традиционной версии событий (порожденной современными им источниками и частью позднейшей историографии), в 5408 (то есть 1648) году гнев Б-жий поразил греховный Израиль, подобный «заблудшей овце», и орудием этого гнева стали татары с православными, объединившиеся против панов и евреев. И пошли они войной на города и «святые общины» (то есть еврейские общины), и евреи защищали города вместе с панами, но те зачастую их предавали, что приводило к кровопролитным расправам над евреями, характеризующимся изощренной жестокостью, и осквернению еврейских святынь:

И много святых общин <...> погибли смертью мучеников от различнейших жесточайших и тяжких способов убийства: у некоторых сдирали кожу заживо, а тело бросали собакам, а некоторых – после того как у них отрубали руки и ноги – бросали на дорогу и проезжали по ним на телегах и топтали лошадьми, а некоторых, подвергнув многим пыткам, недостаточным для того, чтобы убить сразу, бросали, чтобы они долго мучились в смертных муках, до того как испустят дух; многих закапывали живьем, младенцев резали в лоне их матерей, многих детей рубили на куски, как рыбу; у беременных женщин вспарывали живот и плод швыряли им в лицо, а иным в распоротый живот зашивали живую кошку и отрубали им руки, чтобы они не могли извлечь кошку; некоторых детей вешали на грудь матерей; а других, насадив на вертел, жарили на огне, и принуждали матерей есть это мясо; а иногда из еврейских детей сооружали мост и проезжали по нему. Не существует на свете способа мучительного убийства, которого

они бы не применили... Библейские свитки рвали на клочья и делали из них мешки и обувь; а ремнями для тфилин подвязывали сапоги, покрышки же их выбрасывали на улицу; священными книгами мостили улицы или изготавливали из них пыжи для ружей¹².

Евреи же с готовностью гибли за свою веру, принимали мучения во имя Всевышнего, совершая так называемый кидуш а-Шем, «освящение Имени». В том числе женщины предпочитали смерть осквернению неверными:

Случай был с одной очень красивой девушкой из почтенной и богатой семьи. Она была пленена казаком и взята им в жены. Но раньше, чем он овладел ею, она схитрила: она сказала ему, что знает заклинание, которое предохраняет от всякого оружия. «Если не веришь мне, – сказала она, – возьми ружье и выстрели в меня – это мне не причинит вреда». Казак – ее муж, – поверив ей по наивности, выстрелил в нее из ружья, и она была убита наповал за святость Имени, и не была осквернена неверными (Г-сподь да отомстит за ее кровь!). Еще случай был с красивой девушкой, которая была выдана замуж за казака. Она просила, чтобы он обвенчался с ней в церкви, стоящей на другой стороне реки. Казак выполнил ее просьбу, и ее повели на венчальный обряд в великолепном одеянии под звуки музыки и танцев. Взойдя на мост, она прыгнула в воду и утонула за святость Имени (Г-сподь да отомстит за ее кровь!). И еще было такое множество подобных случаев, что обо всех них рассказать невозможно¹³.

Избежать насилия и откупиться от погромщиков удавалось в редких случаях – общинам богатым и совершившим должное покаяние, как, например, во Львове:

Было условлено, что город, как евреи, так и паны, должен дать выкуп в размере 200 000 злотых. Но так как в наличности не было такой суммы денег, отдавали серебряные и золотые вещи и другие товары за бесценно, ниже торговой оптовой цены. Серебро и золото взвешивали на больших весах все одно что олово и отдавали за полцены. Так была обобрана св. община Львов и уподобилась пруду, из которого выужена вся рыба. Если бы Г-сподь не смилоствивился над Своим народом, сынами Израиля, находившимися во Львове в количестве тысяч и десятков тысяч, отличавшимися великою ученостью и совершившими столь великое покаяние, что их мольбы достигли Небес, вследствие чего Г-сподь побудил злодеев пойти на соглашение, – если бы не все это и город оставался бы в осаде еще с неделю, все жители погибли бы от голода и жажды¹⁴.

В конце концов утвердился на троне новый польский король Ян Казимир и худо-бедно всех замирил. Но слишком поздно: «бесчисленные тысячи» евреев погибли, а выжившие были обречены на нищету и бродяжничество. И все, что оставалось им и хронистам, повествующим об этих событиях, – это оплакивать погубленные святыне общины и молить Б-га об отмщении.

Кстати о хронистах и о кодификации еврейской памяти об этих печальных событиях. О погромах сразу же, в течение нескольких лет, было написано около десяти хроник и пиютов, литургических плачей, – как на иврите, так и на идише, как очевидцами, так и иностранными евреями, узнавшими о происшедшем от беженцев. Хроники гзерот тах-тат завоевали исключительную популярность у еврейской аудитории, выдержали несколько переизданий в Польше и Италии и привлекли творческое внимание плагиаторов. В этом рейтинге лидировало сочинение Натана Ганновера «Йевен мецула» («Пучина бездонная»), которое мы уже цитировали выше. Название хроники Ганновера, будучи библейской цитатой (Теилим, 69:3), содержит также игру слов: ср. явен («пучина») и яван («Греция», для восточноевропейских евреев того времени символизировавшая православие и даже конкретно казачество), – и тайнопись гематрий: гематрия слов псалма

«Утонул я в пучине бездонной» равняется гематрии слов «Хмель и татарин соединились с православными». Как известно, Натан Ганновер был не чужд каббалистических штудий; кроме того, он был очевидцем событий, потерял в погромах отца, эмигрировал, странствовал по Европе, в том числе жил в Италии, а потом был убит в Венгрии союзниками турок. Трагическая судьба автора безусловно способствовала известности его сочинения. Но главное, его хроника признана самой подробной и обстоятельной, некоторые ученые считали ее также самой ранней, и все исследователи этой эпохи отдают ей приоритет перед другими рассказами.

Но даже к таким авторитетным источникам со временем возникают вопросы и рождаются сомнения в их достоверности. Не у современников, конечно, и не у Генриха Греца, отца еврейской исторической науки, и даже не у исследователей начала XX века, представителей так называемой «слезной школы». Очень долго к еврейским источникам по гзерот тах-тат доминировало не критическое отношение, так как их характер вполне соответствовал общей мартирологической концепции еврейской истории. Но пришло время низлагать авторитеты и менять концепции, и еврейские хроники хмельничины подверглись критическому анализу путем сравнения между собой и с источниками других жанров (прежде всего судебными документами), а также с нарративами нееврейскими – украинскими и польскими. Выводы были вполне предсказуемыми: реконструкцию событий по этим хроникам надо проводить крайне осторожно – ибо везде правят бал свои топосы и перед всеми авторами стоят свои цели, далекие от девиза Ранке изложить все, «как оно было на самом деле», – слишком уж болезненные события задействованы. Итак, украинские нарративы о восстании 1648–1649 годов подчинены задаче живописать героическую борьбу за православие и независимость; польские – проводят идею защиты цивилизованного мира от варваров и азиатов; еврейские, как мы видели, – оплакивают гибель многочисленных «святых общин» и воспевают мученичество за веру^[5].

При этом гонения и страдания еврейские авторы склонны преувеличивать, чтобы впечатлить разных своих адресатов: как Всевышнего, Который должен ниспослать месть гонителям и Избавление Своему народу, так и зарубежных соплеменников, от которых ожидают помощи беженцам и самим разоренным украинским общинам. Действуют эти авторы по веками эксплуатируемой модели «новое вино в старые мехи», видя и заставляя своих читателей увидеть в событиях 5408–5409 годов реновацию библейских и постбиблейских архетипов: бедствий египетского плена, гонений персов и Селевкидов, римских расправ времен Великого восстания и восстания Бар-Кохбы и – наиболее актуальный образец – средневековых погромов крестоносцев. Этот реновационный подход заметен как в хрониках, так и в литургике и в мемориальных ритуалах. Так, рабби Шабтай (Саббатай) а-Коен, автор хроники «Свиток тягот», установил для себя – а вслед за ним Ваад Четырех земель провозгласил для всего польского еврейства – пост 20-го числа месяца сиван в память о жертвах казацких погромов; это число было выбрано не случайно: пять столетий назад рабейну Яаков Там установил в тот же день пост для евреев Франции и Германии в память о навете и сожжении общины в Блуа. Примечательно, что крайне авторитетный тогда в Польше раввин Йом-Тов Липман Геллер отказался сочинять новые молитвы по поводу произошедших гонений, а взял старые, в том числе составленные после сожжения в Блуа, и при этом вполне недвусмысленно эксплицировал идею повторения всего и вся:

То, что произошло сейчас, подобно преследованиям в старину, и то, что случилось с предками, постигло и потомков. О прежнем предшествующие поколения уже сложили молитвы <...>. Все это одно и то же. <...> Пусть же их уста говорят в их могилах и пусть их слова станут лестницей, по которой наши молитвы взойдут на небеса^[6].

Если же более детально разбирать преувеличения еврейских авторов, победу топоса над исторической действительностью в погромных нарративах и – вслед за ними – в позднейшей национальной памяти о хмельничине, то мы обнаружим следующие интересные расхождения.

Среди причин погрома, помимо «гнева Б-жьего» и «родовых мук» Машиаха (ибо еврейская эсхатологическая концепция гласит, что Избавлению предшествует кризис), традиционно называют казацкий антисемитизм, и, соответственно, гзерот тах-тат снискали титул первого Холокоста восточноевропейского еврейства. Однако польские хроники и даже, если приглядеться, Натан Ганновер рисуют несколько иную картину: еврейские погромы и планомерное уничтожение евреев вовсе не были целью казаков, которые зачастую не трогали женщин, иногда брали выкуп и после погрома миловали выживших. Евреи страдали наряду с другими, особенно – неправославными мирными жителями: поляков тоже убивали, оскверняли их костелы и воровали храмовую утварь.

Нельзя забывать и о вине самих евреев – не трудно измеримой греховности, а вполне измеримой социальной роли, которая вызывала ненависть православного населения и, соответственно, во многом спровоцировала погромы. Еврейские хронисты упоминают об этом, но крайне лапидарно: православные, мол, были унижены и даже евреи – выше их. Из других источников мы узнаем о том, что евреи-арендаторы и сборщики налогов, не говоря уже об управляющих поместьями, имели право наказывать православных крестьян и – особенно растиражированная деталь – за неуплату податей забирать ключи от церквей, лишая жителей службы и жизненно важных обрядов (крещение, венчание, отпевание), пока те не заплатят. Ваад Четырех земель еще в конце XVI века предостерегал от откупа налогов, прозорливо полагая, что это рано или поздно вызовет сильное народное недовольство и выйдет евреям боком. Генрих Грец в своей «Истории» обрушил на польское еврейство мощную инвективу в просветительно-секулярном духе, обвинив его в обмане иноверцев и общей хитрости и изворотливости, проистекающих из погруженности исключительно в талмудические штудии, из «одностороннего развития интеллекта, оттачивания умственных сил в ущерб силам душевным»^[7]. С.Я. Боровой, переводчик еврейских хроник о гзерот тах-тат, в своем Введении клеймит еврейских арендаторов и откупщиков за «эксплоатацию крестьянских масс» и неправильную классовую позицию: «арендаторы-евреи всеми своими классовыми интересами, всей своей хозяйственной практикой смыкаются с феодальной верхушкой польского общества»^[8]. Апологетическая еврейская историография сочувствует

украинскому еврейству, традиционно лояльному государству (и, добавим, правящему классу) и потому оказавшемуся «между молотом и наковальней». Не впадая в крайности, следует все же понимать, что конфликт, разразившийся в 1648–1649 годах, был скорее конфликтом между казаками и мирным населением и между бедными и богатыми, а не целенаправленным истреблением евреев.

Следующей важной темой, в достоверности раскрытия которой еврейскими хронистами есть основания сомневаться, является реакция евреев на гзерт. Плачи и хроники рассказывают нам о преобладающемприятии мученической смерти, кидуш а-Шем. Однако сопоставление погромных нарративов с документальными источниками, прежде всего судебными показаниями, демонстрирует, что хронисты допускали определенную гиперболизацию, руководствуясь чувством локального патриотизма и следуя известным литературным моделям. Там, где «преисполненные благочестия» герои хроник с готовностью отдают свои жизни за святость Имени, герои судебных рассказов думают только о том, как бы убежать. Что касается литературных образцов для подражания, то очевидным прототипом здесь являются нарративы о гзерт татну, крестоносных погромах 1096 года, произошедших в рейнских городах, – сопоставление с ними оказывается результативным по всем пунктам.

И хроники татну, и хроники тах-тат рассматривают погромы как проявление Б-жественного гнева, обрушившегося на избранный народ за его грехи, и евреи пытаются избежать наказания, совершив должное покаяние – но, как правило, безуспешно.

И там, и там присутствуют ярко выраженные мессианские ожидания и вычисления. Хронисты татну подчеркивают, что трагические события произошли в 256-й [19-летний] цикл^[9] – махзор рану, а ведь пророк Ирмеяу, предвещая мессианские времена, писал: Рану бе-рош а-гоим («Ликуйте во главе народов»). Хронисты тах-тат тоже любят гематрии (см. выше: авторское обоснование названия «Йевен мецула») и еврейские расшифровки нееврейских слов: так, имя Хмель (חמיל) было сочтено аббревиатурой фразы «Родовые муки [предшествующие явлению] Машиаха пришли в мир» (חבלי משיח יבאו לעולם).

В обеих группах хроник рассказывается, что евреи уповали на центральную власть и что их страдания были напрямую связаны с ее слабостью или отсутствием: германский император Генрих IV, пока крестоносцы орудовали на Рейне, пребывал в Италии, а польский король Владислав в 1648 году и вовсе умер, после чего евреи остались «как стадо без пастыря».

И там, и там живописуются жестокости погромщиков, надругательства над женщинами и младенцами и осквернения еврейских святынь, прежде всего – свитков Торы.

И в 1096-м, и в 1648 годах гонителей настигает скорое, но ограниченное, правда, возмездие: терпит поражение крестовый поход бедноты, а предавшему евреев пану Четвертинскому отпиливают голову, прежде изнасиловав на его глазах его супругу и дочерей. О возмездии же полном и окончательном хронистам остается лишь молить Г-спода, что они и делают с упорством, страстью и – единообразием:

В один день – третьего сивана – в третий день недели, тысяча и сто святых душ были убиты и зарезаны, дети и младенцы, еще не грешившие и не преступившие, души невинных бедных людей. Сдержишься ли Ты после этого, о Г-сподь, ибо это за Тебя

*бесчисленные души приняли смерть! Отомсти за пролитую кровь твоих слуг, в наше время и на наших глазах! Аминь. И поскорее!*¹¹⁰

*Но не послушались этих слов сыны Израиля, и простерли свои выи на резню за святое Имя и гаоны страны, и остальные мужи, и женщины и малые дети, и вся его община. Б–г мести да отомстит за них и вернет нас в нашу страну. <...> Г–сподь да отомстит за их кровь!*¹¹¹

*<...> В воды ритуального бассейна, очищенного от всякой скверны, было брошено тысяча пятьсот чистых детей, и они, еще трепещущи и шевелящие губами, были засыпаны землей. Неужели при виде этого Г–сподь сдержит Свой гнев и, царящий в высотах, будет молчать! <...> Да отомстит Г–сподь за кровь Своих рабов, которая, словно вода, орошала камни и деревья. Отомсти за всех убитых в эти годы за Твое святое Имя...*¹¹²

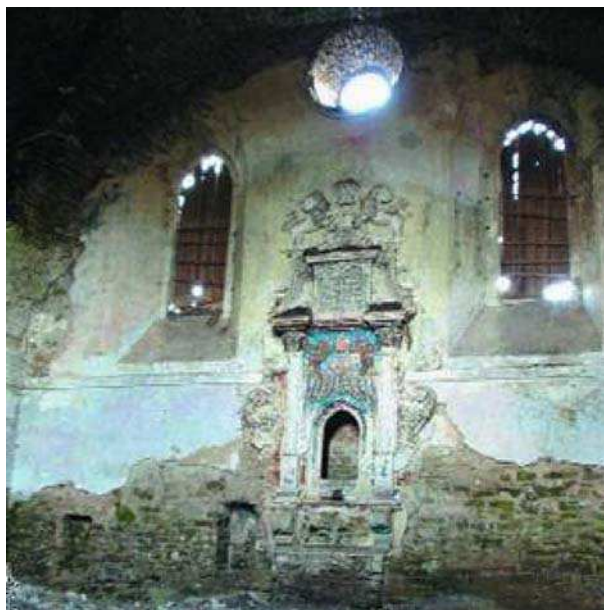
Забавный казус: в либеральном русском переводе XIX века призыв «Да отомстит Г–сподь за их кровь!» превратился в «Да смилостивится Г–сподь над их душами!»

Однако, вопреки созданной хронистами и литургическими поэтами картине подавляющего мученичества, отнюдь не маргинальными были и другие варианты поведения – менее героические, но куда более витальные: бегство, сдача в плен и переход в христианство. Бегством – по Украине, а также в Польшу, Литву, Румынию, Венгрию, Моравию, Богемию – спаслись как минимум восемь тысяч человек из украинских областей, за исключением Червонной Руси (то есть примерно одна пятая всего еврейского населения региона); мы узнаем об этом из постановлений зарубежных еврейских общин о поддержке около двух тысяч беженцев в год. Сходным образом, благодаря константинопольским документам о выкупе пленных мы знаем, что несколько тысяч сдались в плен татарам, были проданы туркам и вызволены балканскими соплеменниками. И наконец, несколько тысяч из страха приняли веру гонителей – недаром король Ян Казимир издал универсал, позволяющий невольным конвертам вернуться в иудаизм.

Аналогичные расхождения между еврейскими источниками, зигдущейся на них традицией и критическими исследованиями присутствуют в вопросах о численности погибших и последствиях гзерт тах-тат. Хроники и молитвы оплакивают «неисчислимыя тысячи», «тысячи и десятки тысяч» и, наконец, «сто тысяч». С.М. Дубнов и другие максималисты называют цифры от ста до пятисот тысяч. Современные же калькуляции, построенные на польских (и) документальных источниках, дают совсем иной результат: по Украине, за исключением Червонной Руси, еврейская община потеряла как убитыми, так и погибшими в ходе бегства и скитаний «всего» двадцать тысяч – то есть меньше половины своей общей численности.

Сходная «оптимистическая» тенденция наблюдается и при пересмотре исторического значения этих событий. Традиционная версия видит в хмельничине водораздел и начало упадка восточноевропейского еврейства: казацкие войны открыли вековую череду еврейских погромов, вплоть до кишиневского, нестабильность приводила к массовой эмиграции на Запад, а оставшееся население претерпевало экономическое банкротство и культурную стагнацию. Эту позицию разделяли многие авторитетные авторы, а Генрих Грец со свойственным ему просветительским пафосом пошел еще дальше, обвинив казаков и в отсталости западноевропейского еврейства!

В век Декарта и Спинозы, когда три цивилизованных народа – французы, голландцы и англичане – нанесли смертельный удар Средним векам, польско-еврейские эмигранты, спасаясь от банд Хмельницкого, опять принесли с собой Средневековье, и европейское еврейство погрязло в нем на целое столетие, а в каком-то смысле – пребывает в нем и до сих пор^[13].

Но ученые-ревизионисты утверждают обратное: не так много евреев погибло, многие вернулись из плена и из эмиграции, некоторые общины не были разрушены, другие – быстро восстановились, – так что нельзя говорить не только о Холокосте польско-украинского еврейства, но и о кризисе, обусловившем его последующий упадок.

Итак, современная наука – в отличие от обычной своей дотошной брюзгливости и критической угрюмости – в отношении гзерот тах-тат оказалась гораздо оптимистичнее традиции. Но и о последней нельзя забывать. Ибо Б–г с ними, с хрониками XVII века, о них никто не помнит и их никто не читает, но на их основании за прошедшие столетия была построена национальная память, которая от науки мало зависит и почти с ней не пересекается, но ревизионизм чует за версту и склонна на него обижаться. Поэтому, что бы там ни писали мелким шрифтом ученые, аршинными буквами на памятниках будет высечено совсем иное. И «злодей Хмель, да будет стерто имя его» в российском восприятии остается бравым воином, приведшим братский украинский народ в лоно российского царства, а в украинском, подкреплённом множеством памятников и музеев во всех местах, где, «вероятно», ступала его нога, – национальным героем, борцом за народные права и даже «творцом украинского демократического государства»^[14]. Наконец, ашкеназская память видит в событиях 1648–1649 годов свой первый Холокост, и не дай Б–г сказать ее носителям, что погибло не пятьсот, а всего двадцать тысяч, ведь могилы мучеников – это самое материальное, что у этой памяти осталось.

Далеко не все сохранились – кое-где надгробными плитами вымостили дорогу, а на месте кладбища устроили рынок. Кое-где, среди разрозненных надгробий еще XVI века, пасутся козы и гогочут гуси. Но сохранные украинские кладбища необъятны и крайне внушительны. Это каменные рощи с коронами, львами и райскими птицами на надгробных плитах, каждая из которых может рассказать целую историю. Тут похоронены раввины и лавочники, хасидские праведники и их благочестивые жены, мистики и просветители-вольнодумцы, и, конечно же, мученики тах-тат.

А уж чем Касриловка может похвастать – это своими кладбищами. Двумя роскошными кладбищами обладает этот благословенный город: старым кладбищем и новым кладбищем. То есть новое кладбище, вообразите себе, уже тоже достаточно старо и достаточно богато могилами – скоро некуда будет «класть», если, упаси Б-г, случится погром, холера или вообще какое-нибудь несчастье из нынешних несчастий.

Главным образом гордятся касриловские маленькие люди старым кладбищем. Старое кладбище, хотя оно уже заросло травой, деревьями и нет на нем почти ни одного целого памятника, они считают тем не менее своим сокровищем, украшением города, жемчужиной и оберегают его как зеницу ока. Так как, кроме того, что там покоятся предки их предков – мудрецы, праведники, ученые, гении, великие люди, – есть основание полагать, что там находится и немало могил жертв гайдаматчины времен Хмельницкого...

Это «святое место» – их единственная кроха собственности на этом свете, которой они, маленькие люди, – единственные безраздельные хозяева, это их единственная пядь земли, их единственный клочок поля, где зеленеет травка, растет деревцо, а воздух свеж, и дышится свободно...^[15]

^[1] См. Shaul Stampfer. What actually happened to the Jews of Ukraine in 1648? // Jewish History, vol. 17, 2003. P. 211 ff.

^[2] Натан Нота Ганновер. Пучина бездонная // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины») / Пер. и комм. С.Я. Борового. М. – Иерусалим, 1997. С. 94–95.

^[3] Там же. С. 99–100.

^[4] Там же. С. 115.

^[5] Natalya Yakovenko. The events of 1648–1649: Contemporary reports and the problem of verification // Jewish History, vol. 17, 2003. P. 165 f.

^[6] Цит. по: Йерушалми Й.Х. Захор: Еврейская история и еврейская память. М. – Иерусалим, 2004. С. 56.

^[7] Heinrich Graetz. Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Bd. 10. Leipzig, 1897. S. 60.

^[8] Боровой С.Я. Введение: Классовая борьба на Украине XVII в. в свете современных еврейских хроник // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). С. 16–17.

^[9] Год Первого крестового похода – 1096-й, по еврейскому летосчислению: $4856=19 \times 255 + 11$, то есть тогда шел 11-й год 256-го цикла.

^[10] Сефер гзерот Ашкеназ ве-Царфат / Под ред. А. Хаберман. Иерусалим, 1949. С. 32.

^[11] Натан Нота Ганновер. С. 84.

^[12] Саббатай а-Коен. Свиток тягот // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). С. 189–190.

^[13] Heinrich Graetz. S. 75.

^[14] Из надписей во Львовском историческом музее.

^[15] Шолом-Алейхем. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1960. С. 284–285.

«ПИСЬМА РЕДАКТОРАМ ДОС ФРАЙЕ ВОРТ»

Nai ai Áóái íá

Среди огромного эпистолярного наследия философа Аарона Штейнберга^[1] особое место занимают письма историка Семена Дубнова 1934–1939 годов из Риги.

Дубнов познакомился с братьями Штейнберг после революции, в Петрограде. Старший, Ицхак-Нахман (Исаак), с декабря 1917-го по апрель 1918 года занимал пост наркома юстиции в первом, ленинском правительстве. Младший, Аарон, энергично работал как в русской культурной среде, так и в еврейских организациях. Они сотрудничали в Петроградском Еврейском университете, где Штейнберг вел курс «Введение в учения еврейской философии», в Обществе просвещения евреев и в Еврейском этнографическом обществе.

В 1922 году Дубнов уехал из «худшей части земного шара», «обреченной быть полицейским государством». В Берлине вокруг него собрались друзья-единомышленники, среди них были и братья Штейнберг. Аарон Штейнберг согласился перевести 10-томную «Всемирную историю еврейства» Дубнова на немецкий язык. Работая по 8–9 часов в день, он завершил гигантский труд за рекордно короткий срок^[2]. Дубнов считал «исключительной удачей», что перевод был сделан таким «знатоком предмета и превосходным стилистом», как Штейнберг. В 1931 году Штейнберг завершил перевод «Истории хасидизма» Дубнова с иврита на немецкий язык.

Приход к власти нацистов положил конец существованию дубновского кружка в Берлине. Весной 1933 года Дубнов покинул Берлин и переехал в Ригу, ближе к детям и к печатному станку на русском языке. Годом позже переехал в Лондон Исаак Штейнберг, за ним последовал и Аарон. Однако общение между Дубновым и Штейнбергами продолжалось, несмотря на разделившие их границы.

Одна из главных тем писем Дубнова к Штейнбергам – судьба еженедельника «Дос фрайе ворт». Официально редактором был Исаак Штейнберг, сотрудниками – писатели и журналисты из разных стран. Сам редактор заполнял полосу политической публицистики, писал по вопросам национального движения, делал обзоры общественной жизни. Аарон тоже работал в разных жанрах: писал на политические темы (в каждом номере появлялись его обзоры «Неделя за неделей» за подписью «А. Ш.») и непременно – о еврейской культуре.

Дубнову нравилось издание своей «серьезностью». Но в каждом письме он наставлял: уходить от партийной ориентации, продолжать линию объединения. Действительно, еженедельник Штейнбергов был наследником первых «органов социалистической мысли» – «Дос фрайе ворт» 1920 года (Львов) и 1923 года (Берлин) – тоненьких тетрадок пропагандистского содержания, а в 1926–1937 годах Исаак Штейнберг был автором и редактором серии «Фрайе шрифтен идишен социалистишен геданк» («Свободные публикации еврейской социалистической мысли»). Лондонский же еженедельник, проповедуя «этический социализм», причудливо сочетал актуальность с глубиной и универсальностью.

Одно за другим закрывались свободные еврейские издания Европы, тиражи остающихся катастрофически падали. В 1935 году журнал «Дос фрайе ворт» сделался двухнедельным. В поисках читателя редакция начала публиковать развлекательный материал. Редактор не брал себе жалованья, но в середине 1935 года финансовые проблемы стали настолько острыми, что жившая в Ковно мать братьев Штейнбергов начала сбор средств для поддержания журнала. Начались ссоры и претензии корреспондентов по поводу невыплаченных гонораров, и в № 64 (июнь 1935) И. Штейнберг опубликовал полный отчет о редакционных расходах, озаглавив его: «Пусть будет “Свободное слово!”»

В 1935 году журнал прекратил свое существование.

Подборка писем С. Дубнова публикуется с сокращениями по автографам автора.

1.

Рига. 5. III. 1934

Дорогие друзья! Ваши письма (и лондонское, и берлинское Арона Зах<аровича>) меня глубоко тронули. Нужно было, чтобы после нашего рассеяния еще эта смерть¹³ «запечатлела» эпоху нашего берлинского кружка, это хорошее, при всех его невзгодах, десятилетие, когда еще верилось в возрождающийся после военной грозы мир. В моей жизни образовалась новая грань, и я теперь стараюсь остающуюся узкую полосу наполнять таким содержанием, которое дало бы моему смыслу жизни упор среди царящего шатания. Живу уединенно в своем «зеленом парке», но не одиноко, ибо сам-друг с работой, да и друзья из города навещают. Кроме механической работы (редактирования переводов и т. п.), продолжаю свои воспоминания, что для меня теперь особенно составляет עבודה שלב¹⁴ <...>

Я хотел бы знать, что у вас, дорогие друзья, каким оказался для вас туманный Лондон. Читаю ваше «Фрайе ворт» и я нахожу журнал серьезным, содержательным, хотя несколько однообразным. С приездом Ар[она] З[ахаровича] у вас прибавится еще одна хорошая сила. От души желаю, чтобы журнал развивался и приобретал все более общенародный характер, а на очереди евр[ейский] конгресс, у которого в прессе, кажется, больше противников, чем сторонников. Работайте для этой идеи. <...> Сердечно ваш С. Дубнов.

Рига. 1930-е годы.

2.

Рига. 4. IV. 1934

Дорогой Арон Захарьевич!

<...>Я возвращаюсь к обычной работе. Снова делаю работу «для души». После долгих колебаний решил издать здесь в русском оригинале 1 том мемуаров (до 1903 г.) в небольшом числе экз[емпляров]. Хочу, кроме посвящения книги памяти недавно ушедшей, поставить этой последней книгой на русском языке памятник ушедшей русско-еврейской литературе, которой была посвящена моя жизнь <...>. Читал Ваше письмо и думал: в Лондоне 1934 года приходится бороться за «право жительства», как в Петербурге времен царизма, хотя и по иным мотивам. Было ли это возможно 25 лет тому назад? Что выйдет из вашей борьбы за право дышать лондонским туманом? А между тем, Вы, несомненно, нужны в Лондоне. Ваши статьи в «Freie vort» я всегда узнаю по стилю <...> Последний № журнала вообще очень содержателен; статьи серьезные, журнального типа. Односторонность вижу только в борьбе с фашизмом справа, а не слева. Кто этически осуждает Гитлера, должен осуждать и Сталина. Вообще в журнале молчат о Советской России, как принято в еврейской прессе Риги, Ковны, Варшавы. Боятся коммунистов местных и тех социалистов, которые все еще живут в заблуждении, будто Сталин и его чекисты строят социалистическое государство. Очень печально. Затем не следовало бы так часто подчеркивать партийный характер журнала, который по существу мог бы развиваться в общенародный орган. Истинный социализм вовсе не противоречит общеизраильской политике, которую обливают грязью сапожники из бывшей и нынешней черты оседлости. Идея 16-миллионного Еврейского Интернационала должна господствовать в нашей публицистике, а теперь она растоптана. Это приведет к провалу Weltkongress'a и, м. б., даже к распаду Сионистской организации. Винаваты в этом, впрочем, не только левые, но и крайне правые, из «Агуды». Против этой рассыпанности еврейского народа надо бороться всеми силами. <...>Членов нашего берлинского кружка в Лондоне теперь больше, чем здесь. Образуйте какой-нибудь

духовный центр! Развивайте «свободное слово» в век, враждебный свободе, который надеется на нас. Душевно ваш С. Дубнов.

3.

8. XI. 1934

Дорогой Арон Захарьевич!

Спешу ответить на сегодня полученное письмо Ваше от 3.XI, так как поставленный в нем вопрос действительно должен быть безотлагательно разрешен. Я давно понял, что какая-то внутренняя сила мешает Вам в последние годы работать с былой энергией над переделкой Истории, а в последнее время – увлечение публицистикой, весьма естественное после долгого молчания. И я уже свыкся с печальной мыслью, что нужно привлечь помощника, который помог бы Вам дотащить воз до конца¹⁵⁷ <...>. Получил юбилейный № «Фрайе ворт» и прочел там ряд интересных статей, особенно Лецинского¹⁵⁸ и Вашу. Бедный Лецинский мечется в области духа, как и географически; мечтает даже о поселении в Палестине. Он переживает болезненный кризис времени, ибо он очень искренен и импульсивен. Свою статью для «Фрайе ворт» постараюсь написать, хотя бы первую главу, во 2-й половине ноября.

Горячо сочувствую Вам и брату, несущим такие тяжелые заботы по изданию в холодной атмосфере еврейского Лондона. <...> И все-таки я надеюсь, что вы одолеете все препятствия, если только не дадите противникам повода отрицать общенародную позицию Вашего журнала.

Второй том моих мемуаров, состоящий наполовину из извлечений из дневников (годы войны и большевизма), будет готов около Нового года. Он будет доведен до 1922 г. момента разлуки с Россией. В январе решу вопрос, печатать ли его сейчас или отложить. Первый том вызвал много сочувственных откликов в печати (в Париже готовится даже французский перевод, еврейские переводы в ходу), но расходится он пока слабо, как и ожидалось. ...Соня¹⁵⁹ неустанно зовет в Варшаву, а виленцы к себе. Перспектива нового голуса ужасна. Весною решится этот вопрос.

Будьте здоровы и старайтесь вместе с братом согреть холодный Лондон. Передайте мой сердечный привет брату и всем членам семейства. Ваш С. Дубнов.

С. Дубнов.

4.

Рига. 5. XII. 1934

Дорогой Арон Захарьевич!

<...>Я очень рад, что к Вам вернулась радость труда и восстановилась амплитуда Вашего маятника. Вмешательство третьего участника спутало бы все дело. Мне бы очень хотелось, чтобы в творческой работе сокращения «Истории» Вы нашли душевное удовлетворение. Ведь, в конце концов, именно сокращенная История будет больше всего читаться на разных языках, с чем связаны и Ваши материальные интересы в будущем. Чередование этой работы с публицистикой даст Вам *Abwechslung* (разнообразии).

5.

Рига. 28. XII. 1934

Продолжения статьи скоро не будет¹⁸. Я ведь с самого начала задумал эту серию, как ряд публицистических откликов от времени до времени, когда «приспичит». Поэтому каждая статья имеет свой особый заголовок и является чем-то законченным. Я ставлю вопросы, проблемы, которые могут обсуждаться в прессе и в кружках. Сейчас у меня на очереди другие проблемы <...>. Как видно из Ваших намеков, у Вас и в Лондоне такое же угнетенное настроение, как нынче повсюду. Время, несомненно, «подлое», но нельзя поддаваться его влиянию: нужно жить совокупностью времен. Больно только, когда всюду слышишь о разделении вместо объединения. Вот даже и в деле Всемир[ного] Конгресса рабочие организации отделились после того, как Житловский еще недавно призывал к объединению. В нынешнем мраке светится одна точка – представительство мирового еврейства при Лиге Наций, если и эта точка погаснет, наступит «Darkness» Байрона <...>. Крепко жму руку. Ваш С. Дубнов.

6.

4. VII. 1935

Дорогой Аарон Захарьевич! Давным-давно от Вас нет писем. Большие месяца назад Вам был послан 2-й том Книги жизни. Я успел побывать в Ковне, затем серьезно болел две недели (грипп), теперь поправляюсь и должен был изменить свой летний план <...>. А что у Вас? Знаю о кризисе «Фрайе ворт» – и больше ничего. Что с нашей злополучной трехтомной «Историей»? Кончили ли вы Вашу часть работы, работает ли Штейн¹¹⁰, подает ли признаки жизни Кац[нельсон]? Словно все замерло в нынешнем царстве теней <...> Ваш С. Дубнов.

И. Штейнберг.

7.

Рига. 8. X. 1935

Дорогой Арон Захарович!

Спасибо и Вам, и дорогой Софье Владимировне за дружеский привет на грани лет¹¹⁰. Моя жизнь стала уже измеряться четвертями века, не оттого ли удостоился я этого, что в своей исторической работе привык к вековым измерениям? Для историка великое благо жить в трех «измерениях», в трех поколениях, ибо он может глубже проникнуть в тайну смены эпох; но это и великое горе, если смена идет к ухудшению, ибо тогда возникает опасение, что в темной полосе оборвется нить жизни¹¹¹. Мы переживаем страшное время, и только двойной **בטחון** (бетахон)¹¹² еврея и летописца дает силы для перенесения этого.

Улегся юбилейный шум, на сей раз гораздо меньший, чем в 1930 г. Меня удивляет, что К[аценельсон] не переносит свое дело в Прагу: ведь Deutsch[en] Juden находятся и вне Германии; даже из Палестины я недавно получил предложение предоставить право издания немецкого перевода моих мемуаров какому-то издательству Voblion (я их отослал к д-ру Гурвичу, ищущему издателя в Берлине). <...> я с благодарностью вспоминаю лучшие годы нашей кипучей работы втроем над десятирусной громадой. И Вас я вспоминаю, дорогая Софья Владимировна, и рассчитываю на Ваше непременно сотрудничество в нашей дальнейшей общей работе.

Я уже начал работать над третьим томом мемуаров. Вошел в «берлинский период» и скоро подойду к годам нашей совместной работы. <...> Ле шана това! Будьте здоровы и бодры и не забывайте. Искренно Вам преданный С. Дубнов.

יְדִיעוּתָא דְיִשְׂרָאֵל וְדֵי אֲרֵי יִשְׂרָאֵל

- III.
- ^[1] Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection. P. 159. Box. II–
- Ju..discher Verlag, 1925–1929.
- ^[2] Dubnow S. Weltgeschichte des ju..dischen Volkes: von seinen Ura..nfangen bis zur Gegenwart. Berlin: Ju..discher Verlag, 1925–1929.
- ^[3] 23 марта 1934 года С. Дубнов похоронил жену Иду.
- ^[4] Внутренняя работа (иврит).
- ^[5] Речь идет о работе А. Штейнберга над сокращенным изданием «Всемирной истории евреев» С. Дубнова.
- ^[6] Лещинский Яков (1876–1966) – экономист и публицист, сионист, эмигрировал в 1921 году, участвовал в проектах дубновского кружка, в том числе в издании «Всеобщей еврейской энциклопедии» на идише. Выслан из Германии в 1933 году, переехал в Польшу.
- ^[7] Софья Дубнова-Эрлих (1885–1986) – дочь историка.
- ^[8] Цикл статей «Куда мы идем?».
- ^[9] Вильгельм Штейн, профессор истории Венского университета, которому владелец берлинского издательства «Ju..discher Verlag» Зигмунд Кацнельсон поручил переработку последних трех томов 10–томной «Всемирной истории еврейства» – в помощь А. Штейнбергу и для ускорения работы.
- ^[10] Поздравление с 75–летним юбилеем.
- ^[11] Боюсь «четвертого измерения». – Примеч. С. Дубнова.
- ^[12] Здесь: уверенность (иврит).

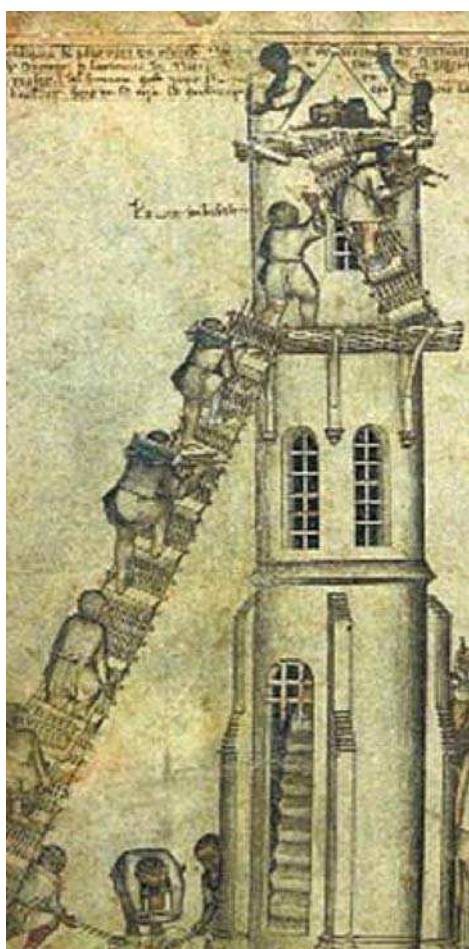
ЕВРЕЙСКИЙ ГРОМОТВОД: МЕЖДУ МАГИЕЙ И НАУКОЙ

Аֱלֹהֵי עִיּוּן אֵי

«И сказали они: давайте построим себе город и башню, главою до небес; и сделаем себе имя, чтобы мы не рассеялись по лицу всей земли» (Берешит, 11:4). Так начиналась история Вавилонской башни. О ней сложены мидраши, написаны многие комментарии, великие художники избрали ее сюжетом своих картин. Однако многое в этой истории остается для нас по-прежнему непонятным. Какова была цель этого грандиозного проекта? Что означают слова «сделаем себе имя»?

В мидраше сказано: «Люди того поколения приняли единое решение и сказали: “Б-г не имел права избрать для Себя высшие сферы. Поднимемся к Небесам и развяжем против Него войну!” А слова “сделаем себе имя” говорят нам, что они намеревались поставить на верхушке башни идола, грозящего Небесам» (Берешит раба, 38:6).

Этот мидраш цитирует и Раши в своем комментарии к Берешит, 11:1. Однако особый интерес для нас представляют слова знаменитого испанского раввина – рабейну Бахьи бен Ашера^[1]. В своем комментарии на Берешит, 11:4 он пишет:

Строительство Вавилонской башни.

Книжная миниатюра. Около 1360 года.

А умудренное объяснение этого таково: люди поколения башни были злодеями, сведущими во всякой мудрости. И сделали они город и башню, чтобы спастись от огненного потопа, поскольку они уже видели гибель мира от водного потопа и боялись за себя. И решили они построить башню, чтобы спастись с ее помощью, если Он низведет огненный потоп и сожжет мир – чтобы не приблизился к ним огонь. Это и имеется в виду в мидраше, говорящем о войне с небесами, – они дерзновенно выступили против воли Благословенного. Они решили связать часть огненной стихии, чтобы она не могла приблизиться к городу. И в нашем поколении мы знаем некоторых мудрецов, которые знают силу, связывающую некоторую часть молнии, чтобы она приходила только в известных пределах.

По мнению рабейну Бахьи, целью строительства Вавилонской башни была попытка уберечься от Б-жественного наказания небесным огнем. А вот что написано в каббалистическом сочинении XVII века (явно под влиянием приведенного выше мидраша и комментария рабейну Бахьи):

Люди поколения Вавилонской башни были большими мудрецами, знавшими тайное. И так сказали они: «Если мы согрешим, мы погибнем, как поколение потопа. Поэтому, чтобы удовлетворить наши желания в этом мире, давайте устроим дела так, чтобы Высшие силы не могли бы с нами бороться». Они построили башню, крепко стоящую, чтобы даже при потопе она не упала, и огонь был бы над ней не властен. И на ней находились воинские орудия, которые могли убить каждого, кто приблизился бы, чтобы разрушить ее. И хотели они установить на ней идола, снабженного силой Б-жественного Имени, как сказано: «Сделаем себе Имя». И этот идол должен был рассказывать им о будущем и говорить: «Так делайте, а так не делайте». И они хотели сделать тому идолу крылья, чтобы он покрывал ими весь город, чтобы, если даже с небес сойдет огонь, он не коснулся бы города и его пределов, и чтобы ангелы-губители не были над ними властны^[2].

Однако, как известно, тайная премудрость не помогла грешникам, и после смешения языков строительство башни было остановлено.

Но сегодня мы хотим заняться не мистическими экспериментами строителей Вавилонской башни, а брошенной вскользь фразой рабейну Бахьи: «И в нашем поколении мы знаем некоторых мудрецов, которые знают силу, связывающую некоторую часть молнии, чтобы она приходила только в известных пределах».

«Связывать часть молнии» люди научились совсем недавно. Ни о каких опытах средневековых естествоиспытателей с молниями нам неизвестно, даже фундаментальный словарь истории науки Майерхёфера^[3] молчит об этом. Только в 1752 году Бенджамин Франклин запустил в грозное облако воздушный змей и установил, что тот собирает электрический заряд. В том же году он установил на зданиях Пенсильванского университета и администрации Пенсильвании первые громоотводы. Чешский священник из Пржиметиц Прокоп Дивиш в 1754 году установил в своем саду первую «машину для погоды», как он назвал свой громоотвод. Интересен тот факт, что Прокоп Дивиш намеревался создать не механизм для отвода молний, а только машину, которая сама будет активно откачивать электрическую энергию из облаков. Во всяком случае, речь идет об одном из первых заземленных громоотводов в мире. Аппарат был высотой в 42

метра и состоял из более чем 400 заземленных железных шпилей. Шесть лет спустя Дивиш установил такой же аппарат на башне церкви в Пржиметицах. Прокоп Дивиш постоянно уверял всех, что его изобретение способно менять погоду, что в конце концов стало причиной уничтожения первого в мире громоотвода. Когда в Пржиметицах зимой наступили жестокие морозы, которые уничтожили все посеы, крестьяне обвинили в этом изобретение своего приходского священника и разрушили его. Прокоп Дивиш еще успел записать все подробности громоотвода в книге «*Descriptio machinae meteorologicae*», написанной на латинском языке.

Но рабейну Бахья умер в 1340 году и, значит, жил за четыреста лет до Франклина и Дивиша. О каком же «связывании молний» он говорил?

Известно, что рабейну Бахья использовал для своего труда многие мидраши, не сохранившиеся до наших дней. Мы пытались найти в трудах современников Бахьи какие-либо упоминания о громоотводе или хотя бы об опытах с электричеством, искали в работах еврейских и арабских мыслителей – безуспешно. В трактатах великих средневековых исламских ученых, таких, как аль-Бируни, Ибн Сина, аль-Фараби, громоотводов нет. Известный средневековый биограф аль-Байхаки^[4], оставивший жизнеописания сотен исламских ученых и естествоиспытателей, об исследованиях атмосферного электричества молчит. Ничего не пишут об этом и комментаторы сочинения рабейну Бахьи. Следовало бы рассмотреть возможность ошибки в издании комментария или позднейшей интерполяции, но и в авторитетном издании Х.Д. Шевеля, выполненном по древним рукописям^[5], стоят те же слова.

Однако в более распространенных изданиях^[6] к этому месту сделано следующее достойное внимания примечание:

Это громоотвод (Donnerableiter), и на него намекает одно место в Тосефте Шабат.

Модель громоотвода Прокопа Дивиша.

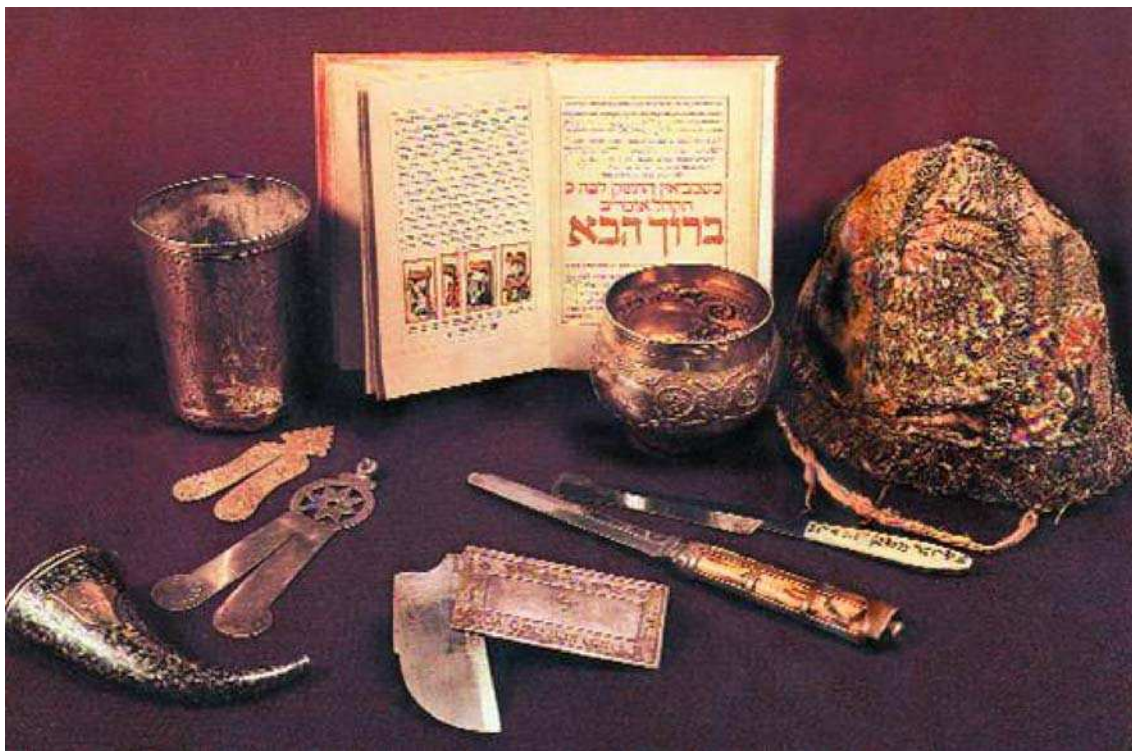
Неужели громоотвод упоминается и в Тосефте, собрании высказываний мудрецов мишнаитской эпохи, отредактированной в III веке н. э.?

Вот что сказано в Тосефте: «Привязывать железо к ножкам кровати роженицы и накрывать перед ней стол – эморейский обычай» (Тосефта Шабат, 6:4, издание Либермана). Разумеется, в этом можно увидеть описание громоотвода, но современные исследователи Тосефты так не считают. Либерман в комментарии «Тосефта ки-фшута»^[7] доказывает, анализируя параллельные места, что правильная версия этого места в Тосефте обязательно должна включать слово «роженицы». Здесь описывается магическое средство ускорить и облегчить роды посредством железа.

Известно, что в еврейских поверьях железу приписывается апотропейная (защитная) сила. Поэтому куски железа, а иногда и настоящее оружие (шпагу, кинжал, нож) клали под подушку роженице, а позднее – возле детской колыбели. Особенно эффективным оружием против демонов считался нож для обрезания. Согласно народным поверьям, ночь перед обрезанием была особенно опасной для младенца и матери, которая часто держала в эту ночь под подушкой нож для обрезания.

распространены и в других областях Европы. Например, в Британии для защиты от молнии прикрепляли к стенам домов витые железные пруты – одиночные или перекрещенные^[11].

Молния всегда была для человека загадкой. Огонь, сжигающий все на своем пути, нисходит с небес – обиталища высших сил, причем предсказать его приход и место поражения невозможно. Молнии боялись и единственным средством спастись от нее полагали магию – или волю судьбы. Так, согласно Сефер хасидим (параграф 469), особые основания бояться молнии есть у людей, лица которых при рождении были покрыты пленкой – то есть у тех «родившихся в рубашке», которые по русскому поверью всю жизнь счастливы. Это же сказано в сборнике поверий и обычаев Сефер Зехира (Вильмерсдорф, 1729), в главе об опасностях, и в сефардском сочинении начала XX века Каф а-Хаим (Йоре деа, 116:181). Интересно, что «родившиеся в рубашке» в русском понимании этого слова есть и в еврейской традиции. Так говорит о праотце Гаде знаменитый Хида (р. Хаим-Йосеф-Давид Азулай, 1724–1806) в книге Мидбар Кдемот (3:2): «Гад родился покрытым пленкой, как одеждой. Потому и сказала Лея при его рождении: “ба-гад”, что читается в два слова – “пришло счастье”, а пишется в одно слово, так же как “бегед” – “одежда”. И это добрый знак для всех рождающихся так». Поэтому не совсем понятно, каково значение пленки при рождении – дурной это знак или добрый. Впрочем, современный знаток Торы р. Йосеф-Ицхак Лернер в книге Шмират а-гуф ве-а-нефеш^[12] элегантно снимает это противоречие: по его мнению, счастливы те, чье тело было при рождении покрыто пленкой, а те, у кого было покрыто лицо, должны бояться молнии.

Ритуальные предметы, предназначенные для церемонии брит мила.

О контроле над молниями через первоэлемент огня пишет каббалист XVIII века р. Пинхас-Элияу из Вильны в своей книге Сефер а-Брит (часть 1, 10:14). Пинхас-Элияу описывает современные ему научные знания и пытается увязать их с еврейской традицией и с каббалистическими построениями, пытаясь доказать, что наука не только не противоречит Торе, но и прямо из нее – из ее тайной части – вытекает. Можно с

достаточной уверенностью сказать, что автор Сефер а-Брит помнил комментарий рабейну Бахьи о «связывании определенной части молнии» и понимал его одновременно в физическом и в каббалистическом духе: современные рабейну Бахье мудрецы знали тайны Торы, могли управлять первоэлементами и были способны отклонить молнию.

А теперь оставим мистику и попытаемся найти научно-историческое объяснение слов рабейну Бахьи. Как могли мудрецы XIII–XIV веков пытаться защититься от молнии?

В Средневековье, да и в Новое время, у разных народов существовали различные поверья о том, что то или иное растение, минерал, вещество или действие может уберечь от разрушительного удара молнии. Так, в Британии верили, что от небесного огня защищают новогодние зеленые украшения (в частности, падуб и омела), бузина, папоротник, боярышник, лесной орех, крапива, заячья капуста, зверобой. Считалось, что молния не ударяет в дуб и бук и не вредит дому, под крышей которого свила гнездо ласточка. Также свойство защиты от молнии приписывалось кораллу и сердолику^[13]. Но это европейские поверья, нам же надлежит искать ответ в средиземноморском регионе, где жил рабейну Бахья, или в арабо-мусульманской культуре, которую он хорошо знал.

Ценные сведения нам удалось найти в книге А.Г. Юрченко^[14]: «Рашид ад-Дин сообщает, что в 707 году хиджры во время пира у султана Олджейту гром ударил в шатер и убил несколько человек. И султан Олджейту, восьмой хан иранских монголов (1304–1317), страшно испугался этого злключения. Ведь этот правитель носил при себе особый камень, предохраняющий от удара молнии»^[15]. Юрченко пишет об известном посольстве иезуита Вильгельма де Рубрука к монгольскому хану Мунке: «Из Центральной Азии брат Вильгельм привез в подарок французскому королю Людовику IX камень, вправленный в пояс, который обычно носили для защиты от молнии»^[16]. Источник этой информации – отчет самого Рубрука:

Мастер Вильгельм <Бушье, живущий в Каракоруме>, некогда Ваш гражданин, посылает Вам пояс, украшенный неким драгоценным камнем, который они носят против молнии и грома, и безгранично приветствует Вас, всегда молясь за Вас^[17].

Существует и еще несколько свидетельств о вере жителей Азии в способность некоего камня отводить грозу. Так, среди ценных подарков, посланных византийским императором Михаилом Палеологом татарскому темнику Ногаю, находились головные уборы. По свидетельству Георгия Пахимера, Ногай «спрашивал принесшего, полезна ли эта калиптра <головной убор> для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома, так чтобы человек под такую калиптрою был непоразим?»^[18].

Великий среднеазиатский ученый-энциклопедист аль-Бируни (X–XI века) упоминает «камень, отводящий град» (хаджар аль-барад):

Михаил VIII Палеолог.

Говорит Хамза: камни, отражающие град, в дни Хосроев назывались «санг-мухра». Дальше он говорит: один такой камень сохранился в Руйдашит, одной из деревень Касана в районе Исфахана; каждый раз, когда находила черная туча с градом, жители извлекали его, прикрепляли к башне городской стены или крепости, и туча разрывалась и рассеивалась^[19].

Но по тону дальнейшего повествования ясно, что знаменитый естествоиспытатель аль-Бируни весьма сомневается в чудесных свойствах камня:

У прежних авторов имеется об этом много рассказней в книгах по земледелию: там говорится, что градовые тучи отгоняют тем, что выходит нагая девственница с белым петухом, или тем, что закапывают черепах в перевернутом виде в куче отбросов, и тому подобными средствами, скудость которых очевидна^[20].

Аналогичное сообщение есть и у персидского географа Ибн аль-Факиха (X век)^[21]: «В области Исфахан есть селение, называющееся Анбарчи. Население владеет камнем с подвеской небесного цвета, и в нем белые и желтые прожилки. Они утверждают, что он служит талисманом от града»^[22].

А вот что говорит арабский ученый Ахмед Тайфаши (XIII век)^[23]: «Сообщили мне заслуживающие доверия люди из персов о том, что они видели одну крепость в Фарсе, где бывают частые грозы. В крепости построена башня (минарет), и к ней на виду прикреплен камень йашм (нефрит). И они видели, как надвигающаяся гроза уходила от крепости и направлялась в удаленную сторону»^[24].

Однако в своей книге аль-Бируни решительно отвергает свойства нефрита отводить грозу:

Говорит Наср о качествах нефрита («йашм»): он тверже бирюзы, имеет молочный оттенок, потоки приносят его с гор в одну долину в земле тюрок, называемую Су. Он разрезается алмазом, и из него вытачивают поясные пряжки и перстни. Утверждают, что он отражает вред сглаза и служит защитой от молний и грома. Что касается сглаза, то это народное представление, а что касается молний, то я видел человека, который доказывал воздействие нефрита на молнию тем, что расстилал на куске его тонкую ткань и поверх нее клал пылающий уголь, и он не прожигал ткань. Но этим отличается не только нефрит – стальные зеркала оказывают то же воздействие <на уголь>, однако молния ими не отражается, а расплавляет их^[25].

Но до сих пор, / но до сих пор / сердце тает во мне, / когда я слышу игру скрипки, / свист флейты...

Я надеваю / мое подвенечное платье, / мои украшения – на руки, / и я танцую, / и я танцую / немо / с моей тенью / на стенах.

Уже изнутри, / уже изнутри / море тяжелых лет, / но мне кажется, / но мне кажется, / звенят колокольчики – сваты едут.

Бороды и пейсы – как веники, / улицы мести. / Бороды и пейсы, / как леса. / Евреи как медведи.

Я зажигаю / поминальную свечу / старыми руками, / и я танцую, / и я танцую / немо, / пока горит свеча.

Уже изнутри, / уже изнутри / море тяжелых лет. / Я еще тогда, на той свадьбе / стала седой.

Не вино лилось. / Свадьба – не про вас будь сказано. / Не люди – дикие звери / справляли мою свадьбу.

Я зажигаю / поминальную свечу / старыми руками. / И я танцую, / и я танцую / немо. / Поминальная свеча горит¹⁵.

Жесткий, почти танцевальный и в то же время нервный ритм оригинала этого стихотворения держит читателя в напряжении от первой до последней строки. Приведем в качестве иллюстрации несколько первых его строк:

Θίεί όί άδ'εί άί,

Θίεί όί άδ'εί άί

Άγί ί έò σά'άάείθί.

Ό'ίά ί έδ ί άείñσίεί 'ί'άέάό,

Άάέç όί άίά άά'ίόί,

Í ίθ άέç άεί ό, ί ίθ άέç άεί ό

Άίñάόό έί ί έδ όάά'έό,

Άάί έό γθ άίñ όέάέ σί έεί,

Άίñ όάέόί όί ά όέάέό...

Όό έό ίί

Í άεί ό'όί'ά'έέάέ,

Í άεί ό'έόί'ά

*Àò àè yíò,
Óí èõ òàíö,
Óí èõ òàíö
Òòáí àð'yéò
Ì èò ì àéí oíòí
Àò àè yíò.*

Обращает на себя внимание тот факт, что Холокост и война как таковые не названы в стихотворении. В то же время оно полно видениями прошлого и недосказанными правдами. Главное в нем не конкретная трагедия, а общее ощущение трагичности еврейской судьбы. Фонетический облик этого произведения, его ритмы и аллитерации, вместе с образами, появляющимися в нем, создают напряженную до боли атмосферу стихотворения «Уже изнутри...».

Та же предельная напряженность и то же ощущение не названной подлинным именем национальной трагедии характерны и для стихотворения «Фун дойрес цу дойрес» («Из поколения в поколение»). Автор сопровождал его посвящением: «В память о поэтах, погибших в известковых печах»^[6]. Это посвящение было принято толковать в советское время как относящееся к Холокосту. Однако следует обратить внимание на то, что Овсей Дриз не использовал ставшую фактически штампом формулировку «погибшие от рук немецко-фашистских оккупантов» или нечто подобное, не нуждающееся в толкованиях. Недосказанность посвящения заставляет прийти к выводу, что автор имел в виду советских еврейских писателей, расстрелянных сталинскими палачами 12 августа 1952 года. Об этом событии тогда не упоминали ни в советской еврейской литературной периодике, ни тем более в общесоветской, русскоязычной. Однако Дриз нашел путь, чтобы выразить глубоко национально трагедию советской еврейской литературы, избежав при этом каких бы то ни было советских идеологических штампов:

Не плачьте и не жалуйтесь, / еврейские вдовы, / поэты-мученики за веру / были жертвами.

Давайте же петь/ все от мала и до велика / песню, которую они / посеяли у нас в сердце.

Пусть встретит песнь / распахнутые ворота / – Бабушка пусть поет/ своему внуку,

Мать – детям, / сестра – братьям, / нельзя порохом / застрелить песни.

Не плачьте и не жалуйтесь / и не ищите могил / на востоке и на западе, / на севере и на юге.

Давайте лучшие сегодня / оденемся в черное, / и давайте повесим / камень на сердце,

И давайте выцарапаем / собственными пальцами: / Здесь погребен, здесь похоронен / еврейский певец.

Из поколение в поколение / будем передавать этот камень, / откуда хоть один / из нас еще будет жить.

Не плачьте и не жалуйтесь, / еврейские вдовы, / поэты-мученики за веру / были жертвами.

Давайте же петь / все от мала и до велика песню, / которую они / посеяли у нас в сердце^[1].

Стихотворение Овсея Дриза «Из поколения в поколение» не укладывалось в советские идеологические рамки не из-за факта затрагивания «запретной» темы, но именно из-за этого призыва: «Из поколения в поколение передавать этот камень, откуда хоть один из нас будет еще жить». Овсей Дриз не просит сострадания и помощи у окружающих народов, на языках которых звучали его детские стихи. В данном случае он обращается исключительно к «нам», то есть, без тени сомнения, только к евреям как к отдельной национальной группе, обладающей своей собственной коллективной памятью и собственными коллективными интересами, а не просто к сборищу «лиц еврейской национальности».

^[1] О творчестве Л. Квитко см.: Чернин В. Исповедь поросенка // Иерусалимский журнал. 2006. № 23. С. 186–192.

^[2] Озеров Л. Шике Дриз ун зайн дихтунг (Овсей Дриз и его поэзия) // Дриз Ш. Арбст. М., 1978. С. 7.

^[3] На русский язык переводились и некоторые стихотворения Овсея Дриза, предназначенные для взрослых читателей. Они стали привлекать внимание русскоязычных авторов лишь в самое последнее время. См., например: Верховский И. Печальные и мудрые прятки Шике Дриза // Интернет-журнал «Топос». 5.8.2005: topos.ru/article/3883.

^[4] Дриз Ш. С. 169.

^[5] Подстрочный перевод по изданию: Дриз Ш. С. 52–54.

^[6] Дриз Ш. С. 40.

^[7] Подстрочный перевод по изданию: Дриз Ш. С. 40–41. В 1980–х годах появился поэтический перевод этого стихотворения на русский язык Е. Каплана под названием «Из рода в род». Впервые он был опубликован на страницах московского самиздатовского журнала «Шалом» (1988, № 1).

ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ-2

Ėāī ēā Dāāçōī āēēē

Двенадцать лет назад я написал свою самую знаменитую статью – «Еврейское счастье». Все антисемитские козлы в десятках разных изданий и книг радостно проблеяли по ее поводу – вот так и рождается Слава еврейских публицистов...

В той статье у ушибленных юдофобией бурную эрекцию вызвало одно – длинный список еврейских фамилий, министров, банкиров, прочих погубителей России. Фамилия «Фридман» или – о счастье! – «Век-сель-берг» для сердца истого юдофоба «таит неизъяснимо наслажденье», он готов смаковать любимые фонемы с утра до вечера, составлять перечни сладко-ненавистных имен «всемирных заговорщиков».

Но на самом деле в той статье был поставлен интересный вопрос.

Августовская буржуазная (как сейчас бы сказали, «оранжевая») революция 1917 года прошла при очень слабом непосредственном еврейском участии. Правда, среди трех погибших – Илья Кричевский... Но, в общем, почти не было евреев в близком окружении Ельцина: Бурбулис, Хасбулатов, Силаев, Коржаков, Руцкой (кстати, говорят, наполовину еврей), Попов, Станкевич, Лужков. Не сравнить с персонажами Февраля или Октября 1917-го.

И все-таки влияние евреев не в момент Революции, а после нее и в результате ее было велико. Не как в 1917-м, но все же... Среди публичных политиков, олигархов, членов правительства «молодых реформаторов» и уж точно среди крайне влиятельных тогда журналистов было кричаще много евреев.

Такая ударная возгонка была вполне естественна: евреи, активная группа населения, находившаяся в относительном «зажиме» при советской власти, менее всего

В 1956 году он был назначен начальником Первого главного управления КГБ и проработал на посту начальника внешней разведки до 1971 года. Умело руководил коллективом главка. Ему было присвоено звание генерал-полковника. За заслуги перед Родиной Сахаровский А.М. награжден тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак почета», многими медалями, а также высокими наградами ряда социалистических стран.

12 ноября 1983 года Сахаровский А.М. скончался.

Недавно о Сахаровском вышла книга^[3]. Характерная аннотация:

История советской внешней разведки интересна не только событиями, но и судьбами тех, кто верно и преданно служил ей многие годы. В последние годы мы узнали имена целого ряда выдающихся советских чекистов, благодаря самоотверженному труду которых была создана великая Советская империя. Одним из них был генерал Александр Сахаровский, человек, всю свою жизнь отдавший работе в органах государственной безопасности. 16 лет генерал Сахаровский возглавлял ПГУ КГБ – советскую внешнюю разведку. Не будет преувеличением сказать, что это были ее звездные годы. Под руководством генерала Сахаровского сформировался могучий коллектив чекистов-разведчиков, не знавших себе равных в мире.

«Всю свою жизнь отдавший» – перебор: из биографии следует, что все-таки Сахаровский был призван в НКВД, когда ему было тридцать лет. Впрочем, это мелочи, обычное клише.

Сахаровский предстает в воспоминаниях Пачепы как разработчик концепции принципиально новой, невиданной ранее модели террора с тремя характерными особенностями: глобальностью (как с точки зрения оперативного пространства, так и интернационализации участников), захватом самолетов, деперсонализацией (террор принципиально направлен на случайных гражданских лиц). Все идеи принадлежали Сахаровскому, все авторские права у него. Во всяком случае, так утверждает Пачепа.

Террористическая война началась в конце 1968 г., когда КГБ решил превратить угоны самолетов <...> в орудие террора. Только за 1969 г. финансируемая КГБ Организация освобождения Палестины захватила по всему миру 82 самолета. В 1971 г., когда я побывал в кабинете у Сахаровского, он показал мне висевшую на стене карту мира, утыканную красными флажками. Каждый флажок означает угнанный самолет, пояснил генерал и добавил: «Захват самолетов – мое изобретение»^[4].

Освобожденные заложники. Захват самолета был осуществлен НФОП Джорджа Хабаша.

Террористы требовали прекратить американскую помощь Израилю. 1970 год.

У самолетоловливового генерала все-таки не доставало воображения предвидеть, что пройдет не так уж много времени, и его изобретение заработает и на советских авиалиниях. К тому времени выдающийся советский чекист уже умер, а был бы жив – интересно, испытал бы чувство законной гордости: это я! я придумал!

Впрочем, «самолетное дело» (1970 год) прошло при жизни генерала, злоумышленников повязали еще до того, как они успели сесть в самолет, никто не пострадал, кроме осужденных и поначалу приговоренных к расстрелу сионистов, вся вина которых состояла в том, что они хотели покинуть страну победившего социализма и, за неимением легальных способов, решили воспользоваться методом, подсказанным гэбэшным генералом, об авторстве которого даже не догадывались. Евреи, интеллигенты внесли в модель коррекцию: чтобы без крови. Но я возвращаюсь к мемуарам Пачепы.

Политические «успехи», достигнутые за счет захвата израильских самолетов, побудили 13й Отдел [Первого главного управления. – Примеч. перев.] КГБ, который в кругах разведчиков называли «отделом мокрых дел», перейти к организации «публичных казней» [так в оригинале – «public executions». – Примеч. перев.] евреев в аэропортах, на вокзалах и в других общественных местах.

К концу 1960х гг. КГБ был активно вовлечен в акции массового террора против евреев, которые проводились различными палестинскими марионеточными организациями. Вот некоторые из терактов, совершенных, пока я еще находился в

идентичны. Они нуждались друг в друге. Они зависели друг от друга. Разумеется, Хабаш зависел больше. Много больше.

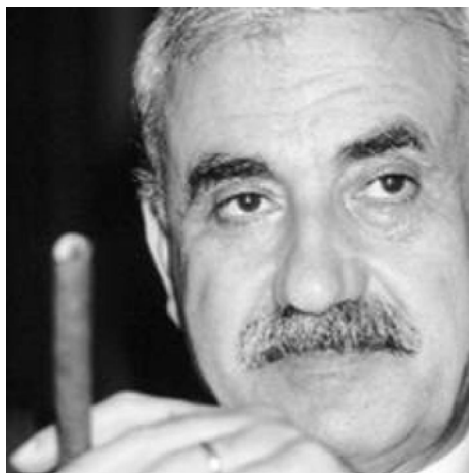
Генерал-полковник Александр Сахаровский.

Сахаровский и Хабаш были людьми из разных миров, совершенно разные психологические типы. Символичны высшие учебные заведения, которые они закончили: Сахаровский – вечерний комвуз, Хабаш – Американский университет в Бейруте, самое либеральное учебное заведение на Ближнем Востоке, не считая израильских, разумеется.

Сахаровский – деревенский мальчик, ставший пролетарием, а потом служивым человеком, особенно не выбиравший свою жизнь, плывший по течению, никогда не рисковавший, сделавший беспроигрышную ставку, стандартная биография выдвиженца, всегда во властном большинстве, всегда чувствовал себя своим, знал, что за ним стоит могущественная держава, поднимался с одной карьерной ступеньки на другую, добросовестно выполнял поставленные перед ним задачи. О нем говорится, что он «лично участвовал в поимке гитлеровских шпионов и диверсантов», однако это вряд ли следует понимать так, что он (начальник отдела Ленинградского управления госбезопасности) гонялся за шпионами и диверсантами с пистолетом – да, лично участвовал, но, надо полагать, из кабинета.

Хабаш – человек, всегда находившийся в меньшинстве, всегда плывший против течения, лично рисковавший, привыкший к постоянной опасности, сидевший в тюрьме, делавший интеллектуальные открытия и принимавший решения, переворачивавшие его жизнь, сам ставивший себе задачи, бросавший вызов тем, кто был сильнее его, интеллигент и международный авантюрист, по типу, по психологическому складу он был близок большевикам, делавшим русскую революцию, а затем ставшим в сталинской

России ненужными, на смену им и был призван Сахаровский, бесконечно от них далекий. Хабаш был революционер, Сахаровский – охранитель. Хабаш хотел взорвать несправедливый мир и построить на его развалинах нечто новое, Сахаровский готов был уничтожить каждого, кто посягнул бы на статус кво.

Джордж Хабаш.

Они были во всем противоположные люди, у них были разные мотивы – они делали одно общее дело. И еще одно их роднило: полное пренебрежение к человеческой жизни, которая с легкостью приносилась в жертву интересам советской державы (как они понимались на Лубянке), в одном случае, и интересам арабской революции – в другом. Хабаш ради великого дела своей жизни не жалел – с какой стати было ему жалеть чужие? А когда это была еврейская жизнь, тут уж вообще проблем не было: кого жалеть? Евреев?

В конце концов, кто из них был ньюсмейкером, – кроме того, что это было важно для каждого из них и для тех, кто стоял и продолжает стоять за ними сегодня, – вопрос чисто академический. Старались оба – каждый на своем месте. Они как две стороны одной медали, как две головы дракона.

Конечно, Хабаш был клиентом, ему наверняка приходилось выполнять кое-какие поручения, непосредственного отношения к его жизненной миссии не имевшие. Понимал ли, что его используют? Ощущал ли себя марионеткой? Во всяком случае, наверняка понимал, как к нему относятся его патроны. И это не могло его не травмировать. Он был самолюбивым человеком и не был наемным убийцей. Какие чувства испытывал Хабаш к лубянскому кукловоду? Должно быть, сильные: тяжелые и недобрые.

^[1] Ион Михай Пачепа. Рука Москвы. Какое отношение имеет Россия к недавней войне в Ливане? // «National Review», США. 28 августа 2006 года. Цитируется по: ИноСми.гу.

^[2] См., напр.: Нина Воронель. Игра в кошки-мышки // Лехаим. 2008. № 2.

^[3] Валерий Прокофьев. Александр Сахаровский. Начальник внешней разведки. М.: Эксмо, 2005. С. 320.

^[4] Ион Михай Пачепа.

^[5] Там же.

^[6] Там же.

^[7] См.: Михаил Горелик. Зимний день в Эйлате // Лехаим. 2008. № 7.

«АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ: ВИНЬЕТКА НЕ ПРОСТО БАЙКА – ЭТО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ»

Алѣксандръ Жолковскій

Известность Александру Константиновичу Жолковскому принесли написанные в 1960–1970-х годах работы по структурной семантике и поэтике выразительности (последний термин, собственно, и введен в оборот им и его соавтором Ю.К. Щегловым). Сегодня в его библиографии насчитывается более двух десятков книг на русском и английском языках. Среди героев монографий и статей Жолковского – Пушкин, Пастернак, Зощенко, Бабель, Бродский, Лимонов и многие другие. Несколько лет назад изрядный скандал вызвала предпринятая им попытка анализа житнетворческой стратегии Анны Ахматовой («Звезда», 1996, № 9) и ряд других его «мифоборческих» работ – автора немедленно уличили (и продолжают уличать) в стремлении принизить и унижить классиков и классику.

В последние годы А.К. Жолковский известен и как автор кратких мемуарных рассказов – виньеток. Последний виньеточный сборник, «Звезды и немного нервно», вышел весной этого года в московском издательстве «Время». Он открывается несколькими новеллами о детстве и родителях. С просьбы рассказать о семье началась и наша беседа.

– Родился я в 1937 году и рос в светской советской среде. Семья была еврейской, но никакого еврейского воспитания я не получил. Моя мама, Дебора Семеновна Рыбакова, приехала в молодости в Москву из Киева, и профессиональные фонетисты до сих пор различают в моей речи какие-то южные элементы. Она была большой поклонницей Эйзенштейна и даже участвовала в подборе типажей к его ранним фильмам...

– То есть ваша любовь к Эйзенштейну наследственная?

– Я думаю, мама поминала его почтительно в домашних разговорах, и это как-то в моем сознании отпечаталось. Но я его открывал потом для себя сам – когда я был на втором курсе, вышел в прокат «Иван Грозный», и мы с моим другом и будущим соавтором Юрой Щегловым очень им увлеклись. (Нашей первой совместной работой стала статья об «Иване Грозном» в стенгазете курса.) На сегодня я смотрел этот фильм раз тридцать, если не больше...

Так вот, мама преподавала историю музыки в музыкальном техникуме, в Брюсовском переулке. Мой родной отец, Константин Платонович Жолковский, был турист, альпинист, байдарочник, он утонул в 1938 году во время байдарочного заплыва по Белому морю. И постепенно в маминой жизни появился, а потом и женился на ней мой отчим, необычайно на меня повлиявший, Лев Абрамович Мазель, известный музыковед, у которого мама когда-то училась. И вся моя сознательная жизнь прошла уже, когда папой был он.

Мой дед по отцу был русским, паспортная национальность отца была «русский», поэтому меня, когда я получал паспорт в самые антисемитские годы, тоже записали русским. Но интересно, что чем дальше, тем больше еврейского все-таки в моей жизни появляется. Например, я довольно поздно узнал сочинения Ходасевича, и очень полюбил и его стихи, и его критику, и мемуары. В какой-то момент я стал про него что-то писать, а начав писать, заодно почитал его биографию и установил, что он до известной степени еврей. Что меня, надо сказать, огорчило.

– Почему огорчило?

– Есть такое вечное еврейское желание выйти из гетто. Ты полюбил кого-то иного, вышел из гетто – и вдруг объект твоей страсти оказывается евреем, и ты снова обнаруживаешь себя в гетто. Обидное ощущение, схожее с пушкинским из «Путешествия в Арзрум»: «Добрый конь вынес меня на турецкий берег – но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России».

– Выход из гетто, как я понимаю, не состоялся и позже – ваши коллеги по структурализму периода бури и натиска тоже были в значительном числе евреями.

– Ну, не на сто процентов. Да, Виктор Юльевич Розенцвейг, который стал для меня отцовской фигурой, был вполне еврей, с тяжелым еврейским акцентом. Евреем был и мой любимый соавтор, великий лингвист Игорь Мельчук. Но, скажем, тот же Юра Щеглов никакого отношения к еврейству не имел.

– То есть вашими воротами из гетто стал Щеглов?

– Может быть, и так. А может, наоборот, я стал для него воротами в гетто. Когда настала пора эмиграции, он очень завидовал, что евреи могут уехать, а он нет. Прямо дискриминация русских. Но в конце концов он тоже эмигрировал, придумав своей жене Валерии Крамм (у нее были отдаленные немецкие корни) еврейскую родословную.

– Расскажите о студенческих годах, о вашем курсе.

– Я учился на филфаке МГУ с 1954 года. Отзвуки антикосмополитической кампании еще чувствовались, но прямого антисемитизма не ощущалось. Деканом, впрочем, был Роман Михайлович Самарин, принимавший пятью годами ранее живейшее

участие в гонениях на факультетских евреях. Но я не уверен, был ли он таким уж физиологическим антисемитом – или всего лишь «ситуативным».

Это были годы «оттепели» и некоторого всплеска научной свободы. Вскоре начал довольно активно развиваться структурализм, машинный перевод и так далее. Мой курс был очень в этом смысле неплохой: со мной учились Юра Щеглов, Мариетта Хан-Магомедова, в дальнейшем Чудакова, и ее будущий муж Саша Чудаков, Татьяна Цивьян... Наверное, если бы я постарался, то назвал бы еще несколько достаточно известных имен.

Некоторые люди, сыгравшие важную роль в моей жизни, учились на других курсах, но примерно в то же время. Двумя курсами старше учились Андрей Анатольевич Зализняк и Елена Викторовна Падучева. Мельчук, кажется, курсов на пять старше, но мы с ним были немного знакомы – параллельно с филфаком он учился у моей мамы в музтехникуме (а в университете в качестве общественной нагрузки руководил испанским хором).

– А как вы пришли к языку сомали?

– Это было позже. Я уже окончил университет и работал в Лаборатории машинного перевода у Виктора Юльевича Розенцвейга. К аспирантуре и диссертациям многие из нас тогда относились с анархическим высокомерием – дескать, главное наука, а степени и звания не важны. Но постепенно выяснилось, что защищаться все-таки придется, и тогда я решил выбрать для диссертации какую-нибудь тему, которая расширила бы мой кругозор. В лаборатории я занимался семантикой – а кандидатская пусть будет о чем-нибудь совершенно другом.

Д.С. Рыбакова, мать А. Жолковского.

Москва. Конец 1930-х годов.

Тогда как раз Хрущев активизировал внешнюю политику, начался период советского колониализма, экспансии в Африку, и в Институте восточных языков стали преподавать всякие малоизвестные языки. И вот Щеглов занялся языком хауса, а я решил изучать сомали. Надо сказать, что ни моя научная руководительница, Наталия Вениаминовна Охотина, специалистка по суахили, ни кто-либо другой в стране сомали не знал, так что я стал пионером советского сомаловедения. Выбирал язык я по карте, одним из условий было наличие в нем каких-нибудь семитских элементов. И действительно, в древнейших сомалийских корнях прослеживается родство с семитскими языками.

Довольно быстро я прибил к радиовещанию на сомали. Это был замечательный опыт. Сомали был еще бесписьменным языком, и все новости и комментарии поступали к нам на русском или на европейских языках, дикторы-сомалийцы переводили их, а я этот процесс контролировал. Основная моя задача была не пропустить ничего антисоветского. Заведующий редакцией постоянно повторял: «Ты, главное, следи за отрицательными частицами». Я его утешал, что сомали буквально создан для советской цензуры: в нем есть целое отрицательное спряжение, и это задачу отслеживания существенно облегчает. Постепенно я и сам научился переводить, читать, стал диктором – за это очень хорошо платили.

В конце концов я написал книгу «Синтаксис сомали». Недавно ее даже переиздали – в каком-то смысле в качестве объекта соц-арта, потому что там большинство примеров про американскую агрессию во Вьетнаме.

– Сейчас сомали у вас активен?

– Нет, я его почти полностью забыл. Зато воспитал одного очень хорошего ученика, Георгия Леонидовича Капчица, он написал диссертацию по языку сомали, ездит на международные конгрессы и читает лекции сомалийским экспатам, которых довольно много по всему миру. И родители-сомалийцы приводят на его лекции растущих за границей детей: «Вот, стыдитесь, белый человек, а как хорошо говорит на вашем родном языке!»

– Что представляла собой Лаборатория машинного перевода, в которой вы работали по окончании университета, и что вообще такое машинный перевод?

– Ну, сегодня любой человек может приобрести определенные компьютерные программы, и они худо-бедно переведут текст на иностранный язык. А пятьдесят лет назад, когда это все начиналось, машинный перевод был необычайно дерзкой, новаторской и к тому же импортной идеей. Тут надо сказать, что структурная лингвистика считалась наукой буржуазной, почти как генетика, и принималась начальством настороженно. А родственная ей машинный перевод был перспективной в военном отношении задачей, каковое обстоятельство демагогически использовалось сторонниками развития этой дисциплины. Конечной целью представлялось кибернетическое моделирование языка в целом, но называлось все это таким вот эзоповским образом, очень характерным для оттепельной культуры.

Наша лаборатория, располагавшаяся в Институте иностранных языков, была одним из главных очагов распространения этого поветрия. Возможности ее, в силу все той же военной специфики, были весьма значительными, меня, скажем, Виктор Юльевич Розенцвейг смог взять на работу несмотря на выговор в личном деле, заработанный в военном лагере (я погорел за распевание каких-то непристойных песен). В общем, старый советский принцип, что на шарашке может работать и враг народа, продолжал действовать.

– А как вы перешли от лингвистики к литературоведению, к занятиям поэтикой?

– Я ведь из музыкальной семьи. Правда, мне медведь наступил на ухо, и, при всей моей любви к музыке, спеть я ничего не могу. Шесть лет меня учили музыке – не помогло. Но тяготение к гуманитарным занятиям всегда во мне жило, хотя сознательно мной подавлялось как нечто несерьезное. Надо сказать, непродажные гуманитарные

штудии в советское время представить себе действительно было трудновато. И поэтому я решил заниматься точной наукой – структурной лингвистикой. Однако стремление привить, перефразируя Ходасевича, гуманитарную розу к структуралистскому дичку, никуда не делось. И, добившись чего-то в лингвистике, сдав самому себе эдакий экзамен на звание полноценного ученого, я постепенно стал позволять себе больше заниматься поэтикой, хотя все в том же «точном» изводе, под флагом русского формализма и структурализма. Первое время занятия литературоведением и лингвистикой шли параллельно, потом поэтика начала языкознание вытеснять, и к моменту эмиграции в 1979 году я уже ощущал себя литературоведом по преимуществу. Так что, когда нужно было выбирать, по какой специальности устраиваться на работу в Америке, я предпочел литературоведение.

– В лаборатории вы проработали до самого отъезда?

– Нет. В 1968 году я, единственный в институте, подписал письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова. Ректор института, Мария Кузьминична Бородулина, присутствовавшая на какой-то московской партконференции, из речи чуть ли не Брежнева с изумлением узнала, что вверенный ей вуз попал в число неблагонадежных, разгневалась, и наши отношения серьезно ухудшились. Но в тот момент попытки моего изгнания ничем не кончились.

М.В. Розанова, А. Жолковский, А.Д. Снявский, О. Матич. Лос-Анджелес. Около 1985 года.

А в феврале 1974 года выслали Солженицына, и это стало сигналом к очередному закручиванию гаек. Я тогда был в Тарту на конференции, читал в какой-то момент лекцию студентам, которую мне устроили Юрий Михайлович Лотман и Зара Григорьевна Минц. И в перерыве ко мне подошла Минц, которая сообщила, что арестован Солженицын. Ну, на лекции это не сказалось, зато сказалось на моей судьбе. Ректор решила больше не церемониться и избавиться от меня. Сделать это было тем проще, что я числился не в штате, а на договоре, который просто не возобновили.

Я немного пометался в поисках работы и устроился в институт «Информэлектро», который возглавлял либеральный и порядочный директор, Сергей Малинин. Начальник отдела кадров этого института, Н.Е. Лебедь («нелебедь»), в некотором ужасе от политики директора, говорил с тоской в голосе: «Что ж, будем брать евреев, подписантов, всех... Но не только же всех!!!» И вот там я проработал уже до отъезда.

– А почему вы решили уехать?

– Конечно, сыграли свою роль выговоры, увольнения, идеологическая травля, развившие во мне постепенно подсоветский антисоветский комплекс. Но не совсем верно было бы сказать, что дело сводилось только к этому. У меня вообще есть проблемы с социализацией, я не очень хорошо взаимодействую с начальством. Не то чтобы я был совсем уж анархистом, но, видимо, стремление к свободе у меня несколько повышенное. Причем конфликты возникали не только с официозом, но и, скажем, с семиотическим антиистеблишментом – там я тоже считался аутсайдером, белой вороной и находился в своего рода оппозиции. Потом, по приезде в Америку, я старался свой отщепенский комплекс преодолеть и правильно себя социализировать, что, в общем-то, удалось. Но тем не менее, как писал Пастернак, «Сильней на свете тяга прочь / И манит страсть к разрывам». Так что не стоит перекладывать всю вину за мой отъезд на Брежнева.

– Вы представляли, куда едете?

– У меня не было прямого приглашения на работу в Америку. Еще лет за десять до отъезда я познакомился в Варшаве с видным голландским лингвистом Тойном ван Дейком, и вот тогда, в 1978 году, он предложил мне приехать преподавать в Амстердамском университете. В 1979-м мне удалось выехать. Это было мое первое место за границей, там можно было бы зацепиться. Но я был убежден, что эмиграция должна направлять человека в Америку, государство эмигрантов, а не в европейскую страну, где ты навсегда останешься еще одним иностранцем. Постепенно сковалась ставка в Корнелле, я некоторое время проработал там, а потом по личным причинам и из любви к солнцу переехал в Калифорнию. И с 1983 года по сей день я преподаю в Университете Южной Калифорнии. Это не высшая лига американских университетов, но заведение приличное, климат очень хороший и зарплата тоже.

– Судя по 25-летнему пребыванию на одном месте, ваши проблемы с социализацией действительно счастливо отпали.

– Америка очень свободная страна. Я выбрал себе тот уровень интеграции, который меня устраивает. Мое право – выбирать, какое количество погон и медалей я хочу на себя надевать. Первое время, скажем, я очень старательно ездил на всякие конференции, именно чтобы понять, как работает эта профессия, людей посмотреть, себя показать. Но с какого-то момента я решил, что хватит, и теперь на конференции езжу очень редко. Когда открылась Россия, я стал часто приезжать сюда, это отбирает много времени и внимания. Но все это можно очень свободно себе позволять, если у тебя постоянная должность. Эта полная независимость профессуры очень важна, так же как, скажем, независимость судей.

– Существует ли в Америке славистский или – шире – филологический истеблишмент, от которого профессор зависит?

– Конечно, некоторая иерархичность существует, есть и зависимость. Но все же система принципиально плюралистична и не централизована. Нет никакого президиума славистики, нет президиума гуманитарных наук. Бывает, что какие-то научные направления вдруг становятся модными, и, занимаясь ими, оказывается легче сделать карьеру. С другой стороны, разных направлений всегда так много... В общем, культура себя диктует, но гораздо более гибким образом, нежели то было, к примеру, в Советском Союзе. Да, собственно, и в России то же самое сейчас: не обязательно примыкать к этой группе, можно примыкать к другой или не примыкать ни к какой.

– А угроза политкорректности как нового тоталитаризма в гуманитарных науках – это выдумка или реальность?

– Конечно, наученные горьким опытом российские эмигранты реагируют на это достаточно болезненно, как на любую попытку идеологического диктата и промывания мозгов. Но до тоталитаризма все-таки далеко.

Саша Соколов, О. Ронен и А. Жолковский. Лос-Анджелес. 1985 год.

– Насколько активно вы после отъезда включились в эмигрантскую жизнь?

– Ни в каких организациях я никогда не состоял. В Лос-Анджелесе большая эмигрантская община, по преимуществу еврейская. Одно время я был довольно тесно в нее интегрирован, дружил с редактором влиятельной газеты «Панорама» Сашей Половцем, печатал у него свои статьи и рассказы. Но чем дальше, тем меньше я общаюсь с эмигрантами, да и не только с ними. Наверное, это, опять же, связано с тем, что я регулярно получаю огромные порции общения в Москве. Мне хватает, у меня не так много тусовочного запала.

– Вы печатались в «Синтаксисе», дружили с Синявским...

– Даже гостил несколько раз у них в доме, о чем с благодарностью вспоминаю.

– Но ведь Синявские были очень плотно вовлечены в эмигрантскую политику. Вы ощущали себя членом «партии Синявского»?

– Особенно, думаю, Марья Васильевна Розанова, его жена, добавляла страсти этим ситуациям... Ну, если пришлось бы выбирать между позициями Синявского,

– А как вы себя видите в ряду филологов, пишущих нон-фикшн, – Михаила Безродного, Омри Ронена, Михаила Гаспарова?

– С Роненом вышло интересно. Когда я только начал писать рассказы, он мне сказал, что это неправильно, сейчас эпоха не фикшн, а нон-фикшн. Так что снимаю шляпу перед Роненом, он мою эволюцию предсказал – если не направил. А потом и сам по этому пути пошел.

«Записи и выписки» Михаила Леоновича Гаспарова – это, конечно, не вполне то же самое, что виньетки, там другая установка. Виньетка – это ни в коей мере не хвастливая история героя-автора, но и не простой пересказ того, что было, где автора нет. А Гаспаров все же пытался писать «объективно», его поэтика – поэтика застегнутости.

Безродный мне ближе. Он меньше пишет про себя, больше про какую-нибудь фразу. Его стремление к словесному совершенству, к виньетизации еще сильнее, чем у меня. Кстати, Безродный – мой любимый первый читатель. Напишу виньетку – посылаю ему. Он сразу начинает придирается: это можно написать короче, здесь есть стилистические несообразности, тут политические высказывания банальны... Его критику я с благодарностью впитываю.

– А откуда само это название – виньетка?

– Слово «виньетка» в близком значении легко встретить в английском и французском, а на русской почве, наверное, действительно ввел его в качестве жанрового обозначения я. Теперь знакомые звонят и говорят: «Вот я тебе расскажу такую виньетку...» Я обижаюсь и протестую: виньетка – это художественное изделие, требующее обработки и отбора, а вовсе не любой занятный эпизод из жизни. Виньетка не просто байка, виньетка – это литературный факт, по Тынянову.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПОЛЯ ИМПЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На четыре вопроса отвечают: Михаил Айзенберг, Ирина Врубель-Голубкина, Глеб Морев, Елена Фанайлова

אֵלֶּכְסָנְדְּרִיָּא אֵלֶּכְסָנְדְּרִיָּא אֵלֶּכְסָנְדְּרִיָּא אֵלֶּכְסָנְדְּרִיָּא

В жизни каждого читателя есть писатель, которого открываешь с опозданием если не на вечность, то на век точно. Как огорчался я, фанат Борхеса, что так поздно открыл для себя Кортасара, а всему-то причиной глупое убеждение в том, что не могут два писателя такого уровня делить одно и то же время, страну, язык и литературу. А если не два, а три, не три, а четыре?.. С годами я начал сбиваться, перечисляя на досуге любимых писателей, выходцев из одного времени и литературы, которых бы с удовольствием перечитывал. В этой своей литературной карте я расставляю их не по алфавиту, а по родству, которое исчисляется не путем сложения бесконечно малых величин в массе предоставленных мне, читателю, свойств, а по их замкнутости и неприступности. Писателя Александра Гольдштейна я открыл для себя с опозданием чрезвычайно огорчительным, не только в том смысле, что упустил из виду земляка и современника (если бы только это), но куда больше, потому что в его литературной карте, просматриваемой через ткань произведений, много писателей, числящихся и в моей. Стоило мне внести Александра Гольдштейна в свою карту, как я тут же заметил его ближайшее родство с теми, кто наиболее замкнут и неприступен. Огорчил меня и тот факт, что Александра Гольдштейна не только открывают с опозданием, но, открыв, спешат закрыть. Можно было бы подумать, что виной тут замкнутость и неприступность. Но разве Владимир Набоков или Саша Соколов, с которыми состоит в очевидном родстве Александр Гольдштейн, менее замкнуты и неприступны? Быть может, виною сегодняшний интерес к израильской литературе на иврите. Однако мне думается, что все и проще и сложнее, достаточно вспомнить эссе самого Гольдштейна «О литературной эмиграции». Возможно, причина в отсутствии «поддержки очагов литрассеяния» в нашей имперской литературе, на которую еврейские фамилии и израильские метки все еще действуют в определенном смысле магически. А что думают мои собеседники?

Михаил Айзенберг,
поэт, эссеист, критик

– **Особенный эстетизм, проповедь «красоты письма», чуткий слух на слово делают Александра Гольдштейна одним из самых рафинированных авторов последних десятилетий. На мой взгляд, XX век отечественной литературы завершается открытием Гольдштейна, открытием ответственным и, не в пример многим, трагически-правдашним. Так почему же этот блистательный писатель на протяжении многих лет остается достоянием узкого круга ценителей слова? Настолько порою узкого, что в прессе мелькают практически одни и те же имена поклонников. Правда, поклонники дорогого стоят, было бы достаточно мнения одного Саши Соколова, и все-таки... С чем вы связываете такую читательскую непочтительность и глухоту?**

– Ответ придется составить из двух частей. Прозе такого рода и уровня соответствует навык «включенного» чтения, чтения-соучастия, почти физиологического – сердечного, мускульного, с негласным участием голосовых связок. Без такого участия она не открывается, но это редкий и как будто исчезающий навык, его заменяет привычка читать по диагонали словно с экрана компьютера, то есть поверх текста, не включаясь в его ритм. Проза, которая не поддается такому прочтению, смещается на периферию массового внимания и даже у критики вызывает загадочное раздражение. Им уже не понятно, зачем люди тратят силы на то, что никто все равно не заметит. А речь, по сути, идет о художественной ткани, то есть о сущности и смысле письма. Кстати, на «Фамагусту» была, кажется, всего одна рецензия. И это довольно точный диагноз. Если критика не заметила вещь такого уровня, значит, критики у нас нет. Но эта одна часть ответа, а теперь вторая. Ритм Гольдштейна совсем не легкий, плетение его прозы на редкость плотно, словно бы прошито насквозь и затянуто одной основной нитью. Он такой волшебный ткач, ткущий повествование, как узор, как орнамент. У орнаментальной прозы не так много сторонников, и я, например, не из их числа. Но дело в том, что, когда ты видишь результат, совершенно не соответствующий твоим представлениям и ожиданиям и, однако же, в своем роде поразительный, это только подтверждает подлинность удачи. Если говорить о «Фамагусте», то эта вещь только такой и может быть, только она отвечает художественной задаче. «Фамагуста» не просто эпическое произведение, это эпос того времени, когда все твердые основания эпоса размолоты в пыль и висят в воздухе наподобие взвеси. Чтобы воссоздать небывшее бывшее, как мираж, автору пришлось строить из воздуха, но сначала предельно уплотнить эту взвесь и почти цементировать держащий ее воздух. Только такой твердый воздух мог стать его материалом, чтобы потом, выдыхая его ритмическими толчками собственных легких, вы ткать повествование как совершенный и таинственный узор.

– **«Солнце и сталь» Юкио Мисимы было одним из любимых и программных эссе Александра Гольдштейна. Уже в зачине его находим важный для**

Александра посыл: «Я долго искал подходящий жанр и в конце концов изобрел некую трудноопределимую разновидность исповедальной прозы пополам с критической эссеистикой. Назовем мое изобретение “критической исповедью”. Если исповедь – это ночь, а критика – день, то я буду держаться где-то на порубежье, в свете вечерних сумерек». Насколько удалось Александру в своем творчестве держаться мисимовского «порубежья»?

– Мне представляется, что Александр Гольдштейн крепко держал в памяти рецепт Джеймса Бонда, что-то вроде «смешать, но не взбалтывать». В результате получается нечто третье, потому что исповедью, даже критической, называть его прозу почему-то совсем не хочется. Литература постоянно заступает дорогу исповеди. Даже вполне биографический материал дан там в таком освещении, что не то чтобы сомневаешься в его достоверности, а просто сам этот вопрос отходит на второй план. Что касается «Фамагусты», то это проза с такой мощной жанровой основой, что она совершенно растворяет все как бы инородные включения.

– Владимир Набоков, выделив из всей русской литературы «Школу для дураков» Саши Соколова и пригласив его к себе, тем самым как бы указал на преемника. Саша Соколов не приехал к Набокову, но спустя годы приехал к Александру Гольдштейну. Их встреча описана и тем и другим. Можно сказать, что Саша Соколов сделал выбор, как в свое время Набоков? Или все проще: «Просто встретились два одиночества» поговорить о наболевшем?

– Против первой гипотезы у меня есть некоторые возражения. Соколов действительно прямой потомок Набокова по литературной линии, что-то вроде внучатого племянника. О Соколове и Гольдштейне такого не скажешь. Здесь, как мне кажется, нет прямой генетической связи, а речь лишь об общем литературном происхождении. «Два одиночества»? Пожалуй. Но в том смысле, что мастерство – это всегда одиночество. У Джойса есть такая формула, – к сожалению, я сейчас без книг и компьютера – звучит она, кажется, так: «Изгнание, молчание, мастерство». Эту формулу Джойса Соколов сделал своим девизом. Но и Гольдштейну она явно не была чужда. Дело, однако, в том, что навык одиночества только обостряет тоску по настоящему собеседнику и разговору на равных. И встреча с равным, с автором той же литературной крови, того же уровня, – редкая жизненная удача. Задним числом можно только порадоваться за обоих.

– Еврейского, чисто еврейского, в прозе Гольдштейна, на мой взгляд, очень мало, хотя в его писательском распоряжении оказалась целая страна, с ожившим четырехтысячелетним языком. С чем вы это связываете?

– Я не вполне согласен с вашим выводом. Согласен только, что Гольдштейн не стал израильским писателем. Иначе говоря, не ощутил себя человеком этого и только этого места. Но сама эта неспособность укоренена в еврейском галутном сознании. В этом смысле Гольдштейн как раз очень еврейский писатель. А его биографию можно прочитать как образцовую биографию еврея-беженца. Что, как мне кажется, крайне важно для понимания его литературы. Если я ничего не путаю, он родился в Прибалтике, на Западе, и на свой Восток позднего детства и молодости он смотрел все-таки «глазами Запада», а его израильская оптика оказалась еще более сложной. Можно представить себе зрительный сигнал, идущий из двух противоположных концов земли в третий, постоянно воссоздаваемый мыслительный треугольник, покрывающий значительную часть восточного полушария. И литература Александра Гольдштейна – это в том числе мечта о какой-то идеальной восточной деспотии, где люди разных национальностей живут бок о бок в неслиянном единстве. Мечта о такой Александрии.

ЕВРЕЙСТВО БЫЛО ДЛЯ НЕГО ВАЖНО

Ирина Врубель-Голубкина,

литератор, главный редактор журнала «Зеркало»

– Те, кто знал Александра Гольдштейна, говорят о невероятном сочетании внешности «тихого» еврея-интеллигента (на фотографиях всегда улыбающееся лицо, чуть старомодные круглые очки) и радикальности, напора, исходящих из его прозы. Что больше соответствовало истинному «я» Гольдштейна?

– Саша Гольдштейн, мой друг и соратник, входивший в редколлегию журнала «Зеркало», был человеком абсолютной, патологической литературности, и потому, если уже говорить о двух ипостасях, следует предпочесть радикальность – хотя в жизни он был действительно тишайшим человеком с тетрадкой и ручкой, который и мухи бы не обидел. Его интересовал эксперимент, прорыв, возможность создания новой реальности, и литературой для него была лишь та, которая осознавала собственную невероятность и бралась «за то, с чем не справляются». Его последним, самым радикальным деянием стал роман «Спокойные поля» с его поражающей концентрацией письма, утонченностью, подлинностью и драматизмом, написанный в последний год, когда Саша уже был смертельно болен и не мог выходить из комнаты. Он отказался от морфия (у него был рак легких), чтобы сохранить ясную для письма голову, и сумел соблюсти все принципы, которые проповедовал, включая первый из них – нерушимое братство слова и говорящего тела, подтвержденное тем, что сам он умер, поставив последнюю точку в своем романе.

– Появление литературных опусов Александра Гольдштейна в девяностых для многих стало «культурным взрывом», некоторые критики видят его одной из центральных фигур русской литературы того периода и не только. И вместе с тем в один голос твердят о том, что творчество Гольдштейна абсолютно «выпадает» из мейнстрима отечественной словесности, не пересекаясь в понимании самой сути литературного письма. Как это сочетается в головах критиков? Каково же все-таки подлинное место Александра Гольдштейна в постсоветской литературе?

– Первая книга Саши Гольдштейна, «Расставание с Нарциссом», вышедшая в 1997 году в издательстве «НЛО», получила две первостепенные литературные премии и была названа одним из самых значительных событий девяностых, – старт поразительной мощи, при том что в то время он был совершенно неизвестным автором из Израиля, к тому же в России отношение к эмигрантам было довольно высокомерным. Он тогда не только объявил о завершении некоторого цикла, или эона, русской литературы XX века, но и предложил взамен нечто совершенно новое, я имею в виду его манифест о «литературе существования». Тогда же, кстати сказать, Саша сделал один странный на

первый взгляд жест – он продавал себя как писателя на иерусалимском рынке за один шекель; ему хотелось, чтобы писатель был востребован. Потом он покинул стезю модного и востребованного рынком эссеиста, занявшись тем, что популярности не сулило и в конечном счете не принесло, – крупными формами, романами; для этого перехода требовалась большая смелость. В принципе, все, чем он потом занимался, – это исследование того, что должно возникнуть после «расставания с Нарциссом», это попытка выстроить новое пространство и найти его язык. В последние годы Саша пришел к убеждению, что самое глубокое и органическое свойство литературного текста – это совершенство стиля, красота письма, а их утрата равносильна исчезновению литературности и, значит, литературы. Возвращение к красоте письма было весьма радикальным деянием на фоне эстетического упадка и даже воли к этому упадку, которую демонстрировали некоторые известные авторы. Он шел от прозы к стихам, и последние его вещи – это проза поэта. Но, конечно, в нынешнем литературном пространстве он почти не находил союзников, он выламывался из этого пространства, что было для него мучительным, поскольку Саша был человеком очень амбициозным, и, конечно, ему хотелось успеха, хотя, с другой стороны, он говорил о том, что словопрения об успехе нехороши.

– Ощущение «конца эпохи» – одно из самых важных для автора «Расставания с Нарциссом». Как виделось Александру Гольдштейну будущее литературного процесса, самой литературы как вида искусства в этой, еще на его глазах наступающей «новой реальности»?

– Саша жил в Баку, потом переехал в Тель-Авив, где мы сообща создавали новое литературное пространство – в начале девяностых в нашей тель-авивской квартире собрались необычайно талантливые люди со всех концов распавшейся империи, которые объединились с нами, теми, кто принадлежал ко второму русскому авангарду, – ну а книги Саши Гольдштейна печатались в Москве. Я не случайно сейчас заговорила о географии, соединив Баку, Тель-Авив и Москву. Как мне кажется, Саша Гольдштейн сформулировал с помощью своих книг нечто весьма важное, некий соединяющий и сопрягающий момент – что в нынешнем мире, в котором легко нарушаются границы и многие переходят из страны в страну и с языка на язык, возможно сопряжение разных традиций, это и есть будущее литературы. Саша Гольдштейн и сам создавал новое слово и новую литературу (романы «Помни о Фамагусте» и «Спокойные поля»), и это литература чрезвычайно сложная, изысканная, слоистая, с огромным количеством отсылок и зашифрованностей, которые отгадываются не сразу, где смыслы вырастают из слов. Все это, конечно, шло наперекор общей тональности упрощения.

– Чувствовал ли себя Александр полноценным евреем в Израиле, теребил ли его дух бакинского еврейства, направлял ли он в компаниях компасную стрелку на свое бакинское прошлое или горько избегал его?

– Еврейство было для него важно, пусть и не бакинское еврейство, с которым он разошелся без сожалений, хотя в своих романах часто возвращался к восточно-советскому захолустью поздней имперских времен, которое, конечно, отчасти было сочиненным и воображаемым. Я знаю, что для Саши было принципиальным то, что он жил у Средиземного моря, в Тель-Авиве, и он говорил в этой связи о русской средиземноморской литературе – литературе русских евреев, по-европейски начитанных, но чуждых реальной Европе и пытающихся строить в Израиле новый Восток.

ОН ОЩУЩАЛ ТЕЛЬ-АВИВ СВОИМ ГОРОДОМ

Глеб Морев,

историк литературы, шеф-редактор отдела «Медиа» портала OpenSpace.ru

– Для меня Александр Гольдштейн, прежде всего, настоящий писатель-земляк, литературный опыт которого – к моему читательскому удовольствию и писательской ревности – оснащен знакомыми бакинскими обертонами, эссенциями, но заметит их далеко не каждый: настоятельно требуется родиться в Баку, в книжной еврейской или полуеврейской семье, потерять этот город, вместе с родными маршрутами и половиной своей жизни, переехать в Израиль... – то есть, по сути, обладать конкретным набором качеств, определенных положений, от которых сам Александр Гольдштейн, по-моему, бежал в своем искусстве. А как вы считаете, должен ли читатель по мере погружения, скажем, в те же «Спокойные поля» избыть в себе конкретные биографические черты, потому как они есть шум, препятствующий насладиться словом?

– Я никогда не был в Баку – и почти все, что знаю об этом городе и о бакинской культурной атмосфере позднесоветских лет, знаю из прозы Гольдштейна. На мой взгляд, он как раз не бежал конкретных черт своей биографии, а по мере развития своей прозы все больше к ней обращался, эксплуатировал. По-разному, прямо – как в потрясающем эссе о 1990 году (я помню, как по просьбе Любы Аркус, которой и принадлежит счастливая мысль обратиться к Саше за этим текстом, звонил ему из редакции питерского «Сеанса» с редакционным заказом; монументальная «Энциклопедия отечественного кино», для которой эти тексты – портреты девяностых годов – собирались, сильно запоздала с выходом, и, кажется, он вышел впервые в составе «Аспектов духовного брака») или косвенно – как в «Фамагусте» или «Спокойных полях».

– Думаю, Александр прекрасно понимал, что делает, как делает и для кого. И все же, кажется, после ошеломляющего дебюта девяностых он ожидал от литературной Москвы иного отношения к себе. Почему Москва так быстро упустила Гольдштейна из виду (издатель Ирина Прохорова не в счет), не потому ли, что расставание с Нарциссом до некоторой степени было условным, как условны бесконечные тупики Дмитрия Галковского, похоронные виражи Виктора Ерофеева, или тут другая причина? Новые времена – литература как завод/производство/культурная провокация и профанация?

– Насчет Сашиних ожиданий – оправдались ли они – не знаю. Из телефонных разговоров с ним у меня было ощущение, что его московский «антибукеровский» визит 1997 года достаточно впечатлил, и на отношение к себе он не жаловался. Другое дело, что круг его российских связей был довольно тесным: «НЛЮ» (и тут надо отдать должное Ирине Прохоровой – его первому, неизменному, чрезвычайно лояльному и любящему

Потом, когда меня уже не было в Израиле, Саша побывал в Европе – интересно было бы подробнее поговорить с ним о ней, сейчас я помню лишь его слова о лондонской толпе – прекрасно одетой, колоритной и – абсолютно чужой. Про «еврейский дух» – не знаю, мы никогда не обсуждали с ним такие категории, да и вообще «еврейскую» проблематику, это, однако, совсем не значит, что равнодушен к ней был он.

ПОЛЯ ВЫСОКОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Елена Фанайлова,

поэт, критик, журналист

– Прозу Александра Гольдштейна можно считать «спокойными полями»? Не кажется ли вам, что она может обладать энергией мощного взрыва и когда-нибудь повлиять на отечественную словесность, как повлиял Гюго или Лотреамон на французскую?

– Это поля высокого напряжения. Если говорить только о последней книге: спокойные – смертные – поля Элизиума. Я не знаю примера в отечественной словесности, чтобы человек сохранял волю к письму как сложной культуре в столь угрожающих для себя обстоятельствах. То, как Гольдштейн умирал и подробно фиксировал свое умирание, сродни тому, как Тимоти Лири фиксировал свою смерть на видео и транслировал в Интернет, ну то есть уже не он, но по его воле. «Спокойные поля» Гольдштейна – это своего рода акционизм, которым автор чрезвычайно интересовался (как, впрочем, любыми другими мощными художественными энергиями, в том числе и анархистскими, и тоталитарными практиками, в равной мере их кризисами и падениями). Конечно, это проза мощнейшего излучения. Весь корпус текстов, начиная с признанного публикой «Расставания с Нарциссом», книги, которую я считаю бестселлером номер один в отечественном нон-фикшн рубежа веков, top of the pop. Так сейчас не пишут, с такой концентрацией художественного и идейного. Если вырастут новые безумцы русской литературы, такие, какими в свое время были люди нашего поколения, у прозы Гольдштейна появится огромный потенциал. Медиа ситуация двухтысячных потребовала быстрой прозы. Когда изменится время и у мальчиков и девочек появится необходимость читать книги из больших родительских шкафов, тогда пусть там окажутся книги Александра Гольдштейна. Стоят, излучают.

– Гольдштейн, покинув Баку, до начала восьмидесятых город вполне себе европейский и еврейский, оказался на исторической родине. Судя по его творчеству, он выбрал позицию остроглазого соглядатая, позицию идеальную для проживания еврея в Баку, однако она сгодилась ему и в Израиле. Не говорит ли это о том, что он был далек от иудаизма и национальных вопросов?

БОК О БОК СО ВРЕМЕНЕМ И ИСТОРИЕЙ

Аידען פֿון יארען

Вся правая сторона, от Дорогомиловской заставы до железной дороги, если идти из центра, – территория двух кладбищ, русского и еврейского. Кладбища эти одни из самых старых в Москве. Почему именно здесь, понятно – окраина города. Мыльный и сальный заводы, Бакановая фабрика, каменоломни и бойни, земли Береняковской слободы. На русском кладбище – храм Спаса Нерукотворенного образа, на еврейском – синагога. На этих двух кладбищах мы прогуливали школу, играли в прятки и «колдунчики».

Панорама, открывающаяся с «Высокого берега» Москвы-реки. 2008 год.

Вспоминаю, как с Юлианом Семеновым, который тогда никаким Семеновым не был, а носил обстоятельную отцовскую фамилию Ляндрес, все на тех же кладбищах учились прицельной стрельбе из пистолета. (Пистолет был отца Юлика.) Не упомяну уже, во что мы целились тогда, но сейчас кажется, исключительно во Время. И пока мы с Юликом целились во Время, на бывшей заставе строились потихонечку дома ЦК. Последний был домом, в котором жили Брежнев и Андропов. Строил его Федос Шавлюгин, каменщик знатный, за что и стал депутатом Верховного Совета и лауреатом Сталинской премии. Премияльные Федос быстро пропил с нами там же – на кладбище.

Всю свою сознательную жизнь я живу на Можайке. Наш дом – первый, построенный заводом, на котором работал отец. Возвышался он аки штык над деревянными постройками. А вселились мы сюда, в этот дом, накануне отлета отца в экспедицию. Отец погиб, возвращаясь из Арктики. Самолет, вылетая из Архангельска, грубо задел шасси о дамбу и... Отец вытолкнул с борта почти всю экспедицию. Спаслись сам не успел. 18 мая была годовщина его гибели. Семьдесят лет. Я его совсем не помню. Впервые увидел «живого»,двигающегося отца, когда мне показали выпуск киножурнала «Новости дня» из архива Госфильмофонда, в котором он улетал в Арктику. Нашли в архивах и пленку его торжественных похорон, с эскортом из конной милиции по пути с Красной площади на Новодевичье кладбище.

Две эти ленты не столько символизируют собою жизнь и смерть как таковые, сколько консервируют и комментируют некоторые аспекты бытия в определенное время и в определенных черно-белых условиях.

Необходимое мне, сыну героя, сверхличное добывалось путем устранения чрезмерной пафосности, ложной героизации тех лет. И тогда оставалась боль. В чистом виде. И маршрут у нее был один – к нам на Можайку.

У меня дома висит фотография, которую я снял в 1947 году. По прошествии многих лет могу сравнить нынешний вид из окна с тем, давнишним, – бараки зэчьи, перед бараками на пустыре картошка посаженная; на нашем огородном участке теперь конный Кутузов. А потом в эти бараки вселили пленных немцев, вскоре их расшвыряли по всему Подмоскovie и снова вернули зэков... Сегодня на месте бараков панорама Бородинской битвы раскинулась, парк и свезенный с разрушенного русского кладбища обелиск «Тремстам русским воинам, погибшим в Бородинском сражении».

Русское кладбище стали сносить первым, перед самой войной. Сносили с дальнего конца. На этом месте построили два дома. Во дворе третьего осталась стоять кладбищенская церковь. (По странному стечению обстоятельств первые бомбы, сброшенные на Москву в начале войны, угодили в эту церковь и – в синагогу еврейского кладбища.) А потом потихонечку стали сносить и еврейское, необходимость расширения и благоустройства коего считал в свое время насущно важной генерал-губернатор, давая следующее распоряжение: «Согласно составленного на сей предмет плана на их, евреев, счет, к чему со стороны строительного ведомства препятствий не встречается, а с уничтожением рва и вала и обнесением кладбища забором не потребуется прирезки земли». Он же, проявляя положенную по чину бдительность, предписывал «земской полиции иметь бдительный надзор, чтобы на сем кладбище не было складки товаров или других вещей и также действий и распоряжений, не относящихся до погребения умерших».

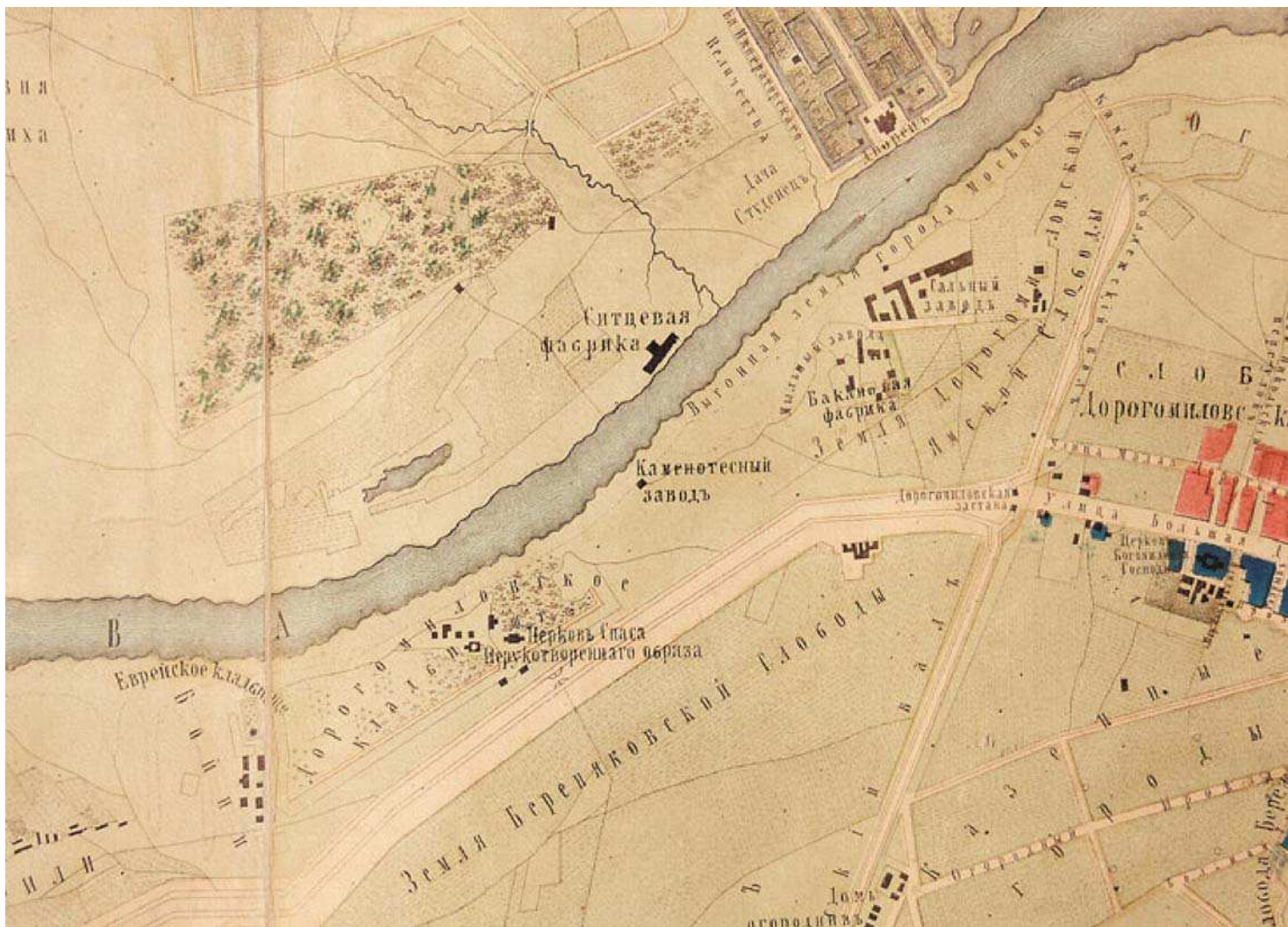
Вид из окна квартиры Б. Жутовского. 1947 год.

Первого еврея похоронили у Дорогомиловской заставы в 1788 году. В 1857-м московский обер-полицмейстер направляет генерал-губернатору Москвы донесение о поступившей к нему просьбе от еврейских купцов Кенигсберга, Веницианова и Цетлина:

«О дозволении исправить находящиеся на Еврейском кладбище за Дорогомиловской заставой пришедшую в ветхость сторожку, в которой обмываются по Еврейскому обычаю тела умерших евреев». В 1874 году кладбищенская комиссия при Московской думе, осмотрев еврейское кладбище, отметила перегруженность и рекомендовала расширить за счет смежной городской земли. В 1888 году думская комиссия вновь обсудила вопрос о необходимости расширить еврейское кладбище. И еврейское хозяйственное правление прикупило кусок окрестной земли.

Еврейское Дорогомиловское как бы представляло историю московской общины в памятниках и именах покойных. В 80-х годах девятнадцатого столетия кладбище было благоустроено, в начале центральной аллеи соорудили молитвенный дом. Вдоль центральной аллеи находились захоронения наиболее состоятельных и известных людей. Могилы бедных – в дальнем конце кладбища, на высоком берегу Москвы-реки. Стояли как традиционные еврейские надгробия, так и типовые мраморные памятники с эпитафиями на русском языке и иврите.

Парадоксально, но судьба еврейского кладбища была предрешена практически уже к концу 1920-х, когда зарегистрировали Общество благоустройства Еврейского московского кладбища. Несмотря на клятвенные обещания общества, с благоустройством не сложилось. В начале 1930-х годов захоронения были прекращены, ограды и надгробия снесены и разобраны населением. Как и в ситуации с православным кладбищем, о ликвидации еврейского было предварительно объявлено очень тихо. Еврейской общине выделили территорию вблизи поселка Востряково. Но что толку? Кладбищу более двухсот лет, какие родственники?.. Ну, может, у поздних захоронений и были родственники.

Фрагмент Генерального плана города Москвы 1862 года.

Могилу Левитана перенесли на Новодевичье: все же гордость русского искусства. А кто еще? Кого успели перенести? Раввина Якова Мазе и Лазаря Полякова, банкира, дворянина, тайного советника, умершего в Париже, похороненного на Дорогомиловском и перезахороненного на Востряковском. Еще? Революционера Николая Самуиловича Абельмана. Еще?.. Не знаю.

Каждую весну мы с мамой и отчимом ходили на это старое еврейское кладбище. «На пепельной скатерке кладбища / зачокаются чаши лип. / Шоссе по-пьяному ослабится, / улыбкой чашу пропив. // Застав шлагбаумы заламывая, / метя аллеюной листвою, – / к тебе, Москва моя, моя упрямая, / как вкрадчивое торжество» (Алик Ривин). Кладбище располагалось на «Высоком берегу», и мы ходили смотреть оттуда ледоход. И вот помню я, как мы идем по этому рушащемуся кладбищу и видим: зияет яма с углами гробов и черепом с черной косой в желтой весенней воде...

Гораздо позже, когда у меня родился внук, я брал его с собой пятилетнего на тот же самый «Высокий берег», на лыжах кататься. Однажды упал он и коленку ушиб, плачет. Я его утешаю, сейчас-де накажу этот камушек. Разгребаю снег, а на камне куфические письмена. Чье-то надгробие, «вступившее в единоборство с забвением»...

Бывший кинотеатр «Киев» и последний дом в правом углу перед железной дорогой – весь стоит на еврейских костях. «Высокий берег» разрыли, построили театр Петра Фоменко, небось, костей повыгребали и камней под откос поскидывали!..

Вот так и доживаю я тут, в театре жизни, бок о бок со Временем и Историей.

Реакция. Читаем «В представлении о Б-ге как о “Мировом разуме” в наши дни можно увидеть пережиток деизма... Пантеистическое представление о Б-ге как о “Природе” возрождается в пробудившемся интересе к индуизму...» Далее утверждается противоположность перечисленных подходов. Но это не так: Мировой Разум – не существо, сотворившее мир и отстранившееся от управления оным. Мировой Разум – результат развития Природы (в т. ч. Космоса). Это не Существо, создавшее самое себя, а потом «неорганику», «органику» вплоть до человеков – творцов им необходимого от материального до науки и религии. Постепенно (непрерывно и рывками), шаг за шагом, развивавшаяся Природа «завершилась» непрекратившимся развитием и ее элементов, и ее интеллекта. Это факт, в который я верю с детства и до сей поры.

А. Біелітэеэ,

Î i ñë

БЕДНЫЙ РОТШИЛЬД

Àðèãðèé Èàííàè:

Памяти моих земляков, расстрелянных в сорок первом в Йонаве

Все евреи местечка звали Ицика, сына банщика Авигдора, не по данному ему при рождении имени, а по его фамилии с неперемнной приставкой – Бедный Ротшильд. Даже с уст местечкового раввина Гилеля, который назубок знал, как величают каждого еврея, вверенного ему на попечение Г–сподом Б–гом, нет-нет да неволью слетало:

– Как поживаешь, Бедный Ротшильд?

– Слава Б–гу, живу, – без обиды, как будто так и положено, отвечал Ицик.

– То, что ты нашего Г–спода Б–га славишь, – это, голубчик, очень хорошо, честь и хвала тебе за это, но с такой знаменитой фамилией ты все-таки мог бы жить и получше.

– Кому, ребе, жить лучше, кому – хуже, решаем не мы с вами, а Он, – и Бедный Ротшильд буравил заскорузлым указательным пальцем равнодушные небеса.

– Нет, – возражал рабби Гилель. – Г–сподь Б–г – не казначей. Он не деньгами ведает и их между людьми не распределяет. Его заботит не наше имущество, а наша душа. Есть на свете бедняки, которые богаты и крепки духом, и есть богачи, у которых камзол весь лоснится от золотых украшений, а под этим золотом зияют только пустота и бездна. Пустое сердце хуже пустого кошелька.

Пока был жив старый банщик, рабби Гилель с его единственным сыном и наследником Ициком никакого дела не имел. Главным человеком в местечковой бане был не Бедный Ротшильд, а его отец Авигдор. К Авигдору рабби Гилель каждую пятницу после утренней молитвы ходил попариться, понежиться на горячей полке, хорошенько пропотеть, похлестать себя березовым веничком и напоследок для бодрости облиться из шайки студенной водой – благо тихоня-речка текла тут же, под косогором. Осторожно ступая по мокрому полу, он нагишом выскальзывал в предбанник, снимал с головы шелковый платок, заменявший на время мытья бархатную кипу, переодевался в чистое белье – в белую рубаху и такие же белоснежные кальсоны, в широкие полотняные штаны

и кургузый пиджак с крупными, как спелые вишни, пуговицами; обувал праздничные ботинки и, оставив на лавке плату, отправлялся домой освящать вино и хлеб и встречать царицу-субботу.

Когда у банщика Авигодора на старости стали трястись руки, а слова вдруг раскрошились на невнятные и разрозненные слоги, управление местечковым чистилищем перешло к Ицику, который успевал и за больным отцом присматривать, и воду из речки ведрами таскать, и печь топить, и веники вязать, и шайки чинить. Завсегдатаи бани диву давались: парень и ростом вышел, и лицом не дурен, умелец, каких мало, а до сих пор подходящую пару не подыскал, живет на отшибе бирюком. Возмущались и женщины: что, мол, за баня без банщицы, пора уж Бедному Ротшильдту жениться и наконец завести себе помощницу. Но тот вежливо и непреклонно выпроваживал из хаты всех сватов, покушавшихся на его свободу. Даже сватовство рабби Гилеля, который прочил ему свою племянницу Ривку, закончилось ничем.

– Получишь за нее хорошее приданое, – медленно и степенно облачаясь в предбаннике, искушал Бедного Ротшильда наставник всех заблудших и заблуждающихся.

– А зачем мне, ребе, приданое?

– Ты задаешь мне, голубчик, странные вопросы. Подумай сам: что крепче – любовь с приданным или без приданого?

– А зачем мне, скажите, пожалуйста, любовь?

Рабби Гилеля странности прихожан нисколько не удивляли. За время своего служения Г-споду Б-гу (а оно продолжалось уже почти полвека) он убедился в том, что евреев без странностей на свете не бывает – одни всю жизнь любят приданое больше, чем жену, другие – больше свою вторую половину, чем ее приданое, третьи, как и Всевышний, до гробовой доски предпочитают оставаться холостяками и женитьбу считают не Б-гоудным делом, а карой небесной.

– Если бы все думали, как ты, Ицик, мы бы давно вымерли. Кончился бы род Израилев. Разве тебе не хочется родить еще одного Ротшильда?

– Нет. Пусть, ребе, другие женихи банщиков мастерят, – отрезал Ицик.

– А может, ты смастеришь не бедного банщика, а какого-нибудь барона или лорда...

– Барона? А кто он такой этот барон, ребе?

– Ротшильд... Ты, видно, о таком никогда и не слышал.

– Не слышал... В местечке только два Ротшильда – я и мой отец.

– Это в нашем местечке столько Ротшильдов, – сказал рабби Гилель. – А я говорю о Ротшильдах, которые живут за границей, в Париже и в Лондоне. О них знает весь мир. Они, Ицик, не банщики и не раввины. Денег у этих Ротшильдов – хоть год сиди со счетами в руке, хоть два, все равно не сосчитаешь... От них зависят даже короли и министры.

Рабби Гилель улыбнулся, ласково погладил седую, клубящуюся святостью и белизной бороду и продолжал:

– С жизнью никакому фокуснику не сравниться. Она такие выкидывает коленца, что голова кругом идет. Может, говорю, ты и твой почтенный отец Авигдор не только однофамильцы этих самых богачей из Парижа и Лондона, а родственники? Только о своем родстве ни одна сторона и не догадывается. Ты – тут, в Литве, в нашем маленьком, как спичечный коробок, местечке, а они – во Франции и в Англии, в городах-великанах – Париже и Лондоне, которые в несколько раз больше всей Литвы с ее соседкой Латвией, вместе взятых.

Он снова погладил бороду и распушил ее, как будто раздвинул легкое перистое облако.

– Кроме моей тугоухой скаредной тетки Фейги нигде у нас нет ни близких, ни дальних родственников. Да и тетка по мужу, плотнику Ёйне, давно уже не Ротшильд, а Уманская.

– То же самое говорил когда-то балагола Вайнер. Нет, мол, у него на свете никаких родственников. И вдруг как гром с ясного неба – ты тогда еще под стол пешком ходил – к нему из Америки нагрянул двоюродный брат и – что ты думаешь? – перед самым отъездом домой в Нью-Йорк купил родичу прощальный подарок – новехонькую бричку и двух породистых рысаков.

– А зачем мне, ребе, рысаки и бричка? – истязал своего благодетеля вопросами Бедный Ротшильд.

– Человеку хотят добра, а он, как попугай, все время талдычит: зачем, зачем? Затем, чтобы ты не был до самого своего смертного часа банщиком... чтобы день-деньской не колол дрова для печки, не вязал веники и не таскал полные ведра с водой.

– Спасибо, ребе. Но кто-то же должен быть и простым банщиком. Как бы ни хотелось, например, воробью стать орлом, он им никогда не станет. Кто знает, может, воробушек уж только оттого счастлив, что летает себе от порога до порога, от одной крошки к другой и что-то с удовольствием поклевывает. Каждому человеку Г-сподь Б-г ниспослал свою кроху – одному побольше, другому – поменьше.

– А ты, воробушек, сам-то счастлив? – неожиданно спросил у парня рабби Гилель.

– А вы, ребе? Вы сами счастливы? – вместо ответа тем же блюдом, только на еврейский манер, угостил Бедный Ротшильд высокочтимого законоучителя.

– Я? – опешил старик. – Честно говоря, никогда над этим не задумывался.

– Почему?

– Почему? – смущенно повторил рабби Гилель. – Я всегда думал не о своем счастье, а о счастье других. Если другие будут счастливы, и я буду счастлив... Наверно...

– Так никогда не будет.

– Все евреи – родственники, – отшучивался Авигдор, в ту пору еще крепкий, не сломленный жестокой и неисцелимой хворью. – Хотя порой хороший сосед лучше родного брата.

– Это правда.

– Что касается богатых родственников, то у нас в роду их точно не было и никогда не будет.

– В жизни, реб Авигдор, нельзя заранее ни за что клятвенно ручаться. Поручишься сегодня, а назавтра, глядишь, все выходит наоборот. Ведь люди друг о друге ничего не знают – ни о своем соседе, ни о своей родне. С того дня, как мы вышли из Египта и попали в пустыню, мы действительно все стали родственниками. И если вы у меня спросите, что нас всех так породнило, то я вам сразу скажу: ожидание чуда. Каждый из нас ждет этого чуда и сейчас, только в других пустынях, – терпеливо, как учитель в школе, объяснял банщику добродушный, вечно улыбающийся Залман Амстердамский. – Но, как известно, все еврейские чудеса давным давно положены под хороший процент и хранятся не в Каунасе, не в Еврейском банке, а в небесном банке Г-спода Б-га, да святится имя Его во веки веков!

За аптечным прилавком Залман Амстердамский обычно почти рта не открывал, только коротко и ясно объяснял на идише или по-литовски, сколько на дно принимать капель, как делать клизму, как ставить горчичники или пиявки, но за пределами своего рая старался отыгаться за молчаливость и выпускал на волю накопившиеся слова, как выпускают из загона соскучившихся по воле овец.

– Как хорошенько подумаешь, – продолжал с улыбкой аптекарь, – ну что нашему Милосердному и Всемогущему Б-гу стоит вынуть из сейфа, оберегаемого ангелами-стражниками, одно маленькое чудо и вознаградить за труды праведные вас, Авигдор, и вашего Ицика хотя бы дальним родством с бароном Ротшильдом? А ведь даже дальнее родство с ними дороже всяких денег.

– Никуда Ицику не надо отправляться, – голосом картежника, которому подвалила козырная карта, возвестил Залман Амстердамский. – Мы отправим в Париж письмо.

– Письмо? В Париж?

– Сядем и напишем черным по белому. Только не вашему другу Моше-Янклу, а самому барону Ротшильду. Так, мол, и так. Живет вместе со смертельно больным отцом в таком-то и таком-то местечке в Литве замечательный парень... банщик. Впрочем, про то, что он банщик, писать не будем... Зачем им знать, чем он занимается? Главное, что он тоже Ротшильд.

– Письмо? В Париж? – рабби Гилель разгреб руками роскошную бороду, пытаясь легким прикосновением к ее белым струнам побороть свое искреннее недоумение.

– В Париж, в Париж. И без обиняков спросим у барона, нет ли у высокочтимого семейства Ротшильдов каких-нибудь родственников в далекой Литве...

– Письмо написать можно, – сказал рабби Гилель. – Но как оно туда дойдет, если мы не знаем, где эти Ротшильды живут – на какой улице, в каком доме?..

– Не беспокойтесь. Дойдет. Это наш почтальон не знает, где находится в местечке Цветочный переулок, а тамошние письмоносцы знают все назубок. Останови любого прохожего, спроси, где живет барон Ротшильд, и он тебе тут же ответит, – успокоил рабби Гилеля Залман Амстердамский.

– А дождемся ли ответа? Нам же с вами не семнадцать лет...

– Будем ждать. Ведь Мессию, ребе, ждут даже мертвые.

Может, рабби Гилель и Залман Амстердамский в самом деле сели бы где-нибудь в тихом месте и написали бы на гербовой бумаге письмо в Париж, но смерть Авигодора, отца Бедного Ротшильда, свела на нет все их благие намерения.

Ī ēīī :āī ēā īēāāōō

ЗАВИСТЬ, ИЛИ ИДИШ В АМЕРИКЕ

לְעִי וְלְעַיִרָא

Продолжение. Начало в № 8, 2008

Эдельштейн, предавшийся гневным размышлениям, не уловил, чем кончился рассказ. Но конец был жестокий, и Сатана опять захватил власть: он убил надежду одним из типичных островерских афоризмов, тугим, набрякшим, как фаллос, и все равно бесплодным. Кругом волнами взмывал наводящий ужас хохот, он несся на Эдельштейна, намереваясь разбить его в щепки. Хохот в честь Островера. Шуточки, шуточки – им всем нужны только шуточки!

– Баумцвейг, – сказал он и, наклонившись к нему, прижался к воротнику Пола (ниже которого располагались ее пухлые груди), – он это назло делает, видишь?

Но Баумцвейг отдался хохоту. Как только рот не разорвал.

– Сукин сын! – воскликнул он.

– Сукин сын, – задумчиво повторил Эдельштейн.

– Он подразумевал тебя, – сказал Баумцвейг.

– Меня?

– Это аллегория. Смотри, как все сходится...

– Если уж пишешь письма, то хоть не посылай их, – рассудительно сказала Пола. – Ему сообщили, что ты ищешь переводчика.

– Муза ему ни к чему, ему нужна мишень. Разумеется, ему сообщили, – сказал Баумцвейг. – Эта ведьма сама и рассказала.

– Почему я? – сказал Эдельштейн. – Это мог быть и ты.

– Я не завистливый, – возразил Баумцвейг. – А у него есть то, чего хочешь ты. – И махнул рукой на зал – выглядел он неприметно, как птичка-невеличка.

– Вы оба этого хотите, – сказала Пола.

И тут началось то, чего хотели оба – почитание.

В. Мистер Островер, как бы вы определили символический смысл этого рассказа?

О. Символический смысл таков – что тебе нужно, то и заслужишь. Если тебе не нужно, чтобы тебя стукнули по голове, этого и не будет.

В. Сэр, на занятиях по английскому я получил задание написать работу по вашим рассказам. Не могли бы вы сказать, верите ли вы в ад?

О. С тех пор, как разбогател, нет.

В. А как же Б-г? Вы верите в Б-га?

О. Ровно так же, как я верю в воспаление легких. Если оно у вас есть, то есть. Если нет, то нет.

В. Ваша жена действительно графиня? Некоторые утверждают, что на самом деле она обычная еврейка.

О. В религии она трансвестит, и на самом деле она граф.

В. Существует ли на самом деле цврлский язык?

О. Вы на нем сейчас говорите. Это язык дураков.

В. Что бы с вами было, если бы вас не перевели на английский?

О. Тогда меня читали бы пигмеи и эскимосы. Сейчас быть Островером – значит быть проектом мирового значения.

В. Тогда почему вы не пишете о таких вещах мирового значения, как, например, войны?

О. Потому что боюсь громких звуков.

В. Что вы думаете о будущем идиша?

О. Что вы думаете о будущем добермана-пинчера?

В. Говорят, другие идишисты вам завидуют.

О. Нет, это я им завидую. Я люблю тихую жизнь.

В. Вы держите субботу?

О. Разумеется. Вы разве не заметили, что она исчезла? Это я ее у себя держу.

В. А правила питания? Их вы придерживаетесь?

О. Я должен это делать – из-за нравов нашего мира. Я был безутешен, узнав, что устрица, попав в мой желудок, становится антисемитом. А порция креветок однажды устроила в моих кишках погром.

Шуточки, шуточки! Так продолжалось еще с час. Примета славы, «Час вопросов»: человек может до бесконечности стоять и бросаться поверхностными софизмами, и все будут им восхищаться. Эдельштейн сложил пронзительно взвизгнувший стул и проскользнул по проходу к дверям, в вестибюль. На скамейке полудремал лексикограф. Обычно он его избегал – лексикограф был человек с прошлым, а всякое прошлое нагоняет скуку, но, увидев, что Воровский приоткрыл морщинистые веки, подошел к нему.

– Что новенького, Хаим?

– Ничего. Печень замучила. А у тебя?

– Жизнь замучила. Я видел тебя в зале.

– Я ушел. Ненавижу молодежь.

– Сам-то молод не был?

– Я был другой. Никогда не смеялся. Ты только представь, я в двенадцать лет уже освоил дифференциальное исчисление. Практически заново разработал его принципы. Ты, Гершеле, Витгенштейна^[1] не читал, Гейзенберга^[2] не читал, что ты можешь знать об империи вселенной?

Эдельштейн решил его отвлечь.

– Это он твой перевод читал?

– Похож на мой?

– Я так решил.

– Мой и не мой. Мой, улучшенный. Если спросишь ту уродину, она скажет, что ее, улучшенный. Кто на самом деле переводчик Островера? Скажи, Гершеле, может, ты? Этого никто не знает. Как говорится, многими руками, и все они обожглись в котле у Островера. Я бы с удовольствием навалил на твоего друга Островера хорошую кучу дерьма.

– Прославиться я не хочу.

– Тогда о чем речь?

– Я хочу... – Эдельштейн осекся. Чего же он хочет? – Я хочу достичь.

Воровский не стал смеяться.

– Я учился в Берлинском университете. Из Вильно приехал в Берлин, это было в 1924–м. Достиг я Берлина? Я всю жизнь положил, чтобы собрать историю человеческого ума – то есть историю, выраженную в математике. В математике возможна только конечная, единственная поэзия. Достиг я империи вселенной? Гершеле, если бы я взялся рассказать тебе про то, как что достигается, я бы сказал одно: достичь ничего нельзя. Почему? Да потому, что как только добираться до места, понимаешь, что это не то, чего ты хотел достичь. Знаешь, на что годится двуязычный немецко-английский математический словарь?

Эдельштейн положил руки на колени. Тускло мерцали костяшки пальцев. Белые черепа в ряд.

– На туалетную бумагу, – сказал Воровский. – А знаешь, на что годятся стихи? На то же самое. И не называй меня циником, это – не цинизм.

– Быть может, отчаяние, – подсказал Эдельштейн.

– В задницу твое отчаяние! Я счастливый человек. И кое-что знаю про смех. – Он вскочил: рядом с сидящим Эдельштейном он казался исполином. Кулаки серые, ногти ну прямо костяные. Из зала повалила толпа. – Я тебе еще вот что скажу. Перевод – это не уравнение. Будешь искать уравнение – до смерти не сыщешь. Уравнений нет, их не бывает. Это все равно что искать двухголового зверя, понял? В последний раз я видел уравнение, когда глядел на собственную фотографию. Я заглянул в свои глаза, и что я там увидел? Увидел Б-га в облики убийцы. Знаешь, что тебе надо сделать – попридержать язык. А вон и моя племянница – хвостиком бежит за Островером. Эй, Янкл! – прогрохотал он.

Великий человек не услышал. Плечи, руки, головы накрыли его как рыбацкая сеть. Баумцвейг с Полой выгребали из людского водоворота, вырвавшегося в вестибюль. Эдельштейн увидел двух малорослых людей, пожилых, полных, чересчур тепло одетых. Он спрятался, хотел потеряться. Пусть уходят, пусть уходят...

Но Пола его углядела.

– Что случилось? Мы думали, тебе стало плохо.

– Там было слишком жарко.

– Пойдем к нам, мы тебя спать уложим. Что тебе одному дома делать?

– Нет, спасибо. Вы только поглядите, он автографы раздает.

– Гершеле, зависть тебя подточит.

– Никому я не завидую! – завопил Эдельштейн; на него стали оборачиваться. – Где Баумцвейг?

– Жмет руку свинье. Редактор должен держать связь с авторами.

– А поэт – держать блевотину при себе.

Пола пристально на него посмотрела. Ее подбородок утонул в мехе скунса.

– С чего тебе блевать, Гершеле? У чистых душ нет желудков, одна эктоплазма. Может, Островер и прав, у тебя многовато амбиций для твоих габаритов. А если бы твой дорогой друг Баумцвейг тебя не опубликовал? Ты бы имени собственного не знал. Мой муж тебе об этом не говорит, он человек добрый, а я правды не боюсь. Без него тебя бы не существовало.

– Это с ним меня не существует, – сказал Эдельштейн. – Что есть существование?

– Я – не «Час вопросов», – сказала Пола.

– Это ничего, – ответил Эдельштейн, – потому что я – «Час ответов». Час ответов настал. Твоему мужу конец, его час настал. И мне конец, мой час тоже настал. Мы уже мертвы. Все, кто пишет на идише, чтобы остаться в живых, мертвы. Человек это либо понимает, либо не понимает. Я из тех, кто понимает.

– Я ему все время твержу, чтобы он с тобой не возился. А ты приходишь и торчишь у нас.

– Ваш дом – удавка, мой – газовая камера, какая разница?

– Больше не приходи, ты никому не нужен.

– Я ровно того же мнения. Все мы лишние на этой земле.

– Ты мерзавец.

– А твой муж – проныра, и ты ему под стать.

– Сам ты стукач и черт!

– Щенков нарожала! (Пола такая хорошая женщина, и все, конец, он ее больше не увидит!)

Он, глотая слезы, побрел прочь, натываясь плечами на чужие плечи, ослепший от горя. И им овладело непреодолимое желание.

Эдельштейн. Хаим, научи, как стать пьяницей!

Воровский. Для начала надо сойти с ума.

Эдельштейн. Научи, как сойти с ума!

Воровский. Для начала надо потерпеть неудачу.

Эдельштейн. Я уже потерпел, я выучился терпеть неудачи, я мастер по неудачам!

Воровский. Пойди и подучись еще.

Одна стена была зеркальной. Он увидел плачущего старика, который натягивал на себя шарф, полосатый как молитвенное покрывало. Он стоял и смотрел на себя. Жалел, что родился евреем. Обрывки старых стихов шибали в нос, он чувал час их создания, жена в кровати рядом, спит, после того, как он натер ее мазью – возмещая излитую на нее злобу. Небо усеяно звездами Давида... Если все – это что-то другое, значит, и я другой... Я вещь или птица? Мой путь раздваивается, хоть я один? Повернет ли Г-сподь историю вспясть? Кто даст мне заново начать...

Островер. Гершеле, признаю, я тебя оскорбил, но кто об этом узнает? Это всего лишь выдуманная история, игра.

Эдельштейн. Литература – не игра! Литература – это не рассказыки!

Островер. А что же это, Тора? Ты вопишь, как еврей, Эдельштейн. Тише, не то тебя услышат.

Эдельштейн. А вы, господин Элегантность, вы что, не еврей?

Островер. Вовсе нет. Я – один из них. И ты искусился, Гершеле, да? Шекспир – далеко не тень, Пушкин – не ничтожество, ведь нет?

Эдельштейн. Перестав быть евреем, автоматически Шекспиром не станешь.

Островер. Ого! Много ты знаешь. Я ознакомлю тебя с кое-какими фактами, Гершеле, потому что чувствую, мы с тобой – братья, я чувствую, как ты хочешь проникнуть в суть мира. Так вот, ты слыхал про некоего Велвла Шиккерпарева? Никогда. Идишский писака сочиняет романтические истории для идишского театра в Ист-Энде, это в Англии, в Лондоне. Он находит переводчика и в одну ночь становится Вилли Шекспиром...

Эдельштейн. Шутки в сторону! Ты советуешь так поступить?

Островер. Я бы родному отцу то же самое посоветовал. Сдавайся, Гершеле, хватит верить в идише.

Эдельштейн. Да я в него и не верю!

Островер. Верись. Вижу, что верись. С тобой бесполезно разговаривать, ты все равно уперся. Скажи, Эдельштейн, на каком языке будет разговаривать в грядущем мире Моисей?

Эдельштейн. Я это с детства знаю. По субботам на иврите, по будням – ни идише.

Островер. Заблудшая душа, не превращай идиш в язык субботы. Если ты верись в святость, ты конченный человек. Святость – это понарошку.

Эдельштейн. Я тоже хочу стать неевреем – как ты!

Островер. Я – нееврей понарошку. Это значит, что я для их удовольствия играю в то, что я еврей. Когда я был мальчишкой, у нас в местечке на ярмарке показывали пляшущего медведя, и все говорили: «Ну, человек и человек!» Говорили, потому что знали, что это медведь, хоть он и стоял на задних лапах и танцевал вальс. Но все равно это был медведь.

И тут к нему подошел Баумцвейг.

– И характер же у Пола. Гершеле, ты не обращай внимания, пойди лучше поздоровайся со знаменитостью, что ты теряешь?

Он послушно подошел, пожал руку Островеру, даже похвалил рассказ. Островер был вежлив, облизнул губу, выпустил из ручки каплю чернил и продолжил подписывать книги. Воровский скромно жался с краешка окружившей Островера толпы: голову задрал, а взгляд был робкий, он подталкивал под локоток девушку, но та мечтательно рассматривала открытую страницу, на которой оставил свое имя Островер. Эдельштейн, разглядев буквы, поразился: у нее был сборник на идише.

– Прошу прощения, – сказал он.

– Это моя племянница, – сообщил Воровский.

– Вижу, вы читаете на идише, – обратился к ней Эдельштейн. – Для вашего поколения это чудо.

– Ханна, перед тобой – Г. Эдельштейн, поэт.

– Эдельштейн?

– Да.

И она прочитала наизусть:

– «Маленькие дяди и отцы, с бородами, в очках, кудрявые...»

Эдельштейн закрыл глаза и снова прослезился.

– Неужели это тот самый Эдельштейн?

– Тот самый, – прохрипел он.

– Мой дедушка это все время цитировал. У нас была книга – «А велт он винт». Только этого быть не может.

– Быть не может?

– Что вы еще живы.

– Вы правы, правы, – ответил убитый Эдельштейн. – Мы все здесь призраки.

– Мой дедушка умер.

– Простите его.

– Он вас все время читал! Но он был старый человек, умер много лет назад, а вы все еще живы...

– Ну, извините, – сказал Эдельштейн. – Может, я тогда еще был молод, я рано начал.

– Почему вы говорите – призраки? Островер не призрак.

– Нет-нет, – согласился он. Боялся обидеть. – Слушайте, я вам дочитаю до конца. Обещаю, это займет всего минуту. Слушайте, может, вспомните, как дедушка....

Вокруг него, позади – Островер, Воровский, Баумцвейг, раздушенные дамы, студенты, молодежь, молодежь; он поскреб лицо – его покрыла испарина – и начал читать, стоял жалким кустиком посреди пустого поля:

Êâé âî âîëâçàòá èç çâì èè, î ðîî è òâî î î é

î è ùâ ò î é!

Â äëè î î ù ò î äëü ò î, ñ î äëü ò â î è,

éâ ò â ð ù è î è â î ñ è, ò ò ñ è è ù î è äëâ çâ î è.

Êâé î î á ñ ñ ð è ò ù ñ â â î è, î äëâ î ù è á

î ò ö ù?

Ñ â â î è, è ò î î â î ÿ á â ð - á â ð

Á â ð è â è. Ê â î â ò ñ è ó â î äëâ çâ î ò î î ð ÿ è î á

Êâé ÿ çâ è â ò è è ñ ÿ á î á ç î ä è î î ò ð ò ò ð î á ò?

Çàààðè ò á ì áíÿ ñ ñáíé, èñò ì ðèÿ ì áíÿ

âîééí óä

Âû ì ðèí ááéáæè ò á Áí äéó ñ áðè,

В - âî.

Âáíéè á äáí ò äñ, äûì,

Âáé ò áÿ ðóí ó á âàøè ì íæèù,

Âàøèì áóóóùèì ÿ áú ò ù í á æ ä ä ð.

Он булькал, сопел, кхекал, кашлял, слезы попали не в то горло – пока он, поперхиваясь каждым выкрикнутым словом, заглатывал эту племянницу, эту Ханну со всем вместе, с сапожками, с жесткой пышной шевелюрой, с еврейского покроя лбом, глазами-щелочками...

За околицей течет речка,

Цапли ныряют в свое отражение,

Когда ее переходят вброд, насвистывая,

как гои.

Цапли висят гамаками над теплой

летней водой.

Их черепа полны секретов, их перья

благоухают.

Деревушка так мала – ее запахи

уместятся в одной ноздре,

Крыши поблескивают дегтем,

Солнце лижет их коровьим языком,

Никто не знает, что грядет.

Как теснятся на темном дне леса грибы.

Пола сказала ему на ухо:

– Гершеле, ты уж меня прости, пойдём к нам, ну пожалуйста, ну, прости.

Эдельштейн отпихнул её – он хотел закончить.

– Малая малость! – воскликнул он, –

Я обращаюсь к тебе.

Наша кучка так мала,

И наши лачуги, и мозолистые руки дедов –

малая малость.

И слова наши малы,

Колыбельная,

Спетая на краю твоей могилы, – кричал он.

Баумцвейг сказал:

– Это из старого, твое лучшее.

– Лучшее – ещё не дописанное, то, что у меня на столе, – завопил Эдельштейн – крик над его головой ещё не стих; но он уже обмяк, успокоился, угомонился; терпение он имел.

Островер сказал:

– Вот это в окно швырять не стоит.

Воровский захохотал.

– Это стихи мертвого человека, теперь вам это известно, – сказал Эдельштейн, оглядываясь кругом, и все тянул, тянул концы своего покрывала; это тоже рассмешило Воровского.

– Ханна, вы уж лучше отведите дядю Хаима домой, – сказал Островер, импозантный, весь в белом, признанный гений, всеобщая гордость.

Эдельштейн почувствовал, что его обманули, он не успел как следует разглядеть девушку.

Он спал в комнате сыновей, с двухъярусной кроватью. Верхняя койка служила Поле складом. Он ворочался с боку на бок на нижней, то задремывал, то резко просыпался, то снова дремал. И постоянно мучила отрыжка с тошнотворным привкусом какао, которым его в знак примирения напоила Пола. Между ними и Баумцвейгами идет тихая битва: не будь его, кого они будут опекать? Они моралисты – им необходимо чувствовать себя виноватыми перед кем-то. Опять отрыжка. Он оторвался от чудесного, но невинного сна – он, юный, целовал щеки Алексея – пушистые спелые персики, он

отпрянул... это был не Алексей, а девушка, племянница Воровского. После поцелуя она медленно вырывала листы книги, снегопад листов – черные закорючки букв, белые просветы полей. Через коридор добрался храп Пола. Он вылез из кровати и нащупал лампу. Она осветила дряхлый стол, заставленный покосившимися моделями самолетов. С обтянутыми каучуком пропеллерами, с бумажными фюзеляжами, наклеенными на каркасы из пробкового дерева. Коробка с «Монополией» под пыльным ковром пыли. Рука нашарила два старых конверта, один уже порыжел, он, не раздумывая, вытащил письма и прочитал их.

Сегодня у нас было сразу два праздника – день лагеря и день Сакко и Ванцетти. Нам велели надеть белые рубашки с белыми шортами, и мы пошли в казино, слушать, как хавер Розенблум рассказывает про Сакко и Ванцетти. Это два итальянца, которых убили за то, что они любили бедняков. Хавер Розенблум плакал, и Мики тоже, а я – нет. Мики забывает подтираться после уборной, но я его заставляю.

Пола и Бен, большое спасибо за вязаный костюмчик и погремушку-клоуна. Коробка немного помялась, но погремушка уцелела. Стиви будет очень к лицу этот чудесный костюмчик – когда он до него дорастет. Ему уже понравилась уточка на воротнике. Ему в нем будет тепло и удобно. Джош в последнее время очень много работает – готовит курс по американскому роману – и просит меня передать, что напишет, как только будет посвободнее. Привет от всех нас, а от Стиви поцелуй дедушке и бабушке. P. S. На прошлой неделе приезжал Мики в розовом «мерседесе». Мы с ним долго разговаривали, уговаривали обзавестись семьей.

Герои, мученичество, ребенок. От ненависти ко всему этому у него задрожали веки. Обывательщина. Все по заведенному порядку. Чего человек ни коснется, все становится таким же пошлым, как он сам. Животные природы не загрязняют. Все уродует один лишь человек, антибожество. Он ненавидит все эти церемонии, погремушки, какашки, поцелуи. Их дети – для чего они? Подтирать зад одному поколению, чтобы то подтирало зад следующему – вот во что укладывается суть цивилизации. Он сдвинул в сторону модели, расчистил край стола, нашел свою ручку и написал:

Уважаемая племянница Воровского!

Мне очень странно, что я стал искоренителем, я, кто был рожден быть человеком и исполнен любви к роду человеческому.

Но от собственного шаткого английского, которым он стремился овладеть со страхом, страстью, смущением, замешательством, его затошнило. И он начал заново, на своем языке:

Незнакомая мне Ханна!

Я человек, который пишет Вам из дома другого человека. Мы с ним тайные враги, поэтому под его крышей мне трудно писать правду. Но клянусь Вам, эти слова идут от самого сердца. Я ни помню ни Вашего лица, ни фигуры. Смутно помню раздраженный голос. Вы для меня – абстракция. Интересно, как древние воплощали свое представление о будущем – была ли у них, скажем, какая-нибудь богиня Футура? Полагаю, что она должна была быть слепа – как богиня Правосудия. Это письмо адресовано воплощению Будущего. Когда пишешь будущему, ответа не ждешь. Будущее – оракул, чьего голоса нельзя ждать, бездействуя. Чтобы быть, надо действовать. Я хоть и нигилист, не по выбору, а по убеждениям, однако признаю, что не готов отринуть спасение. Я часто презирал себя за то, что выжил в лагерях смерти – выжил, попивая чай в Нью-Йорке, – но когда сегодня я услышал произнесенные Вашими устами свои старые строки, меня снова прельстила тяга к спасению. Звук мертвого языка на языке живой девушки! По Б-жьей хитрости мы устроены так, что дитя идет за дитем, но наверняка и мы можем подстроить Б-гу какую-нибудь хитрость. Если мы нашими словами создадим бессмертную субстанцию, которая с хребтов старых перетекает на плечи молодых, ее даже Б-г не сможет презреть. Если бы сонмы молитв, возносящихся из общих могил, могли как-то выжить! Если не сами сетования, то хотя бы язык, в который они облакались. Ханна, юность сама по себе ничто, коли не сдержит обещания повзростеть. Взрослейте в идише, Ханна, и доставьте с собой в будущее отцов и дедов. Сделайте это. Вы, быть может, одна из десятка тысяч родились с даром идиша на устах, с алфавитом идиша в ладонях, не обращайтесь это в прах! Совсем недавно двенадцать миллионов человек – не считая детей – жили с этим языком, а что осталось? Язык, у которого не было собственной территории – кроме разве что еврейских ртов, а половина еврейских ртов в этом мире забита немецкими червями. Остальные бормочут на русском, английском, испанском, Б-г знает каком. Полвека назад моя мать жила в России и по-русски изъяснялась кое-как, но ее идиш был глаже шелка. В Израиле язык Соломона доверили механикам. Возрадитесь – на чем еще говорили механики во времена Соломона? Однако всякий, кто забывает идиш, потворствует историческому беспамятству. Скорбите – забвение уже пришло. Тысяча лет упорного труда забыты. Разве что встретится где словечко из анекдота. Я призываю вас избрать идиш! Идиш! Выберите смерть или смерть. То есть смерть через забвение или смерть через перевод. Кто вас спасет? Какое искупление вернет вас к жизни? У вас, иссохших и поблекших, осталась одна надежда – быть переведенными в Америке. Ханна, Вашим устам хватит силы донести будущее...

Но он понимал, что лжет, лжет, лжет. Искреннего намерения недостаточно. Риторика с декламацией. Речь. Лекция. Непристойным – вот каким он казался сам себе. Какое отношение имеют умершие евреи к его невзгодам? Его стенания – это эго и еще раз эго. Варено его изготовления, мерзкое. Кто оплакивает мертвых, тот оплакивает себя. Он хотел, чтобы его стихи читали, но никто его стихов читать не мог. Припутывать сюда историю – мерзость и спекуляция. Все равно что немой обвинял бы уши, что не могут его слышать.

Он перевернул листок и написал:

Эдельштейн ушел и пошел по коридору на звук храпа Полы. Если без насмешки, то довольно приятное журчание. Птицы. А с виду – и коровы: взгляду предстали колдобины и рытвины супружеского ложа, на котором – старик со старухой. Он удивился, что в такую холодную ночь они спят под одним истертым до нитки

ситцевым одеялом. Они лежали как два царства летом. Давным-давно бились в войнах, а нынче выдохлись и заключили перемирие. Баумцвейг весь в волосах. Даже на ногах волосы седые. По обеим сторонам кровати тумбочки с кипами бумаг, книг, журналов, абажуры ламп торчат, как статуи на носу корабля, – спальня была вторым кабинетом Баумцвейга. На полу груды старых журналов. На туалетном столике пишущая машинка, которую обступили Полины флаконы с туалетной водой и пудреницы. К их аромату примешивается запах мочи. Эдельштейн рассматривал спящих. Те словно уменьшились, щеки подрагивали – каждый вздох был неглубокий – требовалось дышать чаще и чаще; он смотрел, как они подтягивают колени, как шевелят пальцами, смотрел на синие жилы у Полы на шее. Ее ночная рубашка распахнулась, и он видел, что ее груди свесились на бок, все еще полные, но похожие на обвисшие, изъеденные молью мешки. Баумцвейг спал без штанов: видны были расковырянные болячки на бедрах.

Он сунул «ЭДЕЛЬШТЕЙН УШЕЛ» между их головами. И тут же убрал: с другой стороны было настоящее послание, про тайных врагов. Он сложил листок, сунул в карман пальто, надел ботинки. Трусливо. Жалость к все еще дышащей падали. Всякая жалость есть жалость к самому себе. Гете на смертном одре: больше света!

На улице он почувствовал, что освободился. Путешественник. Снег еще шел, но уже не такой густой, синий – цвета ночи. Перед ним возникла снежная завеса, закрутила его. Он ступил в сугроб – вздымавшуюся кверху роскошную синеватую груды. Волной ледяной крови окатила ноги сырость. Под ровно вздымающимся склоном нащупал камень – ступень крыльца. Вспомнил старый дом, холм снега за зданием школы, дымящую печку, отца, раскачивающегося у самого пламени и поющего, огромную глупую утку, скользкую по льду. У матери шея тоже была в жилах, от нее шел тайный, сладкий, упоительный запах. Он горько пожалел о том, что не надел галоши – вдовцу никто не напомнит. Ботинки были адски холодные, пальцы ног заоченели намертво. На улице – он один живой, даже кошки нет. Завеса снова налетела, закрутила, ударила по зрачкам. У тротуара пригнулись под грудями снега машины – черепахами с синими панцирями. На дороге ничто не шелохнется. Его дом был далеко, дом Воровского ближе, но таблички с названием улицы было не разглядеть. Здание с навесом. Шапка Воровского. Он представил себя очень маленьким – как мышка, зарылся в мех. Быть очень-очень маленьким и жить в шапке. Зверек в норке. Внутри тепло, рядом – горочка семян, вылизывать себя дочиста, а снаружи – то снег, то дождь. Свалились с носа очки и с тихим подозрительным звяканьем ударились о крышку мусорного бака. Он снял перчатку, попытался нашарить их в снегу. Найдя, удивился, как жжет руку оправа. А если в такую ночь похороны, как копать землю? Он надел скользкие как сосульки очки. Хрустальное видение ему понравилось, но он не видел прохода к нему и навеса не разглядел. От Воровского ему была нужна Ханна.

Лифта не было, Воровский жил высоко – на самом верхнем этаже. Из его окна люди казались крохотными – закорючками далекого узора. Но здание оказалось не то, другое. Он спустился по трем ступеням искусственного мрамора и увидел дверь. Она была открыта, за ней виднелась большая темная комната, заставленная детскими колясками и трехколесными велосипедами. Запах мокрого металла пронзил до боли: жизнь! Перец рассказывает, как ненастным вечером еврей смотрит в окно лачуги и завидует крестьянам, которые пьют водку, – молодые, сидят среди друзей, в тепле, у огня. Коляски и велосипеды – орудия диаспоры. Баумцвейг с его болячками тоже был когда-то ребенком. В диаспоре рождение еврея не увеличивает народонаселения, смерть еврея не несет смысла. Все анонимно. Умрешь в числе мучеников – хотя бы получишь сочувствие, пропуск в историю, тебя отметят, совершишь кидуш а-Шем^[4]. На стене – телефон. Он снял запотевшие очки, вынул блокнот с телефоном, набрал номер.

– Островер?

– Кто говорит?

– Это Янкл Островер, писатель, или Пишер Островер, водопроводчик?

– Что вам надо?

– Дать показания, – взвыл Эдельштейн.

– Бросьте! Говорите скорее! Кто вы?

– Мессия.

– Кто говорит? Это ты, Мендл?

– Вот уж нет.

– Горохов?

– Эта заноза? Помилуйте. Доверьтесь мне.

– Да пропадите вы пропадом.

– Это так-то вы обращаетесь к своему Спасителю?

– Сейчас пять часов утра! Что вам надо? Сволочь! Псих! Холера! Чума! Отравитель! Душитель!

– Островер, думаешь, ты сохранишься дольше своего савана? Твои фразы непотребны, твой стиль неуклюж, сводник и то изъясняется изящнее...

– Ангел смерти!

Он набрал номер Воровского, но никто не подошел.

Снег стал белее глазного белка. Он побрел к дому Ханны, хоть и не знал, где она живет, как ее фамилия, да видел ли он ее вообще. По дороге он репетировал, что скажет ей. Но этого было недостаточно – лекции-то он читать мог, а вот в лицо смотреть... Он мучительно пытался вспомнить ее лицо. Он стремился к ней, она была его целью. Зачем? Чего ищет человек, что ему нужно? Что человек может возратить? Может ли будущее возратить прошлое? А если может, то как его восстановить? У него хлюпало в ботинках. Как будто шел по луже. Цапли, красноногие цапли по весне. В глазах тайна: глаза птиц пугают. Слишком широко открыты. Загадка открытости. Под ступнями текли ручьи. Холод, холод.

Nò àdè-íé çàì ádçèé,

Èäè, çàì ðíáí è íà í'èèò ó

Òáíŷ æáí à äàñò ò ááá èí ðí-éó ñ äàðáí úúí .

Ní àñéáí, í óçà, çà ýò íò í àéáí úééé í ñééí í

Он снова отрыгнул. С желудком что-то не то. Несварение? Или сердечный приступ? Он пошевелил пальцами левой руки: они хоть и окоченели, но покалывание он ощутил. Сердце? А может, просто язва? Или рак, как у Миреле? Ворочаясь на узкой постели, он тосковал по жене. Сколько ему еще жить? Забытая могила. Кто вспомнит, что он жил? Наследников у него нет, внуки только в воображении. О, нерожденный внук мой... Избитые слова. Безданный призрак... Слишком барочно. Простота, чистота, правдивость.

Он написал:

Дорогая Ханна!

Вы не произвели на меня никакого впечатления. Когда я писал Вам у Баумцвейга, я лгал. Видел Вас пару минут в общественном месте, и что с того? У Вас в руках была книжка на идише. Юное личико поверх книжки на идише. Ничего больше. По мне, тут распинаться нечего. Блевотина Островера! – популяризатор, выскочка, угождает народу, который утратил свою историческую память. Да он в тыщу раз хуже самого грязного сводника. Ваш дядя Хаим сказал про вас: «Она пишет». Да что он

понимает? Пишет! Пишет! Кот в мешке! Еще одна! Что Вы пишете? Когда Вы будете писать? Как будете писать? Вы либо станете редакторшей «Советов домохозяйке», либо, если говорить серьезно, вступите в банду так называемых еврейских писателей. Я этого нанюхался, отлично знаю, чем кто пахнет. Называют себя сатириками. Ковыряются у себя в промежности. Да что они знают, я о знании говорю? Чтобы высмеивать, надо что-то знать. В так называемом романе так называемого еврейского писателя («экзистенциальный активист» – слушайте, что я не понимаю: я все читаю) – Элкин, Стэнли, возьмем одного для примера, – герой отправляется в Уильямсбург, пообщаться с «ребе-чудотворцем». Одно это словечко – ребе! Нет, слушайте, я сам – потомок Виленского гаона¹⁵, и для меня гутер йид¹⁶ – шарлатан, а его хасидим¹⁷ – жертвы, и неважно, добровольные или нет. Но суть не в этом. Нужно хоть ЧТО-ТО ЗНАТЬ! Хотя бы разницу между рав¹⁸ и ребе!¹⁹ Хоть пинтеле¹¹⁰ то тут, то там. Иначе в чем соль, в чем сатира, в чем насмешка? Родом из Америки! Невежда может издеваться только над собой. Еврейские писатели! Дикари! Дети самодовольных обывателей, одно знают – этих обывателей хаять! А их идиши! Словечко тут, словечко там. На одной странице шикса¹¹¹, на другой поц¹¹², вот и весь лексикон. А когда они пытаются передать звучание! Б-же милостивый! Их матери с отцами, если они у них были, едва успели из болота выползти! Судя по тому, как у них работают рты, их деды с бабушками были древесными белками. Могут десятью способами назвать, извините, пенис, а когда нужно подобрать слово для учения, они бессильны!

Восторг, восторг! Наконец-то он на правильном пути. Наступал день, по дороге молча трусил желтый слон. У него на бивне горела вечным огоньком лампочка. Он пропустил его, он стоял по колена в родной реке, и его переполнял восторг. Он написал:

Правда!

Но это огромное, густое слово, «Правда!», было слишком грубое, дубовое; погрузив палец в снег, он его вычеркнул.

Я хотел сказать: равнодушие. Я равнодушен к Вам и Вам подобным. Почему я должен считать, что вы – люди другого сорта, лучше? Потому что вы знаете обрывочек моего стихотворения? Ха! Я пал жертвой собственного тщеславия. Моя бедная жена, да покоится с миром, всегда за это надо мной подтрунивала. Как-то раз, в подземке, я увидел чудесного ребенка, мальчика лет двенадцати. Пуэрториканец, смугленький, а щеки – как гранаты. Когда-то, в Киеве, я знал похожего мальчика. Признаю. Образ стоит перед внутренним взором. Любовь мужчины к мальчику. Почему бы в этом не признаться? Разве наслаждаться красотой противно природе человека? «Чего и следует ожидать от бездетного мужчины» – таков был приговор моей жены. Этого я и хотел – сына. Примите это как окончательное объяснение: если обычный человек не может

Конец фразы сорвался, как лист, вылетел из головы... это сворачивало на ссору с Миреле. Кто ссорится с мертвыми? Он написал:

Уважаемый Алексей Иосифович!

Вы остаетесь. Остаетесь. Светом жизни. Ближе отчего дома, роднее материнских губ. В ореоле. Твой отец дал пощечину моему. Тебе об этом не рассказали. За то, что я поцеловал тебя на зеленой лестнице. На лестничной площадке, в темном уголке, где я однажды видел, как ваш слуга чесал у себя в итанах. Нас с позором выгнали. Отца и меня, вышвырнули в грязь.

Ī adānā nai āeēnētā Āādū Ī dīdētāē

^[1] Людвиг Витгенштейн (1889–1951) – австрийско-британский философ, разработал логическое и лингвистическое направление аналитической философии.

^[2] Вернер Гейзенберг (1901–1976) – немецкий физик, создатель квантовой механики.

^[3] Безумие (идиш).

^[4] Прославление Г-спода (иврит). Так называют мученическую смерть отказавшихся перейти в другую религию.

^[5] Виленский гаон – Элияу бен Шломо-Залман (1720– 1797) – выдающийся талмудист.

^[6] Букв. «хороший еврей», так называют хасидских ребе (идиш).

^[7] Хасиды (иврит).

^[8] Раввин (иврит).

^[9] Здесь: цадик (идиш).

^[10] Точка, пятно (идиш).

^[11] Нееврейка (идиш).

^[12] Здесь: кретин

НЕМОЙ МИНЬЯН

בְּיַד אֲבִיבֶּרֶק

Хаим Граде (1919, Вильна – 1982, Лос-Анджелес) – один из крупнейших еврейских писателей XX века. Языком его творчества был идиш. Он родился в семье учителя иврита Шломо-Мордехая Граде. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт в 1932 году. Был членом литературной группы «Юнг Вильне» («Молодая Вильна»). В 1941–1946 годах жил в СССР, откуда уехал в Польшу. В 1947 году эмигрировал во Францию, в 1948-м – в США.

Вильна – главный герой большинства произведений Хаима Граде. Его перу принадлежат несколько сборников стихотворений, циклов рассказов и романы «Ди агуне» («Безмужняя жена») и «Цемах Атлас». Книга прозы Хаима Граде «Дер штумер миньен» («Немой миньян»), ранее не переводившаяся на русский язык, представляет собой сборник рассказов, объединенных единством места и времени действия (Вильна конца 30-х годов прошлого века). Персонажи «Немого миньяна» попеременно становятся главными героями «своего» рассказа. Сквозным сюжетом книги является история столяра Элькума Папа, пытающегося возродить пришедшую в упадок синагогу. Именно эта сюжетная линия делает «Немой миньян» не обычным сборником рассказов, а неким «романом в рассказах».

Публикацией фрагментов из книги Хаима Граде «Немой миньян» открывается новая рубрика нашего журнала, которая будет знакомить читателей с литературными произведениями, созданными на идише. Она будет носить имя классика еврейской литературы, одновременно являющееся традиционным еврейским приветствием, – Шолом-Алейхем.

Даже постоянные обитатели и изучающие Тору завсегдаи Синагогального двора, а также состоятельные обыватели словно и не были знакомы с теми людскими типажам и образами, которые встречаются в «Немом миньяне»^[1], столь бедны и незначительны в жизни они были. Но я, воспитывавшийся среди них с детства, следил за ними и после того, как перестал принадлежать Синагогальному двору и окружавшим его переулкам. Отдалившись от них, я все же не отводил глаз от этих бедняков, пока они не исчезли в дыму войны, под руинами Литовского Иерусалима. Среди всех евреев, которые немо шли в Понары^[2], они были самыми немыми. И когда я после Катастрофы вернулся на руины Виленского гетто, кроме меня не осталось никого, кто бы помнил их и прочитал по ним поминальную молитву. Именно поэтому они требовали от меня посмертного собиранья душ^[3] в гораздо большей степени, чем другие ушедшие, которые все еще живут в чьей-то памяти и чьих-то книгах. Но я не стремился сделать этих нигде не упоминаемых, одиноких, никем не замеченных аскетов, изучавших Тору, и скрытых праведников «интереснее» с помощью захватывающего сюжета, который собрал бы и удерживал их всех вместе. Я соединил отдельные образы и истории их жизней меркнувшим светом сумерек, который падает равно на каждого из них, в то время как они сидят почти недвижимо на сером фоне своего двора и своей молельни.

Здесь уместно упомянуть группу друзей, которые помогли мне издать этот сборник рассказов и на протяжении долгих лет проявляли теплый интерес к моему творчеству. Их гостеприимные дома были моим домом во время поездок с лекциями из города в город и из страны в страну. Вот они, мои дорогие и добрые друзья, которым я так обязан, в алфавитном порядке:

Авром и Милка Берникер из Виндзора, Канада; Йосеф и Айда Берман из Монреаля и Майами; Шимон и Луси Дайч из Чикаго; Мордехай и Хайка Маркус из Каракаса, Венесуэла; Моше и Сара Фридман из Детройта; Яков и Рей Каган из Лос-Анджелеса.

Моя судьба еврейского писателя в Америке была бы тяжелее и горше, если бы не глубокое личное внимание ко мне упомянутых друзей и тех, кого я еще надеюсь упомянуть в других своих произведениях.

Но еще одного человека я обязан назвать по имени, потому что его больше нет в живых: моего дорогого и светлого друга Лейзера Шупакевича, руководившего сбором средств в пользу Еврейского агентства в Чикаго. Я относился к нему с глубочайшим уважением за его любовь к Торе, за его идеалистическую преданность Израилю, за его бескорыстную сердечную дружбу, не знавшую границ. И с тех пор как он так внезапно был отнят у своей семьи, у своего движения и у меня, мне не хватает его как части собственного тела, как части собственной жизни.

Львы и скрижали

Столяр Эльюкум Пап, еще будучи холостяком, мог оставить пилу торчать посреди надпиленной доски и уйти в молельню маляров рассматривать истории из Пятикнижия, нарисованные на стенах: как Ной выпускает белого голубя из ящика, как рушится Вавилонская башня и как учитель наш Моисей отсекает своим посохом море. Евреи в молельне всей душой уходили в тихую молитву восемнадцати благословений, стремясь к вершине святости, а столяр даже не слышал, что вокруг него молятся, и не отвечал «аминь». Он был поглощен рисунками на стенах. А когда потом он возвращался к работе и искал свой инструмент, хозяин столярной мастерской насмеялся над ним:

– Раззява! Ты думал, что мы будем тебя ждать? И какая только девушка захочет выйти за тебя замуж?

Такая девушка нашлась: Матля, продавщица из крупяной лавки, бледная сиротка, которая еще в девичестве покрывала голову, словно родилась замужней. На следующий день после свадьбы Матля уже выглядела озабоченной матерью нескольких птенчиков – а через три года действительно родила трех бледных девочек. Эльюкум Пап и его семья жили на улице Виленского гаона^[4] в полуподвале, куда надо было спускаться по ступенькам. Половину этого полуподвала занимала мастерская. Столяр хотел быть сам себе хозяином, чтобы ему не указывали, когда уходить, а когда приходить. Он все еще имел обыкновение бросать работу посередине и уходить блуждать по молельням, разглядывая резьбу по дереву. Он пропадал на целые дни и затягивал выполнение заказов.

Заказчик стоит в полуподвальной мастерской и разговаривает со столяршей, зашедшей сюда с другой половины полуподвала: белье всего семейства заказчика разбросано по комнатам, а его поломанный комод валяется здесь, у столяра. Заказчик поднимает с горы стружек наполовину вырезанную по заданной форме дубовую дощечку, осматривает ее в скупом свете, падающем из подвального окошка, и пожимает плечами:

разве это лев для священного ковчега? Это же морской котик с усами. Чтобы взрослый еврей занимался такими детскими игрушками... Матля смотрит на заказчика виноватыми глазами и вздыхает.

«Так что же делать, если он вбил себе в голову стать резчиком по дереву? Люди говорят, что я должна быть благодарна Тому, Чье Имя нельзя упомянуть, не умывшись. А муж-пьяница лучше? Картежник лучше? А если бы он вместо того, чтобы ходить по молельням, ходил бы к любовнице, было бы лучше?»

В то время как Матля утешает себя тем, что могло быть еще хуже, Эльокум Пап крутится по бейт мидрашу¹⁵¹ и большим столярным карандашом перерисовывает на бумагу украшения над священным ковчегом. Поздно вечером он приходит домой и сразу отправляется по коридору в мастерскую. Жена обнаруживает его в рабочем фартуке среди изогнутых ножичков, долот, пилок, наждачной бумаги. В руках он держит полуобработанный кусок дерева, измеряет что-то своими длинными жесткими пальцами и морщит лоб. Матля рассказывает ему, что этот еврей с комодом требовал свой заказ, а по поводу льва сказал, что он похож на морского котика. Позор, сказал он, чтобы взрослый еврей занимался такими детскими игрушками. Эльокум обиженно смотрит на жену и не отвечает. Ему самому не понравился этот лев. Именно поэтому он и пошел в бейт мидраш посмотреть, как его делать, чтобы он выглядел как надо. Ничего, думает он, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Он еще им всем покажет.

Матля спрашивает его уже со слезами в голосе, почему он даже не зашел в дом взглянуть на своих дочек. Он ведь отец. А есть ему не надо? Он сыт стружками, которые жует? Эльокум снова не отвечает, тогда жена не выдерживает и начинает кричать: когда вырезаешь деревянных зверей, нельзя прерываться, как во время молитвы? Он выкатывает на нее глаза и бормочет: «Угу», словно бы он действительно был посреди молитвы.

Но когда из куска дубового дерева потом получился готовый лев с гривой и четырьмя лапами, Матля тоже удивлялась: откуда это умеет ее муж? Ведь другие столяры считают его болваном и дразнят раззявой. Эльокум положил вырезанную из дерева фигурку в полотняный мешочек и отправился в бейт мидраш реб Исроэлки, что рядом с Виленкой. Обыватели стояли там в кружок и болтали между предвечерней и вечерней молитвами. Столяр вынул из мешочка свою работу и рассказал евреям, что он сделал ее для их бейт мидраша. Он как-то проходил мимо, его звали десятым в миньян, и он увидел, что над священным ковчегом здесь нет львов.

– Львов? Приходите сюда зимой, нет даже дров для отопления. Кому же придут в голову львы? – удивлялся служка.

Но другой еврей вмешался и сказал, что дрова тут ни при чем. Дрова – это одно, а украшения над священным ковчегом – совсем другое дело. А когда еврей приносит в подарок для бейт мидраша льва, надо взять и сказать спасибо.

– А кто мне заплатит за работу? – спросил столяр.

Увидев, что евреи смотрят на него с удивлением, Эльокум Пап поспешил их успокоить, что он ограничится десятью злотыми. Если бы он в это время занимался сколачиванием скамеек, он бы заработал вдвое больше.

Евреи посмотрели на него с еще большим удивлением, а служка рассмеялся: «Вы только послушайте! За десять золотых можно было бы закупить незнамо сколько дров на зиму!»

Еще один сказал, что самое большее бейт мидраш может заплатить за материал – сколько стоит дерево; а третий обыватель утверждал, что если за деньги, так он видел и лучшую работу. «Что вы видели?» – злобно спросил столяр. Знаток ответил, что он видел львов, и они выглядят как живые. Они стоят не на четырех, а на двух задних лапах, хвосты искусно закручены и подняты. С головы и до половины спины они покрыты гривами, а из их пасть высовываются огненные языки. Вот это настоящие львы!

От растерянности Эльюкум Пап потерял дар речи. Но тот еврей, который раньше с ним разговаривал, снова его утешил, что его лев как раз красивый. Спору нет. Но один в поле не воин. Пусть он сделает еще одного льва, а также доску с Десятью заповедями, тогда доску вместе со львами установят над ковчегом в качестве украшения. А деньги не вопрос. Староста бейт мидраша любит такие вещи, а лишний золотый для него роли не играет. Староста приходит каждое утро на молитву.

– Доску с десятью заповедями я еще не научился вырезать, – пробормотал столяр.

Но советчик ободрил его, что, мол, ничего, он и это сделает. Эльюкум Пап пошел домой и заговорил с женой тоном победителя. Ну, кто был прав? Молеельня реб Исроэлки, что у Виленки, заказала ему еще одного льва и скрижали Моисеевы. И заработает он гораздо больше, чем сколачивая простые табуретки. Так что она теперь скажет? И Матле действительно нечего было сказать. Просияв от счастья, она согласилась, что, поскольку он умеет, ему позволительно быть резчиком. Мастера больше уважают, да и заработок его выше.

Элюкум Пап потратил немало времени и испортил много дубовых досок, прежде чем ему удалось вырезать еще одного льва, который казался ему близнецом первого. Только тогда он взялся за скрижали с Десятью заповедями. Он облазил все молельни, подолгу стоял с задранной головой, разглядывая скрижали на ковчегах, пока не решил, что из каждой заповеди он вырежет только первые два слова, как это делают другие резчики. И вот из большого Пятикнижия он начал перерисовывать буквы на обструганную доску, вырезать их ножом, шкурить наждачной бумагой, полировать, покрыв лаком. Поскольку работа продолжалась долго, а жена ему всю плешь проела, говоря, что дети хотят есть, он закончил пару длинных лестниц, которые заказали у него маляры. При этом он злобно бурчал: «Тоже мне работа. Лестницы! Знай себе пили доски да забивай гвозди – и ничего больше. Тоже мне премудрость!» Но когда он закончил скрижали и вместе со львами поставил их на стол, чтобы рассмотреть, и он, и Матля были счастливы.

На этот раз Эльюкум пошел в молельню реб Исроэлки, что у Виленки, к утренней молитве, когда можно встретить старосту. Молящиеся только начинали. Еще можно было перекинуться словом. Они окружили резчика и с любопытством смотрели на его мешок.

– Вот он, этот еврей со львами, – прошептал кто-то у восточной стены старосте.

– Вот этот мужик с картошкой? – переспросил староста трубным голосом и направился к столяру.

Эльокум Пап увидел перед собой бородатого, высокого, широкоплечего еврея с круглым лицом и мягким ртом с большими, толстыми губами.

Львы и скрижали переходили из рук в руки. Евреи вертели поделки и постукивали по ним пальцами, как постукивают по тарелкам, чтобы услышать звон чистого фарфора. Молящиеся не высказывали своего мнения – ни хорошего, ни плохого – ждали, что скажет староста. Но прежде чем староста открыл рот, старый служака еще раз осмотрел доску с Десятью заповедями и увидел два слова, вырезанных под каждой из скрижалей.

– Что тут написано? – спросил он.

– Мое имя, – ответил столяр. – Я вырезал здесь свое имя: Эльокум Пап, чтобы знали, что я мастер.

– Вы? Вы? – Некоторое время служака не мог выговорить ни слова. – Это вы дали Десять заповедей на горе Синайской? Моисей, учитель наш, не поставил своего имени на Десяти заповедях, а вы поставили свое имя?

Евреи засмеялись, а староста прикрикнул:

– Что вы разговариваете с этим придурком? Давайте молиться!

Только один мягкосердечный еврей, тот самый, который советовал столяру сделать скрижали, снова вмешался: пусть будет без скрижалей! Ведь Десять заповедей записаны в святой Торе, а свитков Торы в ковчеге хватает – вот бы так же всегда хватало евреев для миньяна. Так давайте возьмем у ремесленника львов и покончим с этим делом.

– Хорошо, – согласился столяр. – Я вырежу свое имя «Эльокум Пап» на львах, поставьте их наверху над ковчегом – и делу конец.

– Кто вы такой? Банкир Бунимович, чтобы ваше имя было вырезано в нашем бейт мидраше? Да еще над ковчегом ему хочется, придурку! – заорал староста и погнал евреев приниматься за молитву, ибо день не стоит на месте.

Каждый из молящихся раскачивался в своем уголке, лишь столяр все время стоял окаменев. После молитвы, когда евреи заторопились к выходу, Эльокум Пап загородил им дорогу. Хорошо, сказал он, пусть его имя не будет вырезано даже на львах. Главное, чтобы их установили на ковчеге, а ему заплатили за работу.

– А даром я их возьму? – отпихнул его от входа староста. – Один лев так похож на другого, как сума замарашки на луну. Пойдемте, евреи.

Когда муж принес свой мешок с поделками назад, сияющее лицо Матли сразу погасло.

– Проклятие старосте и его прихвостням, – прорычал Эльокум Пап и принялся за работу.

Целую неделю он не выходил из мастерской, пилил и строгал доски, склеивал планки и забивал гвозди. Скамейки, столы и полки буквально росли у него в руках. Но чем больше он работал, тем мрачнее становился. Он мало ел, молчал как бревно и даже не

смотрел на дочерей. Лишь каждый раз, когда ему на глаза попадались львы, валяющиеся в стружках, он бормотал:

– Проклятие старосте и его прихвостням.

13 лет.
Понеряй.
«тикун».
времени.
изучения Торы.

^[1] Молитвенный кворум, необходимый для общественной молитвы. Не менее десяти евреев старше

^[2] Место массового расстрела узников Виленского гетто. Современное литовское название –

^[3] Подразумевается переосмысленное в категориях светской культуры каббалистическое понятие

^[4] Рабби Элияу бен Шломо-Залман Кремер (1720– 1797), один из величайших мудрецов Нового

^[5] Имеется в виду мужское отделение синагоги, используемое также в качестве помещения для

ДМИТРИЙ ВЕДЕНЯПИН

Я, Дмитрий Веденяпин, родился в 1959 году в Москве. Окончил Институт иностранных языков им. М. Тореза. Стихи пишу лет с 17–18-ти. В 1980–х годах их начали печатать – сначала в сам- и тамиздате, а потом (в конце 80–х) и в российских журналах и поэтических антологиях. Опубликовал две книги стихов («Покров» и «Трава и дым») и множество переводов поэзии и прозы, в том числе три сборника рассказов Исаака Башевиса-Зингера: «Последняя любовь», «Страсти» и «Каббалист с Восточного Бродвея». Лауреат нескольких литературных премий, победитель конкурса переводов стихотворений Бялика.

* * *

Двадцать лет уже – ни много ни мало –
Пахнет сыростью на том повороте,
Где слова твои растут как попало,
Мрея дымчато, как лес на болоте.

Право слово, так сказать, слово право,
Поднимаясь к облакам из карьера,
По утрам, как муравей, темно-ржаво,
Как комар, по вечерам бледно-серо.

Тот, кто думает, что все уже было,
Держит удочку не той стороною.
Баба вымыла дрова, нарубила
Всю посуду и проснулась больною.

Ворох дел моих, как белая сажа,
Пух и прах, седой дымок от карбида,
Промелькнет как бы фрагментом
пейзажа,
Отраженным в стеклах заднего вида.

Суть не в «минусе» и даже не в «плюсе»,
И не в том, что все могло быть
иначе.

«Рабби Зуся, был ли ты рабби Зусей?» –
Спросит Б–г, и рабби Зуся заплачет.

* * *

Наткнуться в сумерках на солнечную
нить,
Похожую на луч, пробившийся сквозь
время,
Где радужная взвесь в полупрозрачной
теми
Порхает тихая, не в силах не светить.

Увидеть, как во сне, что явь и значит
свет.

Беззвучный, сказочный, внезапный
и несчастный;

Экклезиаст сказал: «Все суета сует»,
Нам нечего сказать Экклезиасту.

И не о чем просить, пока не давит даль,
И ужасы не встали на дороге,
И колесо плашмя не рухнуло под ноги,
И не разбит кувшин, и не зацвел миндаль;

И темь не обернулась темнотой,
И на конце луча, как бы в волшебной
 точке,
Сверкает серебро серебряной цепочки
И золото повязки золотой;

Пока кузнечик не отяжелел,
И стерегущий не окаменел,
И у коня не лопнула подпруга,
И глубина воздушна и упруга,
И высота мерцает, как свеча,
Пока ты сам на острие луча,
Как сеть дождя внутри лесного круга.

* * *

В цилиндре тишины, в кольце колючих
 чаш,
Над треугольной выцветшей палаткой
Ночь выворачивалась как бы вверх
 подкладкой,
Как черный плащ.

В просветах ослабевшей темноты,
Приобретая плотность, цвет и вескость,
В зрачке окна, настроенном на резкость,
Обозначались листья и цветы.

Стояло время «слушать» и «молчать»
Под переплеск воды на перекате...
Стояло время «строить» и «сшивать»,
«Любить» и «уклоняться от объятий»,

«Быть беглецом»: под звездами
 Стрельца
На веслах уходить от непогоды...
Стояло время жить внутри кольца
 Непуганой свободы.

Обещание

Агент, убитый в телефонной будке,
Встает с колен в гостинице во Львове.
Луна в окне желтеет в промежутке
Между стеклом и пойманным на слове
 Пространством, обещавшим всем,
 кто в нем
Смотрел с холма на медленную воду

Сквозь зелень сада – там теперь у входа
Дежурит ангел с пламенным мечом
Вращающимся; пламя, ударяясь
О пустоту (сосну давно сожгли),
Рассыпавшись на искры, рикошетом
Уходит на террасу, притворяясь
Лучом, застрявшим в зеркале, букетом
иван-да-марьи в солнечной пыли...

* * *

Как в кровати между папой и мамой
Пьешь бессмертие... А может быть,
все мы
Просто знали про незнание Адама,
Потому что были ближе к Эдему?
С каждым годом жизнь вокруг
безадамней,
Безэдемней – что же тут удивляться?!
Даром, что ли, там мы все вверх
ногами,
Как в утробе, чтоб удобней
рождаться?

Дальше от, но к значительно ближе.
Tout le reste, конечно, – литература.
Может, я еще возьму и увижу
Маму, папу, бабушку, бабу Ньюру?..

* * *

В траве, в костре июня, у торца
Шестнадцатизэтажного дворца,
Споткнувшись о натянутое время,
В зеленом круглом мире, где пришлось-
Приходится-придется, глядя сквозь
Танцующую солнечную темень
Туда, где только музыка без слов,
И мелкий дождь, как стрелки без часов,
Среди стволов стрекочет наудачу
(В душе у грибника то вскрик, то всхлип:
Нет, гриб – нет, лист – нет, гриб – нет,
лист – нет, гриб),
За полчаса до выезда на дачу –
Все собрано, но ты еще в Москве –
Над мальчиком – что тот грибник –
к траве
Склонившимся над смятой пачкой
«Dunhill»
И собственным беспомощством, в аду,
В Москве и в опечатанном саду
Стоит стихотворение, как ангел.

* * *

Как – вид сверху – автобус в снегах,
как бесхозный дефис,
Безнадежно сшивающий два
ненаписанных слова,
Как – зеркально – и сам самолетик,

составленный из
Ватной нитки в полнеба, иголки
и смутного зова
Над горами-долами, гостиницей,
млечным каре
Седоватых берез – на стволах световые
разводы –
Сколько ночи? – Дефис на глазах
вырастает в тире –
Приближается утро – залогом
внезапного хода,
Выражая, как пишет Д.Э. Розенталь,
неожиданность. Даль,
Не «толковый» Владимир Иваныч,
а просто – в игрушки
Превращает огромные вещи, включая
печаль,
Ту, что больше... но меньше ресницы
на белой подушке.

Angelica sylvestris

Я падаю, как падают во сне –
Стеклянный гул, железная дорога –
В темно-зеленом воздухе к луне,
У входа в лес разбившейся на много
Седых, как лунь, молочных лун, седым,
Нанизанным на столбики тумана
Июльским днем – как будто слишком
рано
Зажгли фонарь, и свет похож на дым

И луноликих ангелов, когда
Они плывут вдоль рельс в режиме
чуда –
Откуда ты важнее, чем куда,
Пока куда важнее, чем откуда –

Белея на границе темноты;
Вагоны делят пустоту на слоги:
Ты-то-во-что ты был влюблен в дороге,
Ты-там-где-те кого не предал ты.

* * *

В такой – какой? – то влажной,
то сухой
Траве-листве на бледно-сером фоне
Небес, колонн, ступеней, на газоне
Стоит безносый пионер-герой.
Акива Моисеич Розенблат,
Начитанный декан второго меда,
Вообще решил, что это Андромеда,
И Анненского вспомнил невпопад.
Мол, как сказал поэт в порядке бреда,
Вон там по мне тоскует Андромеда.

– Гуд бай, Ильич, большой тебе
привет, –
Профессор раскудахтался глумливо, –
Не умерла традиция... Акива,
Ты настоящий врач! Живи сто лет.

«Субботный день» Андре Дерена

Если картина – зеркало, это шанс...
Стол на боку в обратной перспективе...
То, что казалось скукой *par excellence*,
День ото дня кажется все счастливей.

То, что казалось мраком, бредом вещей,
Гимном унынию, нелепой хвалой укоризне,
Стало казаться венцом благородства –
вообще,
Чудом подлинной жизни.

Видимо, дело в серьезности... Время идет
Или висит вполводы, как у Робина Крузо,
Между домиком шкапа и небом,
свободное от
Несуразных иллюзий.

«Натюрморт съел людей», но Живой,
поглядев с высоты,
Просто так, не за что-то
Возвратил их назад и во мраке зажег,
как цветы,
Не нарушив субботы.

Раньше лучше было...

Какие были времена!
Теперь не то – Бен-Ладен, Путин...
А раньше – сосны, тишина,
«Во всем... дойти до самой сути».

С утра по выходным мячи
И люди прыгают на пляже,
И запах тины и мочи
В кабинках и не только даже.

В лесу, оправленном в закат
(Где комары звенят, зверея),
Прекрасные московские евреи
О Мандельштаме говорят.

Ī ōáèèéàöèþ ïîããòîãèè Àíãð Ýííæü

АНГЕЛ РОДИТСЯ

Andantino

Из дос э-мес, ма- мэ-ню, дэр зэй- дэ хот геш-
вой- рн фун е- дн ка- диш вос их зог а
ма- лэх вэрт ге- бой- рн
ун мит ди ма- ла- хим- лэх дэр
та- тэ тут ба- фэ- лн? Ой, ма- мэ, х'вэл кэйн эйн- шик мол кэйн
ка- диш ништ фар- фэ- лн

А малэх вэрт гебойрн

Из дос эмес, мамэню,
дэр зэйдэ хот^ш гешвойрн –
фун едн кадиш вос их зог
а малэх вэрт гебойрн
ун мит ди малахимлэх
дэр татэ тут бафэлн?
Ой, мамэ, х'вэл кэйн эйнцик мол
кэйн кадиш ништ фарфэлн.

Из дос эмес, мамэню,
гехэрт дос фун дэм зэйдн:
с'бадинэн ди малахимлэх
дэм татн ин ган-эйдн,
ун дэр татэ квэлт фун зэй,
ви эр фун мир флэгт квэлн?
Ой, мамэ, х'вэл кэйн эйнцик мол
кэйн кадиш ништ фарфэлн.

Ангел родится

Это правда, мамочка,
дедушка поклялся,
что из каждого моего кадиша
получается ангел
и ангелочки эти
делают все, что велит им папа?
Ой, мама, ни одного разочка
я не пропущу кадиш.

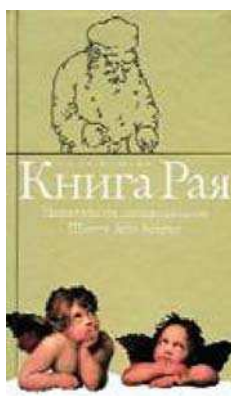
Это правда, мамочка,
я слышал от дедушки,
что ангелочки прислуживают
папе в раю
и папа мой им радуется,
как, бывало, радовался мне?
Ой, мама, ни одного разочка
я не пропущу кадиш.

Ī ōīēēāōēp īīāāōīāēē Āīāō Yīīāēū

ИЦИК МАНГЕР И СОВСЕМ, СОВСЕМ ДРУГИЕ

יְעֹאֲבֵד יְאַעֲבֵד

В петербургском издательстве «Симпозиум» вышла «Книга Рая»^[1] – единственный роман крупнейшего идишского поэта первой половины XX века Ицика Мангера (1901–1969). Издание неожиданное – причем неожиданное в самых разных аспектах. Во-первых, новые переводы с идиша на русский вообще появляются нечасто. Во-вторых, идишскую литературу никогда, кажется, не издавали у нас так, едва ли не академически – с фундаментальным послесловием, комментарием и приложенным словариком еврейских реалий. В-третьих, «Симпозиум» – издательство, мягко скажем, не самое плодовитое, выпускающее едва ли полтора-два десятка книг в год. В-четвертых, славу Мангера составляет отнюдь не его проза, – «Книга Рая», как было сказано выше, единственное его крупное прозаическое произведение^[2].

Список неожиданностей можно при желании продолжить, но и сказанного, как кажется, достаточно, чтобы понять: выход «Книги Рая» – событие не просто удивительное, но и знаковое. «Это – жжжжж – неспроста», как говорил в подобных случаях один сказочный медвежонок, шевеля опилками в плюшевой голове. Попробуем же выяснить источник и смысл донесшегося до нас жужжания.

Что представляет собой мангеровский роман? По замыслу автора, он должен был стать первой частью трилогии, куда планировалось включить также «Книгу Земли» и «Книгу хаоса». Причины того, что трилогия осталась недописанной, не вполне ясны. Можно предположить, что помешали бытовые обстоятельства в сочетании с трагическими событиями новейшей европейской истории: «Книга Рая» писалась в 1938–1939 годах, когда, «лишенный гражданства в родной Румынии, оторванный от любимых <...> польских евреев, висящий без паспорта, без визы между границами», Мангер проводил дни и ночи «в блужданиях по улицам и бульварам Парижа» (из авторского предисловия).

Не лишена оснований, впрочем, и версия, что автор не стал завершать трилогию по соображениям не столько бытовым, сколько творческим.

Аннотация определяет «Книгу Рая» как «единственный в своем роде библейский ироикомический роман» и предлагает видеть в нем смесь традиций апокрифов, философской сатиры XVIII века (в частности, свифтовской) и польского предвоенного кабаре. Один из переводчиков и автор послесловия – Валерий Дымшиц добавляет сюда ироикомическую поэму XVII–XVIII веков, «Божественную комедию» и «Хождение Богородицы по мукам», Сирано де Бержерака и Вольтера, находит в романе «романтическую иронию» и «тоску по утраченной цельности», присущую символистам.

В столь почтенной генеалогии, как и в утверждении, что Мангер писал свой роман, «все время помня о всей европейской литературе», мне видится некоторая, говоря словами известной песни, «склонность к завышению». «Книга Рая» – произведение достаточно простое, и не стоит чрезмерно его усложнять. Хотя, справедливости ради, замечу, что если Дант и Сирано здесь вовсе ни при чем (как и символисты с романтиками), то вольтеровская традиция в книге действительно ощутима.

Впрочем, и упоминание Вольтера в разговоре о «Книге Рая» кажется не вполне оправданным умножением сущностей. Полагаю, дело обстоит еще проще. О польском предвоенном кабаре в качестве источника инспирации Мангера автор аннотации упомянул. Но есть еще одна традиция, влияние которой на писателя не подлежит сомнению.

У взбалмошного, чудаковатого и непостоянного Мангера была одна любовь, одна пламенная страсть, которую он пронес через всю жизнь. Речь о пуримшилах и народных песнях, интерес к которым проявился у поэта еще в детстве. Известно, что отец Мангера, коломыйский портной, сочинял юмористические песни к Пуриму; знатоком и любителем еврейского фольклора была и мать будущего поэта.

Афиша спектакля по пьесе «Магическое зеркало» по мотивам произведений И. Мангера в постановке Д. Каплан. 1938 год.

Влияние народной поэзии, фольклорного юмора и пуримшилей играет определяющую роль в книгах стихов Мангера 1930-х годов, принесших автору широкую

известность. Сборник «Хумеш-лидер» («Песни Пятикнижия»), где библейские персонажи изображены в виде евреев из восточноевропейских штетлов, можно считать первым подступом к «Книге Рая» – пока в поэтической форме. Впоследствии такое снижение станет фирменным приемом Мангера, его визитной карточкой. Еще более явно апеллирует к поэтике пуримшпиля книга «Мегиле-лидер» («Песни книги Эсфирь»). На ту же традицию еврейского народного театра, скрещенную с легкими жанрами европейской сцены, ориентированы и пьесы отца идишской драматургии Авраама Гольдфадена, так повлиявшего на Мангера.

Незадолго до смерти Мангер переехал из Нью-Йорка в Эрец-Исраэль. По воспоминаниям израильских знакомых поэта, в последние годы он много пил, чурался людей, убегал от них и долго в одиночестве бродил по улицам. При этом он мог часами разыгрывать невероятные пуримшпили и импровизировать спектакли с незнакомыми детьми.

Следы увлечения пуримшпилями отчетливо заметны и в «Книге Рая», особенно в главе «У райского фотографа ангела Зейдла», куда включен большой фрагмент из пуримшпиля «В Ноевом ковчеге», сочиненного, по сюжету, незадачливым фотографом. Сам образ Зейдла, увлеченного сочинением пуримшпилей и обчитывающего ими всех желающих и не желающих, представляет собой, как указывает комментарий, шарж на друга Мангера, варшавского поэта, прозаика и драматурга Алтера Кацизне. Но, как кажется, он не лишен и некоторых автобиографических черт. По крайней мере в том, что касается одержимости пуримшпилями.

Собственно, вот и все истоки «Книги Рая». Вольтеровская сатира имеет некоторое типологическое сходство с приемами еврейского народного театра, отсюда и впечатление ее влияния на Мангера. Но в действительности указания на еврейскую фольклорную традицию, пропущенную через кабаре, фарс, водевиль, оперетту XIX–XX веков, вполне достаточно для определения генезиса единственного мангеровского романа. Даже самый, казалось бы, убедительный из нееврейских источников «Книги Рая», перечисляемых в послесловии, европейская ироиколическая поэма, при ближайшем рассмотрении оказывается избыточным и редуцируемым к источнику более очевидному и прямому. Ведь что такое пуримшпиль, как не та же ироиколика – в ее специфически еврейской транскрипции?

Собственно, и вся «Книга Рая» представляет собой один большой пуримшпиль – правда, весьма растянутый. Отсюда, от этой попытки выразить содержимое одного жанра средствами другого, происходят все недостатки мангеровской прозы. Как и положено пуримшпилю, «Книга Рая» выдержана в едином грубовато-комическом тоне, без переключения регистров – но что выглядит естественным в небольшом театральном представлении на случай, не работает на пространстве романа. К Мангеру вообще и к «Книге Рая» в частности в полной мере подходит характеристика, данная одному из его предшественников в идишской литературе, Гольдфадену, который «нередко ради успеха у невзыскательной публики перемежал в диалогах истинные блестящие народные юмора пошловатым балагурством»^[3].

Афиша спектакля по пьесе «Сон Гольфадена» по мотивам произведений А. Гольфадена и И. Мангера в постановке Я. Ротбаумана. Фестиваль еврейской культуры в Кракове. 2006 год.

Но это же неотъемлемая черта пуримшпиля и любого народного театра, то, что исследователи карнавальной традиции обозначают термином «грубая комика». Херувимчика зовут Писунчик; ангелы пьют и сквернословят; самое популярное место в раю – шинок; праотцы – богачи, равнодушные ко всему, кроме своих денег и статуса; стареющая Вирсавия ревнует царя Давида и устраивает сцены Ависаге, а Давид тем временем, как заправский снохач, развлекается с Суламифью; райский бухгалтер Гецл гулял с ангелицей Переле, помощницей модистки, но в конце концов бросил ее, чтобы жениться на младшей дочери архангела Михаила, а Переле сошла с ума, – в общем, полный комплект персонажей и мотивов для непритязательного площадного представления.

Не хотелось бы, чтобы из всего вышесказанного создалось впечатление, что издание «Книги Рая» представляется мне ошибкой. Роман Мангера вполне репрезентативен для влиятельной линии идишской литературы XIX – первой половины XX века, более того – он до некоторой степени эту линию замыкает. Да, литературные достоинства его сомнительны – но из этого следует только то, что правильнее воспринимать его не как книгу для чтения, а в качестве литературного памятника. И тогда все становится на свои места.

Но вот незадача. Идишская литература издается сегодня так редко и бессистемно, что каждая новая книга меняет представление о целом. «Книга Рая» – важное звено в цепи, но, в конце концов, это лишь звено; линия, к которой примыкает Мангер, влиятельна, но это лишь одна из линий.

Из этого, повторюсь, вовсе не вытекает, что не следует печатать Мангера. Наоборот, надо печатать и его, и многих других авторов, надо дать русскому читателю объемное впечатление о еврейской прозе – а осмысленного движения в этом направлении, увы, практически не заметно. Проблема усугубляется тем, что если непереуверенным вдруг оказывается важный английский или французский роман (ситуация практически непредставимая, но все же), то заинтересованный читатель в большинстве случаев может

заполнить этот пробел самостоятельно, без помощи переводчика – основными европейскими языками многие книгочеи все же владеют. Но кто сейчас знает идиш, тем более на уровне, достаточном для чтения художественной литературы?

Начнем с самого ближнего контекста. Практически не представлен на русском языке неоднократно упоминавшийся Гольдфаден. Нет переводов Шлойме Эттингера, повлиявшего, в свою очередь, на Гольдфадена.

Обильно, но неудовлетворительно, по нынешним переводческим стандартам, переводился в первые десятилетия XX века Шолом Аш. Замены тем устаревшим переводам пока не видно, а ведь Аш, как к нему ни относиться, – одна из самых заметных фигур в идишской литературе.

И. Мангер.

Из советских современников Мангера практически не существует по-русски такой яркий и своеобразный писатель, как Дер Нистер. Совершенно недостаточно представлен Моисей Кульбак, замечательный прозаик и поэт, который не затерялся бы ни в одной из европейских литератур.

Наконец, вообще словно бы не существует – за одним исключением – американской еврейской литературы, которая, между тем, представляет собой особый материк, со своими классиками, своей внутренней динамикой, своими традициями. Все издательства наперебой публикуют Исаака Башевиса Зингера, и это замечательно. Но по-прежнему не известен русскому читателю его брат, Израэль-Йеошуа Зингер – крупный эпический художник, основоположник еврейской семейной саги, адресат посвящения романа младшего брата «Семья Мускат». Не переведена даже центральная его вещь, «Братья Ашкенази», составившая эпоху в идишской словесности и приводившая в восхищение, скажем, Сола Беллоу.

Не представлен на российском книжном рынке и Хаим Граде, поэт и прозаик, приехавший в Америку из Литвы и воскресивший в своем послевоенном творчестве погибшее еврейское Вильно и мир миснагедов^[4]. Граде, лауреат Пулицеровской премии, считался одним из наиболее вероятных американо-еврейских претендентов на Нобелевку, и многие критики до сих пор не могут простить Нобелевскому комитету выбор в пользу Башевиса Зингера.

Но что, собственно, говорить о такой «периферии», если даже наследие триады отцов-основоположников издано по-русски далеко не полностью! Не переведен практически весь поздний Менделе Мойхер-Сфорим, в том числе эпический роман «Заветное кольцо» и беллетризованная автобиография «Шлойме, сын Хаима». Несколько благополучнее обстоят дела с Ицхаком-Лейбушем Перецем, но и здесь можно найти немало белых пятен. Даже канонизированный советской культурой Шолом-Алейхем, практически в одиночку, волею власть предержащих, отвечавший за всю идишскую прозу, переведен не до конца...

Конечно, этот обзор не претендует на какую бы то ни было полноту. Более или менее ответственное описание той части мира идишской литературы, которая остается недоступной читающим по-русски, заняло бы куда больше места. Я пытался лишь перечислить самые очевидные болевые точки, назвать имена, без которых непредставима не только еврейская, но и мировая культура двух последних веков. Остается надеяться, что белые пятна будут постепенно заштриховываться и когда-нибудь русский читатель сможет не с чужих слов понять, какое место занимает в этом пестром и сложном мире творчество Ицика Мангера.

^[1] Ицик Мангер. Книга Рая. Удивительное жизнеописание Шмуэл-Абы Аберво / Пер. с идиша Игоря Булатовского и Валерия Дымшица. Послесловие, глоссарий и примечания Валерия Дымшица. СПб., 2008.

^[2] Дотошности ради отметим, что «Избранная проза» Мангера в 1982 году выходила в Тель-Авиве в русском переводе.

^[3] Гольдфаден Аврахам // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Кол. 164.

^[4] В настоящем номере журнала мы начинаем публикацию «Немого миньяна»

ОКУДЖАВА И СВЕТЛОВ

Àì èòðèé Àúêîâ

Поэт, прозаик и журналист Дмитрий Быков в последнее время активно работает как биограф. Составленное им жизнеописание Пастернака получило несколько премий, в том числе главную литературную награду России – «Большую книгу». В ближайшее время должен появиться новый труд Быкова, посвященный Максиму Горькому.

Книга о Булате Окуджаве написана Быковым для серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». «Лехаим» предлагает читателям сокращенный вариант 7-й главы 2-й части этого труда, рассказывающей о взаимоотношениях Окуджавы с Михаилом Светловым и о влиянии комсомольского поэта на великого барда.

Булат Окуджава. Пробы на роль офицера для телевизионного кинофильма. 1976 год.

1.

Говоря о причинах резкого взлета Окуджавы в конце 50–х, мы обязаны упомянуть знакомство с Михаилом Светловым и период ученичества у него. Обычно о поэтических учителях Окуджавы скромно умалчивают: знакомство с Пастернаком, по сути, не состоялось, а Галактион Табидзе, как мы помним, всерьез стихи племянника не воспринимал. Сам Окуджава среди учителей – по большей части заочных – называл все тех же Пастернака, Киплинга, Гофмана, Набокова, Толстого, иногда Алданова, – но, говоря о старших друзьях, неизменно называл два имени: Паустовский и Светлов. У Паустовского он взял немного, но у Светлова – куда больше, чем принято думать. Впрочем, дело тут не просто в ученичестве или переимчивости, а в принадлежности к одному литературному типу, весьма редкому.

Всякий большой писатель как бы репетирует свое появление (нечто подобное можно заметить и в любви, когда главная женщина вашей жизни посылает предшественниц – то ли вестниц, то ли просто менее совершенные образцы, чтобы мы не ослепли сразу). Объяснить это трудно – сошлемся все на ту же театральную модель литературной и общественной жизни, которой оперировали в первой главе. Есть некий список действующих лиц, но исполнители еще не утверждены. Проходит своеобразный кастинг. В литературе существует светловская ниша, поэт с такими характеристиками должен быть, без него картина неполна, – но он медлит, запаздывает, по разным причинам не состоялся, взял первую ноту – и сорвал голос. Кто помнит Фофанова – чудесного лирика, предтечу символистов? Кто всерьез перечитывает К. Льдова (Розенблюма), первым начавшего записывать стихи в строчку и предсказавшего поэтику Эренбурга, а затем и Шкапской? Не был ли сладкозвучный, романсовый Полонский прообразом Блока, страстно его любившего?

Но чтобы поэт состоялся, нужно слишком много факторов – включая и характер, и способность к сопротивлению, и эпоху; на фигуре Окуджавы скрестилось слишком много лучей. Светлов – не просто прообраз Окуджавы, это еще и трагический, несостоявшийся вариант действительно большого поэта; основные черты поэтики Окуджавы явлены у него в удивительной полноте – порой не отличишь ранних окуджавских сочинений от светловских. Тема эта в литературе исследована мало – наиболее содержательна статья М. Чудаковой «Возвращение лирики» (2001), где ранний Окуджава рассмотрен на фоне широкого «оттепельного» поэтического контекста. Но поздний, «оттепельный» Светлов на Окуджаву повлиял мало – то ли дело его молодая поэзия, как раз в 1956 году начавшая переиздаваться! <...>

Светлов обладал той же поразительной способностью – писать песни, становившиеся народными. Если вдуматься, его слава совершенно необъяснима: действительно удачных стихов у него наберется на весьма скромную книжку. Ольга Окуджава говорила когда-то, что, помимо песен, у ее мужа не больше пятидесяти истинных стихотворных шедевров; в случае Светлова их не больше двадцати. Но все они – действительно крупный жемчуг. Пойди объясни, почему народной стала «Гренада», на которую написано около десятка музыкальных вариантов? Почему все запели «Каховку»? Почему даже непритязательная песенка «За зеленым забориком» – первая авторская песня в советской истории – стала петься повсеместно и обросла бесчисленными вариантами?

Да, первую авторскую песню написал именно Светлов; шансонетки Вертинского не в счет, другой жанр. В них как раз ничего фольклорного, и широко они никогда не пелись. А «Заборик» – вот он, ушел в народ немедленно, с того самого 1938

года, когда сам Светлов начал его напевать в дружеских компаниях на собственный немудрящий мотив:

Çà çàéí úì çàíðèéíì
Ì ú í á ì íæáóü óñí óòü..
Óæ áá:áðí ýý çíðíèà
Ì íáò íðÿàò ñàé í óòü
В èçì ó:áí íúì èèòì ÿñ áð -
Ì íæáò áúòü óææóñý ý ñí áð,
Ì íæáò áúòü ñ ì í íé áí áá:áðà
Áóüáóü òú áðíæèòü áíááð:èáí...
Ááí ü ñò áí íæèòíý òèóá..
Óú ñèæèóü ó íéíà..
Ì à áúñéóð èðñíóó
Ñéíðí áúéääò èóí à
È òíááà í íá çáúèè ì áí áíèèí ú
Áúéääóü òú á ò óí áí áíèèí ú,
× ò í áú á ì áæéáí í ì èðñáñ áíáí ò à
Ááñ íéíéíí íæèääòü éíá-òí...

Сколько потом понаписали вариаций на эту тему (с непременным соблюдением светловского условия – употреблять в припеве сложные составные рифмы)! Кстати, Окуджава тоже часто работал на этом контрасте: предельная простота содержания – и сложность, даже изысканность рифмовки (вспомним женские рифмы «Ваньки Морозова»).

История этой песни заслуживает того, чтобы рассказать ее здесь, – на ее примере понятней механизмы популярности, а эта тема имеет к Окуджаве прямое отношение. Сначала ифлийцы сочинили по светловскому лекалу свою «Шофершу», которая посвящалась студентке Нине Бать; авторство приписывалось Александру Раскину и Яну Сашину, а поводом служило то, что Нина мечтала выучиться вождению:

В ëðáëð óíòáðóó èðñíòéí, ðíáéí -
áé á í íááðíé í ò ì áí ý éíðíáèà,

*à á éí ðí áéá, í áí ðèí áð, ì áí ò í ááí
 è ðò è õè ì í ÿ ò à Èáðì í í ò í áà
 Áàø ãððáæ í áí í ááæ áéó í ð ÿ ì í,
 í í ì áí ÿ è ñááá áéá: áò òí ð ÿ ì í -
 ì í çááí ðáì ÿ, ãéóóáá, èáçáð,
 ÷ ò í á óáé áá ò ù ááí, ãéóóáí áéá çð...
 Á ò áì í í ò á ò í ééí óé ÿ ãðáæ ááí é í á
 à á áéá çáò ì í è õ - áððáæ áá Í é í á;
 è áóóà ì í áò, éáé óé ááæ í éáò ò á,
 áúí è ðá ÿ è ç óé á áééé áò á...
 È é í ááà ì í á çáò èè í áæ í í é óé áéó ò ú
 áúí é áá ò ù ñéóó áò ù é è è è æóðááé áé ò ú, -
 óðí ð áééí ðá ÿ ñí é áí é í í,
 ò í é ù é í í á ó «ò í ð áá» ñí è, í Í é í á!*

Окуджава эту песню знал, и вполне вероятно, что именно она послужила прообразом «Нади-Наденьки» – тоже песни о шоферше, только управляет она не «фордом», а троллейбусом. (На тот же мотив Михаил Львовский в 1949 году написал прославленный «Глобус».)

Так песенка про зеленый заборик, а потом про шофершу свела Окуджаву и Светлова впервые. Личное их знакомство состоялось в 1957 году, когда Окуджава уже жил в Москве и сотрудничал в «Молодой гвардии». Влияние Светлова началось тогда же – до этого Окуджава его стихов толком не знал, поскольку с 1945 года Светлов как оригинальный поэт почти не печатался, как драматург не ставился и жил скудно. С началом «оттепели» его стали переиздавать, он пережил поэтический ренессанс, как большинство его ровесников (хотя ничего равного стихам 1927–1929 годов так и не написал: поздняя лирика его, при бесспорных достоинствах, жидковата).

Светлов не то чтобы подсказал Окуджаве новую манеру – он послужил ему подспорьем в том смысле, что легитимизировал, как бы узаконил манеру самого Окуджавы. И он стал равняться на Светлова, тогда как самыми модными поэтами первого этапа хрущевской «оттепели» были Слуцкий и Мартынов. Но Слуцкий был для него груб, резок, Мартынов – механистичен; вот Светлов был именно то, что надо. <...>

Удивительное дело, но поэт этого склада – применительно к Окуджаве это тоже верно – может писать либо шедевры, либо вещи детски-наивные, пустые, многословные, часто никуда не годные. Пойди пойми, с чем это связано: может быть, транслятору действительно не всегда есть что транслировать, а может, приемы такого автора благополучно работают в одних случаях (когда тема амбивалентна, когда наличествует стык отчаяния и иронии, тревоги и надежды) и безнадежно пробуксовывают в других. Поэтика Вознесенского, скажем, гораздо универсальнее – касается это и Мартынова, и Слуцкого: есть некий уровень мастерства, который остается неизменным, о чем бы автор ни говорил. С Окуджавой и Светловым – не так: либо они пишут «свое» – но это бывает нечасто, и потому их шедевры немногочисленны, – либо у них получается текст, который ниже всякой критики. Интересно, что так, в общем, и у Блока, в одной из записных книжек пометившего: «Не пишется, так и брось». К переводам, заказухе и стихам на случай он был категорически не способен.

Одним из самых сильных стихотворений Светлова стала баллада «В разведке» (1927), которую я приведу почти полностью, без нескольких провисающих и декларативных строк в середине:

Í îãîðà: è ààèè äóèà
Â ñèí àì òíèí àà ò ò ùéí à
È çàîçàà í à í àñ àçãýí óèà
Èç-çà äùì í ùõ í áéàéí à
Í àøè èíí è øèè í íí óðí,
Ñèàáí ÷ óý í îãî àà
В ñèàçàè àì á - Í àðéóðèé
Í àçí ààà ò ñý çàîçàà
Í àðàà áí àì áíèùí î ò óíèéí
Ñàòò ñàíé ñèí èé çàçãù èùò ò...
È ñí òíèè è íí:
- Á í î-ðàíèèè
Èàé Í àðéóðèé çí àòò?
Í í ñóðí àí æ ààèè î ò àà ò à;
È óøèà çà í áéàéà
Èí î ò ðàí í àý í è àí à ò à
È ñí óñàà ø è ñí ò óæ è è à

Òèõî, òèõî...

Ðäëéî, ðäëéî

Áîíáñîññî ñèðéî òäëä

Î ù ñóòðà óóèè á ðàçáñéó

Ñòäüüè òðàâî - íàð íî:ëä

Òèõî, òèõî...

Î äëéî, î äëéî

Î íéîí:ü áðóçí óèà ñèéîõîî, -

Î ù îííäèè á íáðñîðäëéó

Î ù îòñðàà íá óéääî.

Î íéîí:ü î óëüî è ñòó:äèà

Ñî áðòü á îíéóíí:è áðäèà

Î óëü á éíá äî ó îííäèà

Î óëü á ãðäüü î íð äîðèà

Î í:ü çáñí äèà ñòðàî áí àî è,

Áîéî:èèèñü î íáñäà

È Î áðéóðéè íéüé íää íàî è -

Èíîñòðàî í äü çáñçäà

Вещь эта не так проста, как кажется, смысл ее неочевиден. Есть два героя – интеллигент, знающий, «как Меркурия зовут», и крестьянин, мужик, новый Адам, желающий по случаю мировой революции дать всему иностранному русские имена. Интеллигент в середине стихотворения демонстрирует слабость духа, предлагает повернуть и не вступать в перестрелку, – но крестьянин жестко обрывает эти разговоры: «Как я встану перед миром?» В итоге смерть уравнивает мужика и книжника. А Меркурий, который сначала «испугался мужика» и скрылся за облаками, – плывет над ними обоими, единственный окончательный победитель, так и не переименованный. Последнее слово остается за «иностранной звездой».

Не случайно и название: перед нами стихотворение о России, разведывающей будущее, оказавшейся на его передовом форпосте, – и потерпевшей поражение от вечных, непреодолимых сил, таких, как тучи, звезды, человеческая природа... Побеждает-то именно Меркурий – не Марс, не Венера, хотя зарифмовать их было бы проще, и для лирики они традиционней. Вспомним симоновское «Над черным носом нашей субмарины

/ Взошла Венера – странная звезда. / От женских ласк отвыкшие мужчины, / Как женщину, мы ждем ее сюда». А Меркурий – бог торговли, корысти, приобретательства, и для стихов, написанных в 1927 году, это в высшей степени объяснимо. Ведь Светлов уже успел написать своего «Нэпмана», лирический герой которого ностальгически ощупывает в кармане верный наган. Меркурий – еще и обозначение ртути, жидкого, ядовитого, коварного металла. Разведка окончилась гибелью, статус кво восстановлен, вещи существуют под прежними именами.

Крах утопии – главная тема Светлова, отсюда почти непрерывная и столь странная для двадцатипятилетнего поэта ностальгия по Гражданской войне в его лучших стихах, созданных в 1927–1929 годах. Реквием по мечте, одно слово. А если вам покажется, что молодой и малообразованный Светлов едва ли мог вложить в свою балладу столь сложное метафорическое содержание, – заметьте, что писал эту вещь человек подкованный, отсылающий, например, к Хлебникову: «У колодца расколется / Так хотела бы вода, / Чтоб в колодце с позолотцей / Отразились повода»...

Тема прощания с утопией, скорби по несостоявшейся мировой революции пронизывает все творчество раннего Светлова, и горькая его ирония – именно отсюда. Существуют интересные работы Омри Ронена, Майкла Вахтеля, Романа Тименчика, Елены Михайлик – о семантическом ореоле двустопного амфибрахия, которым написана «Гренада». Нам потребуется сейчас экскурс в сторону – но без этого не понять ни Светлова, ни Окуджаву: заморозившая всех в 60–х годах скорбно-ироническая интонация возникает в 20–х, а корнями уходит значительно глубже. Самое автобиографическое сочинение Окуджавы, как мы помним, называется «Песенка о несостоявшихся надеждах» – сборник лирики Светлова 20–х годов мог бы называться точно так же.

Итак, «Гренада», стихотворение, на любви к которому сходились Маяковский и Цветаева (Маяковский на вечерах читал его наизусть, а на высказанный кем-то упрек – рифмы, мол, бедные – ответил: это так хорошо, что я даже не заметил, какие там рифмы). Вещь с огромными и разветвленными интертекстуальными связями – от обнаруженной Е. Михайлик прямой цитаты из солдатской песни 1914 года «Прощайте, родные, прощайте, семья» до баллады Гете «Лесной царь» в переводе Жуковского, где, собственно, этот размер и появляется впервые в русской литературе. В самом деле, в обеих балладах наличествуют мотивы утраты – и стремительной скачки.

Ронен уточняет: есть много общего у «Черной шали» и «Гренады» – не только сходство концовок («С тех пор не целую лукавых очей, / С тех пор я не знаю веселых ночей...» – «С тех пор не слышали родные края: / “Гренада, Гренада, Гренада моя”»), но и мотив утраты возлюбленной. Кто эта возлюбленная в «Гренаде», где гибнет не гречанка, а украинский хлопец? Пожалуйста: мировая революция. И при всей натянутости этой параллели по сути-то Ронен прав. «Гренада» – это о том, как еще одна мировая утопия не состоялась. И хотя Берггольц двадцать лет спустя писала в «Побратимах», что тот хлопец не погиб, повоевал-таки за Испанию, – ясно же, что Гренаде никогда не быть «нашей».

Тименчик обнаружил еще один источник – если он даже и не был знаком Светлову (хотя тот был юноша начитанный и, как предполагает Тименчик, мог ознакомиться с текстом в сборнике 1917 года «У рек вавилонских»): это стихотворение испанского еврея Йеуды Галеви в переводе Минского.

Ī dīñòè, î Ādāī āāā, î dīñòè, èdāè ÷ōēāēī ū,

Nèīī à ŷ æāæ äó óāè āāò ū dūèī ū.

Èm'ái èy! Áeáæ ò áîé è øóî îò ááðáð,
È îò÷èçí á ñò ðáî èðñüü, è ääèáèîî ó èðàð.
Í áñòü ææáò î áíÿ ñèí óá - ÿ ðáá áóóó çí îð!
Øî - ðíæí ù ñèí óá í áá ñò áí ùð ðíáí îð!
Í áñòü á í ðáð ñðáæ èáî í áé ñáèðñüü
ÿ áñò áèüé,
Øî - í ðáð Èóáæ, ò î - ðíæí ù ñèáèü!
Øî ðó èè á áí ðíá, í á æáèü î í á è æèçí è -
Øî ðó ñðáæ í ðáèéíá èñò èáð á îò÷èçí á!

Вот вам, кстати, и степи – главный топос «Гренады». Метрическое и топонимическое совпадение красноречиво само по себе, но если вспомнить контекст революции семнадцатого года... да интерес молодого Светлова (Шейнкмана) к иудейской традиции, выразившийся в «Стихах о ребенке»... да постановление Евсекции (еврейской секции) III Интернационала о том, что евреи-коммунисты отказываются от сионизма, не хотят в Палестину, будут вместе с Россией осуществлять мировую революцию (1920)... Не забудем, что до Первого Екатеринбургского полка семнадцатилетний Светлов (вместе с Михаилом Голодным) входил в отряд еврейской самообороны – были в Екатеринославе (будущем Днепропетровске) и такие, поскольку переход города из рук в руки сопровождался погромными ожиданиями и евреи решили защищаться, не дожидаясь погромов.

В начале 20–х вдохновенное революционное еврейство отвергает мечту об исторической Родине и провозглашает своей целью победу коммунизма в мировом масштабе. И тут пора назвать главное имя, объединяющее Окуджаву и Светлова: это не Жуковский, как можно было подумать, – хотя «семантический ореол метра» и заставляет снова сводить всех троих воедино. Это имя Троцкого, с чьим учением как раз и связывается в XX веке истинная революционная романтика. Из-за Троцкого погиб отец Окуджавы, за него выгнали из комсомола молодого Светлова, Троцкий не пожелал отказаться от мировой революции, когда СССР давно отрекся от этой утопии, и остается символом революционной романтики для всех, кому не понравился сначала ленинский нэп, а потом сталинская реставрация империи.

Проще всего сказать (почвенники и говорят), что Окуджава, как и Светлов, как и «комсомольские поэты» (в большинстве своем опять-таки евреи), так и остались троцкистами, ненавидящими русский народ, желающими его раскрестьянить и расказачить, отвести в поход за мировую революцию и там перебить; бдительный Станислав Куняев обнаружил те же интернациональные, всемирно-революционные мотивы и у Павла Когана («Но мы еще дойдем до Ганга...»), и у Михаила Кульчицкого («Была бы Родина с ежедневными Бородино»: как – с ежедневными?! Что же ему, людей не жалко?! Гуманист Куняев...).

Это старый жупел, полемический прием, восходящий все к тем же 20–м, когда оппозиция русского и интернационального, сталинского и троцкистского только

зарождалась. Безусловно, троцкистам не нравилась империя. Безусловно, они терпеть не могли обуржуазившихся вождей и предпочитали пафосу строительства (и запретительства) пафос борьбы (и гибели). Да чего там, мы уже говорили выше, что поэту этого типа проще погибнуть на поле боя, чем противостоять бюрократу или томиться в застенке. Жизнь не дорога, свобода – другое дело.

Но, думается, суть этой давней полемики все-таки не сводится к вечному спору борцов-романтиков с государственниками-угнетателями. Сам Троцкий – фигура столь неоднозначная (и отталкивающая), что делать из Светлова или Окуджавы убежденных троцкистов, мечтавших о мировой революции, было бы странно. Окуджава знал, за что погиб его отец, но многократно повторял, что идеалов его не разделяет. Троцкизм самого Светлова был и вовсе умеренным – в стихах он единственный раз упоминает Троцкого, когда в «Ночных встречах» в воображаемом разговоре с Гейне называет ошибкой наркома похвалу в адрес Безыменского.

Просто судьба Троцкого (и, главное, троцкистов) – самый наглядный символ краха революции, ее поражения, перерождения, если угодно. Не в мировом коммунизме дело, а в том, что из утопии ничего не вышло; и пафос обманутой надежды, грандиозного несбывшегося плана, победы, обернувшейся поражением, безусловно присущ и Светлову, и Окуджаве. Похороны великого проекта – вот их тема; герои проигранной войны, солдаты обреченного полка – их лирические маски. И немудрено, что зародилась эта тенденция именно в 20–х.

Михаил Светлов. 1960-е годы.

Главная тема Светлова – не всемирная, а поруганная революция. Вот почему уже с 1926 года он почти непрерывно ностальгирует, с молодости живет воспоминаниями: для его лирического темперамента органично именно сочетание иронии и пафоса, скорби и торжества. Вот где разгадка популярности Светлова и Окуджавы: разве каждая жизнь не превращается – и довольно быстро – в «Песенку о несостоявшихся надеждах»? Разве ностальгия по каждой уходящей минуте не составляет существа нашей жизни и разве нет привкуса поражения в каждой нашей победе? Ибо победы наши временны и относительны, а поражение окончательно; победы бывают общими, но умирать каждый будет в одиночку.

Поэтому Светлов и выдумал себе лирического героя, позаимствованного, впрочем, отчасти у Гейне, первым снизившего романтизм, скорректировавшего его жесткой скептической иронией и смягчившего сентиментальностью. Стихов, воспевающих великий революционный проект, мы у Светлова почти не найдем: революция для него – возлюбленная, а не абстракция, и эту возлюбленную ежесекундно отнимают. <...>

Кстати, одной из причин сравнительно ранней смерти Светлова – наряду со все более заметным крахом «оттепели» и нараставшей депрессией по этому поводу – была личная драма: от него к физику-эмигранту Бруно Понтекорво ушла жена, красавица Родам Амирэджиби, мать его сына Сандрика. Светлов отщучивался и по этому поводу: «Она любит петь грузинские песни, и хором. А я – еврейские, и один». Но надломлен он был непоправимо и запил еще горше. Родам сознавала свою вину, но сделать ничего не могла. И тут еще одна ниточка, связывавшая их с Окуджавой, – не только любовь Светлова к грузинам и Грузии, но и прямое родство с родом Амирэджиби. Родам – старшая сестра того самого Чабуа, который прославился впоследствии романом «Дата Туташхиа». Он отсидел при Сталине двадцать лет, дружил с Окуджавой, и именно ему посвящен «Плач по Арбату» – «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант». Мир ли тесен, прослойка ли мала, участь ли одинакова – всегда начинается застольем и оборачивается похоронами, начинается романсом и кончается плачем... И если грузин (грузинка) – то либо князь, либо красавица, либо сидел, либо все вместе.

«ДЕМЬЯН КУДРЯВЦЕВ: ВСЕ, ЧТО НАМ НУЖНО, – ЭТО ПРАВО НА ВЫСКАЗЫВАНИЕ»

Аאאאאא אאאאאא אאאאאא אאאאאא אאאאאא

Демьян Кудрявцев родился в 1971 году в Ленинграде. Учился на факультете журналистики Ленинградского университета и филологическом факультете Иерусалимского университета. По возвращении в Россию – создатель и владелец нескольких интернет-проектов. С января 2006 года – генеральный директор Издательского дома «Коммерсантъ». Автор трех книг стихов. В 2008 году издательство «Амфора» выпустило первый роман Кудрявцева «Близнецы», вызвавший разноречивые оценки рецензентов (см. в рубрике «Pro et contra» в этом номере «Лехаима»).

– Дема, с твоим именем связывается возникновение Рунета. Что это была за история?

– История очень простая. Сначала были технари, которые сидели в Курчатовке, их интересовало, как идет сигнал. Я в этот момент был в Израиле. Но к 1995 году стало понятно – в мире стало понятно, в России, – что за этим есть какой-то бизнес. И мы с Антоном Носиком начали заниматься интернет-деятельностью в Израиле, в Штатах. У меня были некоторые проекты, связанные с этим, довольно успешные для того времени. К нам приехал носиковский однокурсник, чтобы проконсультироваться, потому что он хотел заняться Интернетом в России. Но он имел в виду не творческую составляющую, не наполнение, а подключение, то есть как сделать бизнес на проводах. Мы так с ним подружились, что он позвал меня к себе в партнеры. Мы создали интернет-провайдер под названием «Ситилайн», который сразу стал популярным. Тридцать долларов в месяц за подключение без ограничения трафика, что было тогда внове. Я приехал в Россию проконсультировать эту компанию и остался. Она действительно наделала много шороху, и так случилось, что мое имя стало с ней ассоциироваться. А потом выяснилось, что большому количеству людей, которых мы втянули в пользование Интернетом, что-то в Интернете надо делать. Появилось то, что теперь называется контентная составляющая, первые блоги, правда, тогда они назывались «обозрения». Ну и как-то мы всем этим занимались, пока не продали...

– А как ты оказался в Израиле и чем ты там занимался?

– Я уехал в 1990–м, просто так. Учился, писал стихи. Потом занялся околокомпьютерной деятельностью. Сначала дизайном, мультимедиа, потом Интернетом.

– Стихи ты писал с раннего возраста?

– Я решил, что серьезно к этому отношусь, лет в 18, что считается поздно. Первая книжка вышла в Израиле в 1991–м. А потом в России через десять лет.

– Если говорить о твоём израильском существовании – как ты себя чувствовал?

– Абсолютно счастливым. Это свойство времени еще. В начале 1990–х менялась не только Россия. Это было прекрасное время, мы были молоды. И я отношусь к Израилю как к, безусловно, своей стране. У нас была прекрасная компания, многие из нее сейчас в России. Как-то нам казалось, что все возможно. Да так оно и было. Так что моя жизнь в Израиле была очень удачной. Просто в какой-то момент возможностей для самореализации в России стало больше. Но мой приезд в Россию был приездом иностранца. Как приезжают все, кто читает газету «Exile». Приезжаешь в командировку, остаешься, живешь, умираешь, над тобой вырастает русское растение лопух.

– Ты говоришь о компании в Израиле. Что это были за люди?

– Аркан Карив, сын Юры Карабчиевского, Арсен Ревазов, писатель и владелец очень крупного в России рекламного агентства, Антон Носик – это самые близкие люди. Ну и много других, менее известных персонажей.

– А насколько была развита тогда в Израиле русскоязычная пресса?

– Вот как раз тогда, когда мы приехали, она была развита прекрасно. Приезд одновременно миллиона людей, объединенных всем, – это сейчас они все разные, а тогда перед всеми стояла одна задача, познание этого нового мира, – привел к тому, что Роберт Максвелл дал большие деньги на русскую прессу. Была задумана реально серьезная, совершенно без эмигрантского душка газета, которая называлась «Вести». Плюс был ряд эмигрантских изданий. Заработало русское радио, а потом, когда я уехал, и русское телевидение. Была дивная литературная иерусалимская жизнь – так называемый Иерусалимский литературный клуб. Из людей серьезных и имевших не только израильское звучание там был, например, Миша Генделев. На излете израильского существования был Анри Волохонский, Дана Зингер – это те, кто известен в России. Очень насыщенная была жизнь. Наша реэмиграция, или, скорее, миграция – кого в Россию, кого в Штаты, – совпала с хай-тек-становлением Израиля, которое двинуло людей из Иерусалима в Тель-Авив. Поэтому Иерусалим, каким мы его знали, – он опустел. Но с 1989–го по 1996–й это было очень живое место. И литературно очень ценное.

– Ты говоришь об Иерусалимском литературном клубе. У него было определенное место?

– Да, это Мишкенот Шананим, где проходит Поэтический фестиваль. Там, где мельница. С видом на Старый город. Собирались каждую неделю. Не говоря о том, что еще шабат справляли у кого-то дома, и всегда это было обычное богемное московское существование, связанное с водкой и так далее. Но при этом в то время как-то не считалось зазорным всерьез говорить о текстах. Мы собирались, да, на столе стояли еда и

алкоголь, но все по кругу друг другу читали. Были разборы, были семинары. Поразительно, что за этим не стояло никакой структуры. Все это делалось на собственные деньги. Люди приезжали из разных городов и разных стран.

– Насколько широкий это был круг?

– Конечно, по московским меркам он был чрезвычайно узок. Реально в деятельности клуба участвовало человек тридцать, из которых десять были заводилами. Некоторые из них неизвестны русскому читателю, не знаю... Володя Тарасов, например. Некоторые известны в других областях... Миша Гробман с нами постоянно взаимодействовал. У него был (и есть) журнал «Зеркало». Сергей Шаргородский – глава в тот момент бюро Ассошиэйтед Пресс, очень сильный переводчик. У Иерусалимского литературного клуба был даже собственный журнал. Он назывался «Обитаемый остров». С моей точки зрения, до сих пор это образец литературного журнала – «наглого», ироничного, с большой долей смеха. Очень много было людей, приехавших из-за границы, – например, Леня Гиршович, который в России, как мне кажется, недооцененный автор. Совершенно прекрасный прозаик, какой-то странной жизнью живущий в Германии. Саша Бараш, Лена Игнатова...

– Остались ли в памяти от этого существования какие-то тексты?

– Весь поздний корпус Генделева родился тогда. Саша Бренер остался. Немного раньше, еще до нашего приезда, был написан, по-моему, один из самых великих русских романов... Смешно так говорить о тексте, которого не знает практически никто, но существует роман Эли Люксембурга «Десятый голод», и это литература такого уровня, какого на сегодня так никто и не достиг. Более того, никогда не достиг потом сам Эли. Это действительно великое произведение. Тогда же были отработаны попытки жанровых текстов – был написан первый роман Антона Носика и Аркана Карива «Операция Кеннеди». Собственно говоря, первый не попсовый роман Аркана «Переводчик» писался тогда же. Очень большую роль для того времени сыграл альманах «Саламандра», где публиковались и Егор Радов, и Олег Юрьев, и Саша Соколов, и Александр Гольдштейн. Помимо прочего, это был важный момент передачи лучшего, что было в русско-еврейской эмиграции, в том числе не израильской, следующему поколению. Не нужно забывать, что вновь обретающийся опыт – не только эмиграции, но армии, войны 1991-го – не шел ни в какое сравнение с опытом – фантастическим опытом, – который люди обретали в России, но транслируемым через телевизор. То есть когда ты берешь в руки автомат, или начинаешь читать на трех языках, или еще что-то с тобой молодым происходит, а в этот момент там в России по телевизору отменили карточки или талоны, Гайдар выступил или еще что-нибудь такое, на самом деле эпохального уровня катаклизмы, – это несравнимо... В Израиле в силу определенной армейской, школьной, университетской традиций, городских миграций поколения меняются страшно быстро. Вслед за нами там уже

появилась большая постпанковская поэзия. Ее провозвестником выступила Аня Горенко, которая была, безусловно, умница и одареннее всех нас в разы. И ужас состоит не только в том, что она умерла, а в том, что это никому не объяснить. Корпус текстов, который после нее остался, существует в сегодняшнем контексте... Ее открыли, она реально вернулась. Четыре книжки вышло в России, четыре книжки человека, который давно мертв. Но они попали в сегодняшний контекст, когда уже многие так могут. А ведь она это делала в 1992–м, 1991–м, без знания английского, не изучив никакой постоксфордский опыт – тогда это абсолютно сносило башни. И ей снесло до конца. Есть автор, который смог вырваться и стать известным (с поправкой, разумеется, на известность поэтов вообще), – это Леонид Шваб... Леонид Шваб, Петр Птах – это все ребята, которые появились в 1995–м, на отрицании, в каком-то смысле, Иерусалимского литературного клуба и этой вот просодии колониально-военственной. Они были всегда ориентированы на рок, что позволяло им иметь более тесную культурную связь с Россией. И те из них, кто был упорен и чего-то стоил, добились успеха. В частности, Леня Шваб – гость всех фестивалей, его книжки издаются в России. И сейчас только что вышла новая книжка, вместе со Сваровским.

– Как складывалась твоя судьба, менялись интересы уже в следующее десятилетие, после 1995 года?

– Четыре года мы занимались «Ситилайном», затем продали. В этот момент опять начались какие-то выборы, какие-то смещения, передвижения. Я пробовал себя в медийных историях вокруг ОРТ, «Независимой газеты», «Коммерсанта». Это так увлекало и кормило одновременно, что в некоторой степени осталось до сих пор.

– Это вопрос денег или вопрос содержания?

– Содержания тоже. Сегодня я отношусь к этому не романтически, как тогда, когда подобные занятия были для меня внове. Сейчас это не романтика, а прагматика. Но все равно очень интересно.

– А каким образом в тебе уживаются литературные пристрастия с занятием издательско-журналистским делом?

– Они конфликтуют только потому, что и то, и другое требует времени и претендует на тебя полностью. А во всем остальном они не конфликтуют. Я когда-то даже написал большой текст, объяснявший, что в информационную эпоху высказывания имеют разную форму. А все, что нам нужно, – это получить право на высказывание. И в этом смысле настоящий бизнес, настоящий менеджмент, настоящая политика – это в сегодняшнем мире право на высказывание, которое ты реализуешь тем или иным образом.

ИМЕНИ ОТЦА И СЫНА

Àí à Èṣàḗṣàì

Содержание нового романа Давида Гроссмана^Ш удобно выразить в геометрических фигурах: любовный треугольник, последовательно вписанный в замкнутый круг безумия и в квадрат идеологически предопределенных представлений о жизни и судьбе. Напряжение действия достигается не только конфликтными ситуациями внутри каждой фигуры, но и взаимоотношениями всех частей конфигурации.

Имея в виду описанную структуру, попробую кратко пересказать 632 страницы густого текста, сознавая, что эта задача соответствует попытке ужать содержание «Войны и мира» до размера телеграммы.

Треугольник состоит из двух мужских фигур и одной женской. Все они нагружены таким количеством поводов к психическому нездоровью, что круг безумия вырисовывается без натуги. Ора – дочь узников фашистских концлагерей, что предполагает навязчивые состояния, неоправданные страхи и постоянную неуверенность в себе и в реальности окружающего мира. Все эти предписанные учебниками психологии качества свойственны Оре, ни одно не пропущено. Две мужские стороны треугольника не менее типичны: рыжий Арлекин-Аврам и черноволосый Пьеро-Илан, оба из разрушенных семей – положение, отсылающее к другой главе учебника. Аврам еще и нежеланный ребенок – пропавший из виду в раннем детстве героя отец предполагает, что он был не рожден матерью, а высран (так в тексте!) ею в туалете. Что до Илана, тот вырос в воинской части на руках отца-солдафона, силой забравшего ребенка у матери.

Герои знакомятся в отроческом возрасте в больничном карантине, куда все трое помещены ввиду желтухи. Идет очередная война, больница пуста, остальные больные отправлены в бомбоубежище. Первые 80 страниц текста оказываются наполнены горячечной отроческой болтовней с моментами просветления, отсылающей то к Сэлинджеру, то к Льву Кассилю. Однако уже здесь закладывается основа треугольника: Аврам любит Ору, но считает, что она достойна большего, то есть Илана. Илан же не в состоянии определиться – есть подозрение, что он тянется к Авраму, проявляя скрытые гомосексуальные наклонности. Что до Оры, то она явно желала бы иметь под рукой обоих. Так и получается: Ора зачинает одного сына от Илана, другого от Аврама.

Примерно с сотой страницы центром повествования становится уже Офер, сын Аврама, считающий себя сыном Илана. К этому моменту семья Оры распалась, Илан с сыном Адамом сбежали от ее идеологических поучений в Южную Америку, а Офер предпочитает путешествовать с матерью по Галилее добровольную мобилизацию для участия в большой военной кампании.

Обезумевшая Ора, до того искавшая острых ощущений в поездках особо взрывоопасными автобусными маршрутами, решает, что Офер обязательно погибнет в этой войне. Спасти его может только одно: если она, Ора, сбежит в никому не ведомое место. Тогда похоронку некому будет вручать, и судьбе ничего иного не останется, как оставить Офера в живых. А дабы зловредная судьба не забыла о нем, Ора без конца рассказывает историю его краткой жизни Авраму – тот ничего не знает о сыне, поскольку еще до его рождения решил «выпасть из обихода».

После «похищения» Аврама Орой и примерно пятидесятистраничной истории отношений Оры с арабским шофером Сами (втиснутой, очевидно, ради сохранения баланса между еврейским и арабским страданием в израильско-палестинском конфликте) мы наконец приближаемся к завязке всей этой истории.

Завязка же такова. В канун субботы Ора, уже поступившая на факультет физиотерапии (факт немаловажный, поскольку многочисленные эпизоды соития в романе рассказаны с аккуратностью и отстраненностью физиотерапевта), получает задание от Илана, служащего вместе с Аврамом в армейской разведке: назвать имя того из двух ее сожителей, который сядет в прибывшую на военную базу в Синае машину. Куда идет эта машина, героиня не знает, но предполагает, что речь идет об увольнительной. Однако в результате ее решения Аврам отправляется в отдаленное воинское подразделение на Суэцком канале. Так вводится в роман дополнительный трагический элемент жребия и рока.

Дальнейшие приключения Аврама ужасны: разражается война Судного дня, он попадает в египетский плен, там его зверски пытаются и даже хоронят заживо. Ему все же удается выжить, но прежний Аврам мертв. И хотя Оре удается физиотерапевтическими методами пробудить в живом трупе эротическое трепетание и даже забеременеть в результате этого эксперимента, Аврам выпадает из ее с Иланом жизни, вообще из жизни в обычном понимании.

Как проходит не-жизнь Аврама, мы узнаем только к концу романа. Пока же повествование фокусируется на семейной истории Илана и Оры, начинающейся рождением их сына Адама. Однако Илан после появления ребенка отказывается вернуться к Оре: он полагает, что и она, и Адам должны принадлежать Авраму. Возвращается в семью Илан только после рождения Офера, чтобы жертвенно заменить ему отца. Он несколько тяготится тем, что живет не за себя, а за того парня, но находит в этих тяготах особую прелесть наказания за совершенное при жеребьевке преступление.

Ора же все не может решить, вышла ли она замуж за того, кто был ей предназначен. Впрочем, основная драма ее состоит в другом: героиня считает себя половой тряпкой, брошенной к ногам сыновей, мужа и окружающей среды. Слово «смартут» («тряпка») является ключевым в бесконечном бормотании Оры.

Основные подробности всей этой запутанной истории мы узнаем во время многодневного путешествия Оры и Аврама по маршруту, называемому «тропинкой Израиля». Здесь им встречаются люди из самых разных слоев израильской

«нормальности»: религиозные и светские, пожилые и молодые. Ора рассказывает Авраму о его сыне, о том, что произошло между ней и Иланом за годы отсутствия Аврама, о себе и о том, что случилось с самим Аврамом во время его беспомощности.

В результате Аврам постепенно возвращается к жизни, тогда как Ора, высказав свою жизнь и вручив жизнь Офера на сохранение Авраму, лишается жизненного импульса. Предположительно, это происходит из-за предчувствия гибели сына. В то же время кататоническое состояние настигает Ору, когда выясняется, что не-жизнь Аврама проходила вполне благополучно, в богемной среде, имеющей собственные правила существования, и что надежда на дальнейшую счастливую жизнь с ним вряд ли может осуществиться, поскольку существует девятнадцатилетняя Нета, пытающаяся родить Авраму дочь. А тут еще Илан, узнав о злоключениях Оры и Офера, решает возвратиться домой. Так высокая трагедия превращается в фарс, и возникает недоумение относительно идеологической позиции автора.

Давид Гроссман – израильский левый, активно участвующий в политической жизни. Выразителем его идеологии, составляющей обязательную часть творчества этого автора, является, несомненно, Ора. Между тем симпатии автора отнюдь не находятся на стороне героини. Ей противостоят не только Илан и старший сын Адам, персонажи, в общем, положительные, но и весьма симпатичные попутчики на «тропинке Израиля», а главное – любимый сын Офер.

Концовка же романа и вовсе ставит Ору в ситуацию полного этического краха. Ее позиция оказывается не только тупиковой, но еще и морально сомнительной. Что стояло за безумной затеей побега от судьбы: забота о сыне, неприятие господствующей этической нормы или матримониальные планы покинутой женщины, решившей возродить Аврама, чтобы заменить ушедшего Илана? И какой посыл откровенно ангажированного автора просматривается сквозь крах нравственной позиции Оры?

Роман Гроссмана с момента его появления на прилавках не сходит с первых мест в списке израильских бестселлеров, что объясняется сразу несколькими факторами. Во-первых, он написан по принципу остросюжетного телесериала, в котором каждая новая глава дополняет, опровергает или показывает с новой позиции все, рассказанное прежде. Поэтому фактор «что будет дальше и что на самом деле произошло раньше?» держит читательское внимание в напряжении на всем протяжении увесистого тома.

Во-вторых, автор умело играет как на узнаваемости героев и ситуаций, в которых присутствуют отголоски истинных биографий и происшествий, известных из СМИ, так и на эмоциональном настрое читателей. Бесконечная борьба за выживание действительно вымотала израильтян до предела. В реальной жизни им приходится подавлять импульс к проявлениям отчаяния и безумия, тогда как роман Гроссмана (во

всяком случае, первые три его четверти) легитимизирует эмоциональный взрыв и даже провоцирует его, вызывая читателя на катарсис.

К этому следует прибавить замечательное владение ивритом, изысканное словотворчество, прекрасное знание оттенков народной речи во всех ее вариантах и умелое цитирование и пародирование идеологических блоков мышления. Читатель с легкостью узнает в героях себя, своих соседей и сослуживцев, друзей и недругов, что создает ощущение полной правдоподобности текста, несмотря на то что, намеренно или бессознательно, автор сдвигает многие детали примерно на десятилетие вперед.

Так, юный Аврам не мог пользоваться электронной аппаратурой, мобильные телефоны с рингтонами не существовали или не были распространены в середине 80-х, да и молодежный язык Адама и Офера соответствует следующему за ними поколению израильтян. Это несоответствие можно отнести на счет личной трагедии автора: во второй ливанской войне погиб сын Гроссмана, Ури. И хотя автор специально предупреждает читателя, что книга была написана почти полностью до этого события, а потому не носит автобиографического характера, временные сдвиги в речевой характеристике Офера намекают на его родство с погибшим сыном.

Но, уважая желание автора, не станем ставить ни содержание романа, ни его странную концовку в зависимость от личной трагедии Гроссмана и припишем эти факторы растерянности израильской левой перед нежеланием арабских партнеров занять предложенную им гуманистическую позицию с целью прорвать общий круг безумия, в который ввергла евреев и арабов нескончаемая «столетняя война».

^[1] Давид Гроссман. Иша борахат ми бсура («Женщина, убегающая от дурной вести»). «А-кибуц а-меухад», 2008.

Минусы и плюсы

מִנּוּסֵי וְרוֹשְׁוֹת עֵיִד אִיִּדֵּעֵי

Для меня, как, наверное, для многих людей, говорящих о той или иной национальной литературе, самый нетривиальный вопрос – это вопрос о границах предмета разговора. По моему убеждению, национальная литература – это литература, черпающая из общих истоков прошлого. Ни национальность автора, ни место его проживания, ни язык, ни даже задачи, которые автор ставит перед собой, мне кажется, не имеют к этому отношения – только те болевые точки авторской самоидентификации, которые соотносят его с прошлым той или иной нации. Поэтому для меня романы, к примеру, Меира Шалева – это еврейская литература, а Филипа Рота – нет, поэзия Бориса Херсонского – еврейская, а поэзия Иосифа Бродского – никоим образом. И следовательно, тот факт, что персонажи того же Рота или Вуди Аллена – характерные еврейские неврастеники, еще не повод говорить об их прозе как о явлении еврейской литературы.

Более того, я вообще не знаю, представляет ли интерес деление литературы по национальному признаку. Я понимаю, что это важная издательская стратегия, важная маркетинговая стратегия (хотя, на мой взгляд, и ошибочная, о чем ниже). Но что выигрывает читатель от того, что ему маркируют ту или иную книгу как еврейскую или нееврейскую? Я вижу здесь только один вариант ответа: если для читателя часть самоидентификации в национальном вопросе складывается через приобщение к тому, что он принял для себя как национальную культуру, то есть если человеку для того, чтобы почувствовать себя евреем, надо читать маркированно еврейскую литературу – тогда да, тогда важно, чтобы на книге это было написано. Но в любом ином случае – я не могу вообразить, зачем это нужно.

Совсем другой вопрос – что выигрывает автор, если он решает написать еврейскую книгу. Это я более или менее понимаю, потому что каждый раз, когда человек пишет книгу – не делает продукт, а именно пишет книгу, – он разбирается со своей идентификацией. И тут я могу представить десять тысяч причин, от семейно-индивидуальных до исторических и психологических, по которым человеку нужно написать что-нибудь, на чем большими буквами значилось бы слово «еврейское».

То, что еврейская литература интересует нас как отдельный феномен, – это наша проблема, а не проблема литературы. Обостренное внимание в России к этому феномену вызвано тем, что сегодня, как и всегда в истории еврейской диаспоры, существуют два разнонаправленных вектора. Один – это вектор ассимиляции, то есть желание быть неким усредненным человеком на этой территории. Другой вектор (исходящий обычно от других людей, но иногда от тех же самых – и тогда их жальче

всего) – это потребность сохранить национальную идентичность. Вся история с еврейской культурой, еврейской литературой, еврейской музыкой – это попытка примирить два этих вектора. Мне искренне кажется, что попытка в некотором смысле безнадежная.

В этом контексте мне очень интересно то, что происходит в России – да и во всем мире – со скандинавской литературой. Она прекрасна сама по себе, вне зависимости от того, сколько скандинавов среди нас и как мы к ним относимся. Издатель, который решает издать книгу скандинавского автора, делает это не потому, что любит скандинавов, а потому что ему нравится книга.

Воспринимается ли при этом скандинавская литература как целое? Да, но не потому, что она так маркирована, а потому, что у нее есть реальные объединяющие черты. Они безусловно есть и у еврейской литературы, но мне кажется, что создаваемый фон, то есть педализация ее еврейскости, играет в этом условном когнитивном объединении большую роль, чем сами тексты. Мне кажется, для читателя это минус. Многие книги выигрывали бы, если бы их еврейскости уделялось меньше внимания. Другое дело, что есть коммерческие соображения, грантовые соображения, какие-то еще – но соображения культурные присутствуют здесь в последнюю очередь.

Недавно проект «Эшколь», с которым я работаю, привозил в Москву удивительную израильскую писательницу Лиззи Дорон. Она очень сложный персонаж, книга ее «Почему ты не пришла до войны?» на русский плохо переведена, но сам роман абсолютно прекрасен. Она из так называемого второго поколения выживших в Холокосте, то есть сама Дорон родилась уже в Израиле, но ее родители пережили Катастрофу. В своих книгах она, собственно, и рассказывает о мире детей, которые сами Катастрофу не видели, но которым она досталась «по наследству» как тяжелейшая семейная травма.

Я свято верю в существование еврейской тематики вне Холокоста, при всей важности этой темы. И меня история с Дорон больше всего заинтересовала тем, что она говорит об этой теме по-другому и, главное, описывает другой исторический период, о котором здесь не знают почти ничего. Для отечественного читателя еврейская литература – это то, что либо про Холокост, либо про – условно – «мир Бабеля» (для американского добавляется еще библейская тема). Все, что до, после или параллельно, выпадает из поля зрения.

Сейчас неважно, издательский ли это выбор, рыночный или исторический. Понятно, что у советской еврейской литературы была своя специфика, у раннеперестроечной еврейской литературы – своя. Но так или иначе, создается впечатление, что очень часто издатель делает выбор не в пользу текста, а в пользу тематики. Мне кажется, от этого не выигрывает никто: ни сам издатель, ни автор, ни читатель.

Упомянувшийся выше проект «Эшколь» пытается демонстрировать в очень широком диапазоне то, что существует в современной израильской и еврейской культуре. Некоторым образом мы решаем антизадачу по отношению ко всему тому, о чем шла речь выше. Мы не стремимся показать, что еврейское – это обязательно про евреев и для евреев. Наоборот, «Эшколь» утверждает еврейское и израильское как общекультурное, вписанное в мировой контекст, интересное любому человеку, которому в принципе интересны близкие жанры, стили или темы. Конечно, как всякое культурное явление, оно основывается на языке и национальной специфике, черпает из них – но не исчерпывается ими.

Кстати, как человек, который зарабатывает свой хлеб маркетингом, я бы не рекомендовала клиенту педалировать еврейскость чего бы то ни было. И не потому, что это плохо или вокруг сплошной антисемитизм, – а потому, что это скучно. Какую бы книгу ты ни издавал, будь она хоть об исходе из Египта или о чем-то другом, столь же укорененном в еврейской культуре, у нее должны быть достоинства книги, а не национальная маркировка.

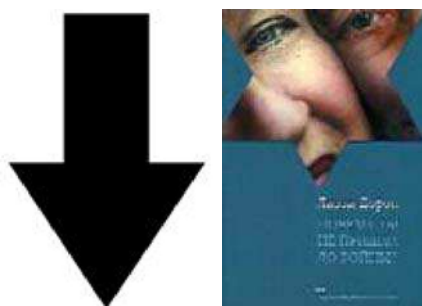
Точно так же любая книга, на которой большими буквами написано «великий русский роман», – скорее всего, полная дрянь. Видимо, людям, которые так продвигают свой товар, больше нечем похвалиться. От аудитории своей они многого не ждут, потому и адресуются к ней столь незамысловатым способом. Это их право, но нужно ли читать такую книгу – не очевидно.

У нас есть прекрасные переводчики с иврита. Я могу назвать по крайней мере трех совершенно блестящих переводчиков. Это Светлана Шенбрунн (которая к тому же выдающийся писатель) и Рафаил Нудельман с Аллой Фурман. Не хуже обстоят дела и с переводами с идиша. Очень много литературы, которая считается еврейской, но переводится с английского, и с этими текстами тоже есть кому работать.

Поэтому основная проблема того, что традиционно понимается под словами «еврейская литература», – это проблема маркетинговая: то, как эти книги оформляются, продвигаются, позиционируются. Надо научиться честно подходить к книге как к конкретному продукту. Нет двух одинаковых книг, нет двух одинаковых авторов, нет двух одинаковых целевых аудиторий, когда речь идет о литературе, столь слабо объединенной – исключительно по национальному признаку. Мы знаем серии и издательства, выпускающие еврейскую литературу, но при этом внутри таких серий мы не видим другой связи книг, кроме общей национально-исторической тематики.

Между тем мы прекрасно понимаем, что изданная когда-то «Мостами культуры» прекрасная книга Роберта Рокауэя про еврейских гангстеров в Америке «Зато он очень любил свою маму» и выпущенная значительно позже издательством «Текст» повесть Давида Гроссмана «С кем бы побегать» требуют двух принципиально разных стратегий и ни одна из этих стратегий не должна быть маркирована еврейской. Полагать, что на рынке есть общая ниша для Рокауэя и Гроссмана, – это все равно что продавать книги в красных обложках и считать цвет переплета весомым объединительным признаком.

Одна из основных проблем с использованием слова «еврейское» как промотактики – в том, что на каждой последующей книге доверие читателя снижается. Тот факт, что человек с удовольствием прочитал Говарда Фаста, совершенно не гарантирует, что он прочтет Шалева и останется доволен. А с третьего раза он просто перестает доверять объединяющему признаку.

Кроме того, нет издателя, продавца или маркетолога в этой стране, который не охотился бы за одной и той же аудиторией: грубо говоря, от 18 до 35, средний достаток, высшее образование. Но к этой аудитории слово «еврейский» апеллирует менее всего. Даже те из них, кто считает себя евреем, кого интересует история, интересуют истоки, – даже эти люди готовы быть евреями в том числе, среди прочего. Безусловно, есть люди, для которых это значит больше, которые евреи в первую очередь: есть люди религиозные, посвящающие свою жизнь еврейской культуре, – но это другая категория. Если мы говорим о том самом «среднем» читателе, который живет своей «средней» жизнью, где национальность не главное, то он сначала сын своих родителей, отец своих детей, друг своих друзей, представитель своей тусовки, профессионал – а потом еще и еврей. Это лишь маленький кусочек его идентификации. Говорить с ним, опираясь на этот кусочек, который к тому же, коль скоро речь идет о еврействе, ни у кого не бывает просто устроен, – это очевидный тактический промах.

Я пишу все это как человек раздосадованный. Я слишком часто вижу, как очень достойные книги проходят мимо внимания читателя. Они могли бы получить больше внимания, но тогда придется отказаться от очень важной части издательской политики, от того, что они в первую очередь еврейские и только во вторую – книги. Я вижу и противоположные примеры – когда книга, которая в рамках каких-то грантовых программ выходила бы как еврейская, издавалась на общих основаниях и получала куда больший отклик. Наверное, лучший пример здесь опять же Филип Рот, который получил прекрасную прессу и приличные тиражи, потому что на нем не стояла эта маркировка.

PRO ET CONTRA

Демьян Кудрявцев

Близнецы

СПб.: Амфора, 2008. – 250 с.

АМБИВАЛЕНТНЫЕ «БЛИЗНЕЦЫ»

Есть множество причин быть недовольным романом Демьяна Кудрявцева. Назову некоторые. Во-первых, это не роман вовсе. Слишком кудреватое пишет Кудрявцев для современного романа, пусть даже канон такового весьма расплывчат и предполагает абсолютную свободу, стилистическую прежде всего. Другое дело, что свобода эта понимается несколько однобоко, как лексическая раскрепощенность, не стесняющая себя в словах и выражениях, как сюжетная необязательность, как прямое, непосредственное излияние эмоций, действий, жестов. Но простота, облегчающая восприятие наррация все же доминируют. Современный роман не утруждает, как правило, читателя напряженным чтением.

Кудрявцев же, по существу, пишет поэму. Повествование слагается из ритмических фрагментов, проза явно стремится к стиху, внутренние рифмы и рифмы просто сбивают, задерживают внимание, обязывают замедлять чтение. Можно подумать, что это и не проза вовсе, что накопленный Кудрявцевым поэтический опыт, воплотившийся в двух его лирических сборниках, его «Практика русского стихосложения» нашли для себя подходящий сюжет, заслонились «эпическими» героями, надели маску условного рассказчика, другого первого лица, которое вытолкнуло авторское лирическое «я» в зону отстранения и присвоило себе кудрявцевские интонации. А сюжет петляет, перескакивает с пятого на десятое. Действие то забегает вперед, то возвращается назад. Никакой линейности. И это вторая причина для раздражения. Следить за историей персонажей, за событийной пестротой не так уж легко. А если не следить, то можно потерять нити повествования, запутаться в нарочитом временном лабиринте, в отношениях персонажей, в том числе и главных героев – братьев-близнецов Юрия и Льва Сори.

В-третьих, лирико-ритмическая стихия может показаться тем более неуместной, излишней по той простой причине, что перед нами хроника двадцатого столетия. Мелькают в «Близнецах» не только «времена», но и «места». Топография романа распространяется практически на всю географическую карту земного шара – здесь

и Палестина, и Крым, и Одесса, и Россия, и Южная Америка, и Америка просто, и Ближний Восток, и Восточная Европа. Хаос войн, революций, «конфликтов» увязан с разбросанными во времени и пространстве «горячими точками». Это путешествие по «памятным местам и датам» двадцатого века – настоящее кочевье, и недаром столь отчетливо звучит цыганская нота в романе (бабка близнецов перед смертью приходит к цыганам, цыгане все время рядом на протяжении одесской жизни братьев, и цыгане же в критический момент переводят братьев через советскую границу).

В-четвертых, эта «всеохватность», это пространственно-временное разнообразие как будто воплощается в самих героях, в их родовой предыстории, в их происхождении (в них течет еврейская, английская, немецкая кровь) и в их судьбе, в жизненных скитаниях. И конечно, такой «синтез», такое «соединение» английской гувернантки, еврея Хаима, немецкого военнопленного и еще, между прочим, русского вора (хоть и отчима) можно расценить как слишком уж фантастическое даже для фантастического двадцатого века.

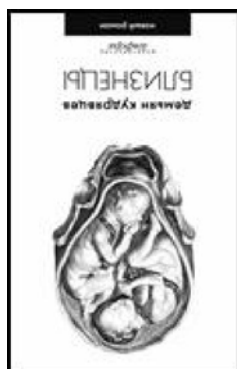
По Кудрявцеву, кстати говоря, двадцатый век начинается с возникновения Государства Израиль – сценой официального объявления о создании Израиля роман открывается. Но это символическое начало романа (и начало героев, в это же время родившихся) – для «века» же важно возникновение, оформление позже воплотившейся идеи. И в этом «оформлении» принимает участие дед близнецов – Хаим.

А завершается двадцатый век 11 сентября 2001 года. Поэтому «Близнецы», конечно, это еще и нью-йоркские башни-близнецы, и здесь, безусловно, исток, отправная точка романного замысла. Отсюда, ретроспективно, отмеряя обратный отсчет, начинал складываться роман, но отсюда же звучит и голос рассказчика, его слово об истории рода и века. Получается, что это еще и роман о терроре, который кровавой нитью пронизывает все двадцатое столетие.

Наконец, можно счесть фабулу романа – близнецы, из которых один выдает себя за другого, – банально-искусственной. Причем банальность эта подчеркнута несколько неуклюжим ходом – Юрий Сори проводит восемь лет в коме, чем и воспользовался его брат Лев.

Любопытно, однако, то, что практически каждая из названных особенностей кудрявцевского текста может рассматриваться и с противоположным, положительным знаком. Такая вот амбивалентность.

Í èèèèèè Äèèèèèèè äèèèèèèè

НИЧЕГО ТОЛКОВОГО НЕ ПРИДУМАЛ, ТОЛЬКО, ВПРОЧЕМ, КРАСИВЫЙ РОМАН

Роман, порожденный прозвищем Башен, не замечен жюри двух крупных премий, удостоился парочки, гм, рецензий – одна незнамо что вдруг про спортсменов, с «Онегиным» сравнивает другая^[1]. Остальные критики, зная, не в силах прочесть столь плотно сплетенный текст. Он туг и жесток, и эта жесткость немногим читателям по глазам.

Роман написан стихушной прозой – та-тА, та-тА-та-та, тА, та-тА; упорный читатель ждет рифмы «розы» – ее не находит, теряет и ритм. Зато в изобилии каламбуров и всякое, что незабвенный Велюров выдумывал в поте лица своего. Наш автор, играясь и улыбаясь, набоковским слабостям потакал.

Сюжетом роман в угоду стилю, как это случается, не обделен и бодро скачет по плоскости века. Однако же не детектив, увольте, и зря ему аннотации льстят. Саспенс нас ни за что не держит, а если мы чего и не знали, то разом узнанное в концовке – одна лишь красивость, а не ответ.

На фрак романа нашиты карманы, в каждом кармане лежит грузило: то нам про Бен-Гуриона зычно, то про доставку кокса пространно, о гемеллологии тоже немало, тут же и Санчес, Ильич Рамирес... Эрудит вы, батенька Демьян Борисыч, только на что оно все потребно в складной истории о близнецах.

В школе их не любили молча, весь день сапоги свои чистил отчим, мать грубо метала на стол котлеты, потом в них стреляли, их предавали; козлы охранники, девки – бляди, неприязнь разлита по нефти и коксу, и ненависть целится из калаша. Ни к маме, ни к брату, ни к нежной голубке ни грамма чувства, любви ни на грош. Весь роман проводишь в холодной жиже и морщишься в такт перестуку страниц.

Но с судьбой у героев все слава Б-гу – их биография столь неполога, что круче, как говорили в детстве, будет разве что только яйцо. Зачатые оловянной ложкой из замороженной прям во льду (вон как умели у Черного моря – без всякого, понимаешь, азота! Тут эрудиция изменила – иль это магический реализм?), внуки подпольщика-сиониста, сыновья тайные пленного фрица бежали с цыганами, стали – кто где: журналистом-военным-террористом-бароном, Лондон-Бейрут-Белград-Кашмир, Москва-

Тирасполь-Стамбул-Богота, миллионы-нефть-кокаин-самолеты, и трупы грядями до горизонта, чуть некрофильский, однако, роман.

Их судьба нарочито необычайна, необычайно же нарочита, Демьян Борисыч рисоваться мастер, как, впрочем, мастер и рисовать. В огне и крови зашкаливающего цинизма языком филфакковского словоплета проложена пара суровых мужских историй (довольно гадкие обе, сказать по правде) – остается только вопрос: зачем?

Ааааа Аааа

АННОТАЦИИ

Яков Шехтер.

Астроном

Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 509 с.

Новый роман русскоязычного израильского прозаика состоит из двух частей, действие которых происходит в Кургане и в Израиле. Книга насыщена вставными историями, сновидениями, подробными рассказами персонажей о чем угодно, а также драконами (драконья почта, оказывается, была учреждена в России Петром Первым) и всевозможной мистикой. И все бы хорошо, если бы не стиль – совершенно свойский, разговорно-залихватский. Этакая популярная каббалистика, изложенная языком Николая Носова.

Евгений Минаев, Леонид Вяземский.

Аля эш, или Лучше наличными

М.: ОГИ, 2006. – 496 с.

Плутовской роман. Главный герой – бизнесмен Миша. Сюжет вертится вокруг коммерческих махинаций. Первая часть – перестройка, кооперативы, Харьков, предприятие по выращиванию шампиньонов. Вторая – Хайфа, русская алия, голодающие художники, картинная галерея, создаваемая предприимчивыми грузчиками, агрессивная раскрутка, вмешательство спецслужб. Совершенно очевидно, что две части написаны разными авторами. Если первая безоговорочно бездарна, то вторая немного сглаживает удручающее впечатление, хотя и испорчена литературным ширпотребом. Но общий итог неутешителен: и Миша не стал новым Остапом Бендером, и из Минаева с Вяземским не вышло Ильфа и Петрова.

Из истории еврейской музыки России. Вып. 2

СПб.: Центр еврейской музыки Еврейского общинного центра; Российский институт истории искусств, 2006. – 276 с.

Кто он, Михаил Арнольдович Мильнер, памяти которого посвятили два десятка статей историки и музыковеды из разных стран? Активный член Общества еврейской народной музыки, возникшего в Питере в 1908 году, он стал свидетелем и участником недолгого расцвета российской ашкеназской музыкальной культуры в 1920–1930-х годах, а на рубеже 1940–1950-х пережил ее разгром. Публиковался он скудно, однако профессионалам имя его известно. А ряд произведений Мильнера, таких, как «Унсане тойкеф» («Поведаем о святости»), вошли в сокровищницу мирового канторского искусства. В своих работах для театра этот выдающийся экспериментатор соединял несоединимое, например «Коль славен наш Г-сподь в Сионе» и «А-тикву». А еще была

симфоническая музыка, оперы. В опере «Иосиф Флавий» Мильнер использовал кантиляционные мелодии, используемые при литургическом чтении Торы. Ясное дело, при советской власти опыты эти могли рассчитывать лишь на хранение в семейном архиве. Друзья шутили: «Он пишет посмертные произведения...» Теперь время Мильнера пришло.

Í ää äí î ò äöëÿì è ðäáí ò äëë Áãð Ðäáíâ Í èçäëë Èëí èëí, È.-Ò. Äëí äí äçíí

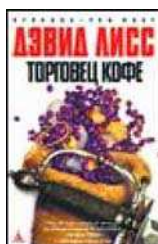
КОФЕ ПО-ЕВРЕЙСКИ

Дэвид Лисс

Торговец кофе: Роман.

Пер. с англ. И. Нелюбовой

СПб.: Азбука-классика, 2008. – 464 с.

Португалия XVII века – не самое благоприятное место для евреев: под страхом лишения имущества и даже жизни инквизиция требует от иудеев перехода в католичество, так что приходится или отказываться от веры предков, или вести двойную жизнь, или эмигрировать. Например, в Голландию. В отличие от Лиссабона, Амстердам – веротерпимый город, здешняя еврейская община легальна и уважаема. Однако, если старцы из маамада (верховного еврейского совета) рассердятся на кого-нибудь из своих соплеменников и закроют ему дорогу в синагогу, положение изгоя будет незавидным.

В новом романе Дэвида Лисса два главных героя, Мигель Лиенсо и Алонсо Алферондо. Оба коммерсанты, живущие в Голландии. Оба еврейские выходцы из Португалии и беглецы от инквизиции. Правда, Алферондо уже отлучен от здешней синагоги (постарался его недоброжелатель Соломон Паридо); ему ничего не остается, как стать ростовщиком и вести опасные дела с преступным миром Амстердама. Лиенсо пока член общины, хотя все четыре с половиной сотни страниц романа он будет находиться под угрозой сурового вердикта маамада. Причин суровости старейшин немало: тут и ведение общих дел с неевреями, и легкомыслие, и непочтительность, а также козни все того же неутомимого и влиятельного интригана Паридо.

Мучительные выяснения отношений с соплеменниками для Лиенсо очень некстати. В самом начале романа герой уже по уши в долгах (фьючерсная покупка партии бренди оказалась неудачной), его преследуют кредиторы (некоторые угрожают судом, а один даже убийством), родной брат Даниэль – тоже один из кредиторов – вот-вот может отказать ему от дома, а тут еще жена Даниэля, пугливая Ханна, имела несчастье влюбиться в брата своего мужа. В такой нервозной обстановке нелегко вести нормальный бизнес и уж совсем трудно проворачивать грандиозную сделку, которая может озолотить Лиенсо. Или окончательно пустить его по миру...

Американский писатель Дэвид Лисс прославился историко-финансовыми детективами «Заговор бумаг» и «Ярмарка коррупции», действие которых происходит в Лондоне первой четверти XVIII века. Главный герой первых двух книг – частный сыщик Бенджамин Уивер. А упомянутый Мигель Лиенсо – родной дедушка детектива Бени. Что же касается той самой великой сделки, для которой португальско-голландскому иудею не

хватает сущей мелочи – стартового капитала! – то она имеет отношение к торговле кофе (см. заголовок книги).

Лиенсо хочет стать кофейным магнатом европейского масштаба. Фокус в том, что в XVII веке кофе, успевший завоевать Восток, на Западе еще толком не распробован: популярнейший ныне напиток считался лекарством, которое продавалось в аптеках. Европейец, который догадается подсуетиться вовремя и первым провести ребрендинг этого товара, выиграет все. Лиенсо и хочет стать этим первым. Чтобы раздобыть денег для первых закупок кофе, герой готов на самые неожиданные альянсы. Поскольку «Торговец кофе» – роман детективный, то до самого конца читатель будет гадать, какую игру затеял хитроумный ростовщик Алферондо, кто за кем и почему шпионит, чем завершится конфликт с Паридо и пр. А поскольку Лисс – еще и профессиональный историк (степень магистра получил в штате Джорджия, над докторской диссертацией работал в Колумбийском университете), то его роман – не только увлекательное, но и познавательное чтение. Даже для тех немногих, кто равнодушен к кофе.

Роман Арбитман

БРАТЬЯ НАШИ БОЛЬШИЕ

Ант Скаландис

Братья Стругацкие

М.: АСТ, 2008. – 736 с.

1925 год. 28 августа. Батум. На берегу моря сидит бывший красный командир Натан Залманович Стругацкий. Он пока еще не знает, что этой ночью у него родится сын Аркадий, а через восемь лет – второй, Борис. И уж тем более не знает Стругацкий-старший, что оба брата-Натановича через несколько десятилетий станут ведущими писателями-фантастами в стране, где поэт – больше, чем поэт, а фантастика (если она талантливая и умная) может стать «нашим всем»: литературой, философией, социологией, учебником жизни...

Писатель Ант Скаландис (в миру – Антон Молчанов) из сегодняшнего далека знает о своих героях практически все. Биографического материала хватит на десять томов. Осталось изложить собранное в более или менее хронологической последовательности, не углубляясь в филологию. Анализом текстов пусть займутся профи. «В мои же дерзкие планы входит нечто совсем иное, – разъясняет автор, – а именно: дать читателю почувствовать атмосферу, в которой жили и творили АБС <...> рассказать, показать, из какого, собственно, сора росли их повести, не ведая стыда».

Удалось ли биографу задуманное? Далеко не везде и не всегда.

В тех эпизодах, где материал победил исследователя, книга напоминает склад артефактов из фильмов про Индиану Джонса: бок о бок громоздятся и ценности, и черепки, и тайны, не предназначенные для любопытствующих. Едва ли, например, следовало вываливать на публику все подробности непростых отношений с женщинами старшего из братьев. Да, конечно, коммерция, «толпа жадно читает исповеди, записки etc.», но не зря же своего потенциального читателя Скаландис именует «продвинутым»; книгу эту купят не охотники до чужого грязного белья. В стремлении сделать ВСЕ тайное явным нынешний биограф подчас ведет себя, как Айзек Бромберг из «Жука в муравейнике», – не самый симпатичный персонаж. Вдобавок сильно раздражает литературщина, в биографическом тексте совсем уж неуместная. («Пахло теплым ветром и мокрыми звездами, упавшими в море», «на удивление холодный осенний ветер равнодушно мел по асфальту желтую листву», «с реки налетел сухой жаркий, ничуть не свежий ветер», «вдалеке дрожали огоньки на темной воде, оттуда тянуло свежим, очень свежим ветерком»... Далось ему эти ветры!)

Впрочем, отдадим должное автору: на тех страницах, где он сумел обуздать материал и не сбился на дурную беллетристику, читатель может без помех следить за

уникальнейшим процессом творческой и человеческой эволюции братьев-фантастов: от романтиков-идеалистов, искренних адептов Светлого Коммунистического Будущего (время «Страны Багровых туч» и «Стажеров») до мудрых печальных реалистов (время «Улитки на склоне» и «Града обреченного»), всю жизнь преодолевающих тернии и постепенно с горечью осознающих, что их Мир Полдня – без донов Рэб, Камноедовых, Домарощинеров и прочего опасного паноптикума – есть недостижимая утопия; можно понастроить повсюду хрустальных распивочных и алмазных закусочных, но Массовый Сытый Невоспитанный Человек с шерстью на ушах все равно возьмет числом и отгеснит от раздачи бескорыстного мага-труженика, у которого понедельник начинается в субботу.

Скаландис дает слово друзьям, родным, знакомым, коллегам-единомышленникам, поклонникам Стругацких, цитирует редкие документы, включая политические доносы на своих героев, и не боится назвать негодяя негодяем. «Вся фантастика жестко поделилась у нас на два лагеря. С одной стороны, нормальные писатели, объединяющиеся вокруг АБС, а с другой – бездари, мракобесы, антисемиты, пригревшиеся под крышей “Молодой гвардии”...» – без экивоков сказано о ситуации середины 70-х, когда руководство упомянутого издательства вело со Стругацкими войну на уничтожение, твердо вознамерившись «вытеснить из фантастики евреев».

Эти и подобные пассажи, кстати, объясняют, почему книга так и не вышла в известной «молодогвардейской» серии «ЖЗЛ», для которой первоначально предназначалась. Похоже, нынешнее руководство «Молодой гвардии» все-таки решило обидеться за предшественников. Что ж, сердцу не прикажешь: духовные отцы – они у каждого свои.

Di ai Aðàèòì ai

ХОЛОКОСТ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Гвидо Кноп

Холокост. Неизвестные страницы истории

Харьков: Книжный «Клуб Семейного Досуга», 2006. – 336 с.

Видимо, все дело в том, что книга появилась как побочный продукт. Гвидо Кноп, историк известный и толковый, работая над документальным фильмом «Холокост», обнаружил массу материала, значительная часть которого в фильм не вошла – а у хорошей хозяйки, как известно, ничего не пропадает. Так сложилась книга «Холокост» – из конспективных выписок, отрывков интервью, цитат из документов и т. п. «При этом, – пишет автор, – были обнаружены источники, ранее недоступные <...> которые помогают исследователям закрыть пробелы в документальных свидетельствах». Ну что ж, вполне достойное оправдание бытия, *raison d'être*. Вот только чтение самой книги скорее разочаровывает и бытия ее совершенно не оправдывает.

Холокост – тема, с одной стороны, трагическая и деликатная, с другой – достаточно разработанная. Многие вопросы, и концептуальные, и фактографические, и источниковедческие, еще не решены, но, по крайней мере, сформулированы. Читатель вправе ожидать, что именно на спорных и принципиальных моментах будет сконцентрировано внимание автора и что в книге найдется и материал для ведения полемики с «ревизионистами», и недостающие звенья в картине исторических событий, и разрешение социально-психологических загадок, связанных с феноменом Холокоста. Но нет! К тому, что уже давным-давно известно, книга почти ничего не добавляет. Кроме того, она слишком мозаична для последовательного чтения, а отсутствие справочного аппарата делает затруднительным чтение выборочное.

А ведь «Холокост» Кноп – далеко не первая работа, посвященная данной теме. Издана «Черная книга», есть курс Открытого университета Израиля, переведена энциклопедия «Холокост», выходят публикации фонда «Холокост». Литературы уже много – и мемуарной, и художественной, и публицистической, и научной, и даже учебной, и на этом фоне книга Кноп смотрится весьма слабо.

Автор приводит свидетельства – но ничего не говорит об их достоверности, дает цифры – но никак не аргументирует расчеты, говорит о гетто, о вооруженном сопротивлении, о концлагерях – но не рисует целостной общей картины. Ясно, как людей убивали, но неясно, как они выживали, как им удавалось оставаться людьми. Юденраты, в частности в Лодзинском гетто, Кноп однозначно трактует как союзников нацистов, не упоминая, что в науке этот вопрос вызвал полемику. Сентенции вроде «Сталин вел Великую Отечественную войну единственно из соображений насильственной политики» больше свидетельствуют об антисталинизме автора, чем об объективной оценке событий.

А чего стоят трогательные истории о благородных офицерах, громовым голосом и железной дланью пресекающих бесчинства по несанкционированному уничтожению евреев! Гитлеровский антисемитизм, разумеется, выглядит как личная прихоть маньяка, никак не связанная с культурной традицией, а отношение немецкой интеллигенции к национал-социализму просто оставлено за рамками изложения. Похоже, автор, при всей своей объективности, не прочь внести лепту в мифологему о всеобщем немецком отвращении к нацизму и сопротивлении Гитлеру.

Конечно, есть и нечто новое, например, четкое утверждение, что Валленберг был двойным агентом, – но, во-первых, это никак не влияет на наше отношение к Валленбергу, а во-вторых, Кноп, вместо ясной отсылки к источнику, просто упоминает, что такие документы существуют в Национальном архиве в Вашингтоне.

Тем не менее автору удалось создать популярную книгу для начального ознакомления с темой – в полном соответствии с названием издательства. «Холокост» Кноп вполне подойдет для того, чтобы несведущий читатель получил общее представление о Катастрофе и задал сам себе некоторые вопросы, разбираться в которых придется уже с помощью других книг. Вот только упоминание Эли Визеля в женском роде и «новаторская» транслитерация ряда известных исторических имен и явлений – это нечто из области переводческо-редакторских анекдотов.

Ĭ èõàèè Èèì èèì

ГЕНЗБУР, СВЯЩЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

Серж Гензбур

Интервью

СПб.: Азбука-классика, 2007. – 320 с.

В том, что сын выходцев из России, живших в Париже, из Гинзбурга превратился в Гензбура, нет ничего удивительного. И в нашей стране в разные годы имелись талантливые Гинзбурги, которые считали нужным сменить нередкую фамилию, дабы не затеряться в толпе родственников и однофамильцев (взять хотя бы Галича и Лагина). Показательно, однако, что наш герой поменял вдобавок имя, полученное им при рождении. «Люсьен» – это звучало для него слишком слащаво, по-обывательски, а вот «Серж» – вполне богемно. По его мнению, Люсьен Гинзбург мог стать модным парикмахером либо, в лучшем случае, преуспевающим адвокатом или ювелиром, зато у Сержа Гензбура было куда больше прав и возможностей: петь, сниматься в кино и снимать кино, заниматься живописью и позировать художникам, дружить с самым безбашенным человеком Франции Борисом Вианом и крутить бурные романы с первыми красавицами Европы (Джейн Биркин, Брижит Бардо, Катрин Денев и др., и др., и др.).

Его фильмография занимает 10 книжных страниц, дискография – 16. Он снимался вместе с Жаном Габеном, Юлом Бриннером, Жераром Депардье, Жан-Луи Трентиньяном, писал музыку к фильмам Бертрана Блие, Жоржа Лотнера, Патриса Леконта. После того как его песня, исполненная Франс Галь, победила на Евровидении-1965, один из критиков восторженно писал, что Серж Гензбур «навсегда вошел в Пантеон французской песни вместе с Брассансом, Брелем, Монтаном». Сам же экспонат Пантеона обожал трепаться о том, как начинал свою карьеру пианистом в баре. «Я тот тип, – говаривал он, – который зарабатывает кучу денег за счет несерьезных вещей».

Будучи самобытным поэтом, он с бранью отбивался от самого слова «стихи», называя свои творения «текстами». Музыкант, композитор, исполнитель популярных песен, он объявлял во всеуслышание: «Музыка неестественна. Я никогда не пел. За исключением тех моментов, когда мне за это очень, очень дорого платили. Ну и в ванной...» Человек не бедный, он не боялся выглядеть клошаром и бравировал этим. Не нравится? Тогда можете идти в задницу!

Эротоман, нарцисс, анархист, американофил, джазлюб – вот лишь некоторые его ипостаси. Маленький, носатый, постоянно курящий, небритый, вечно поддатый, длиннорукий, похожий на умную говорящую обезьяну, он был ходячим символом французского нонконформизма 60-х и не обронзовел в 80-х. Жизнь без скандалов казалась ему стоячим мешчанским болотом, которое просто необходимо время от времени хорошенько взбаламучивать. Для Гензбура не существовало запретных тем. Вечный

провокатор, он и сам с удовольствием поддавался журналистским провокациям, изображая из себя насмешливое циничное чудовище. Выставить в галерее снимки своей обнаженной жены-красавицы? А почему бы и нет? Самому попозировать голым, да еще вместе с собачкой? Пожалуйста. Поговорить об инцесте, наркотиках, дадаизме, садизме, фетишизме, гомосексуализме, коммунизме, атеизме и прочих «измах» – да ради Б-га! Сфотографироваться в гробу? И это можно, без проблем.

Основную часть рецензируемой книги занимает интервью Гензбура с Бруно Байоном, где наш герой рассуждает о своей насильственной смерти как о чем-то уже свершившемся в 1989 году и оценивает себя и окружающих как бы из-за роковой черты, однако без свойственных покойникам хладнокровия и степенности (издателям даже пришлось потом исключить из текста пару оскорблений в адрес Ива Монтана – дабы не угодить под суд). Кстати, примерно в середине упомянутого интервью Гензбур вдруг раздумал умирать в 1989-м и решил, что пуля убийцы его только ранит, а он потом проживет еще полтора десятилетия. К сожалению, старушка с косой не послушалась и без спросу явилась к нему уже в 1991-м... Интересно, какими словами встретил ее раздосадованный маэстро и куда послал?

Di ài Àdàèòì ài

ИСТОРИЯ НАШИХ – ИСТОРИЯ ЧУЖИХ

Феликс Кандель

Книга времен и событий. Том 6. История евреев Советского Союза (1945–1970)

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2007. – 555 с.

Поскольку этот том уже шестой в серии, нет особого смысла рассказывать об авторском подходе либо о литературных и научных достоинствах книги: читатель уже имеет об этом представление из предыдущих пяти томов. Но нынешний том особенный. Он посвящен нашей истории, действительно нашей, без всяких переносных значений. Большинство людей старшего поколения просто-напросто жили в том времени, застав его в сознательном возрасте, а для тех, кто помоложе, – это история родителей, не говоря уже о бабушках с дедушками.

При всем том современная молодежь, как ни странно, знает об этом времени меньше, чем, например, о начале XX века или о годах революции. Не очень-то любит старшее поколение вспоминать позднесталинский период или хрущевско-брежневские идеологические кампании. И не только потому, что это было трудное время. Все-таки в Советском Союзе не было массовых антиеврейских погромов, газовых камер, официально провозглашенного геноцида. Бывали хуже времена... Но у Канделя описана история того, как все еврейское подавлялось силами в том числе и самих евреев, молчаливых участников либо искренних энтузиастов коммунистического строительства. Люди жили, работали, растили детей, слушали радио, читали книги, выступали на собраниях (внимание!), изо всех сил пытались зарекомендовать себя в качестве «простых советских людей», таких же, как остальные представители советского народа, а у кого хватило способностей – вошли в советскую культурную и научную элиту.

А что в них осталось еврейского? Есть такое определение: еврей – тот, кто участвует в организованной еврейской жизни. Но ни религия, ни язык, ни почти уничтоженная культура не могли быть таким фактором. Практически весь еврейский творческий потенциал реализовался в общесоюзной культуре. Евреи поверили (похоже, только евреи и поверили) в миф о «советском народе». Сразу вспоминается, как один еврей говорил Томашу Масарику: «Вы как были, так и остались, несмотря на единое государство, чехами, словаками, венграми, русинами – со своими традициями и амбициями, комплексами и претензиями друг к другу. Единственные настоящие чехословаки – это мы, евреи».

В СССР было нечто подобное. Многие фактически отказались от своей «особости», порвали с религией, даже заставили себя забыть свой язык. И Кандель рассказывает, что они за это получили. Никогда раньше не было столько верноподданнического холуйства: «Я, как и все еврейские трудящиеся нашей страны,

безоговорочно осуждаю...» А окружающие – и на бытовом, и на политическом уровне – продолжали считать евреев чужаками, и история евреев Советского Союза фактически оказывается историей советского антисемитизма. Именно антисемитизм был единственной организованной (хотя и не евреями) формой собственно еврейской жизни.

И вместе с тем книга Канделя – это и история преодоления. Преодоления в себе страха и комплекса еврейства как вины. Автор приводит массу историй, когда люди нашли в себе силы прозреть, сказать: «Я не верю этой власти. Я не верю ее мифам. Я еврей, и это прекрасно!» Прозрение досталось дорогой ценой. Кандель рассказывает о «космополитах», «деле врачей», Михоэлсе, Антифашистском комитете, антиизраильской пропаганде, преследованиях за изучение иврита, «отказниках» и многом другом.

Еврейская жизнь продолжается. Евреев в России не преследуют. Дисциплинированным спецслужбам объяснили, что Россия – демократическое государство, что евреи хорошие, что с Израилем мы дружим, и они это усвоили, с трудом верится, что могло быть иначе. Несколько лет назад услышал я от отставника, всю жизнь посвятившего «еврейскому вопросу», наивно-сокрушенно-изумленное: «Подумать только, было время, когда за это благородное дело – преподавание иврита – могли даже арестовать». Станет ли история российских евреев не историей антисемитизма, а чем-то другим или вечно оно, это бремя неприкаянности и чуждости? Времена и события покажут.

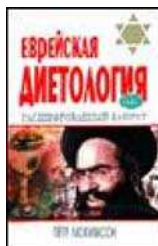
יֵעֹלְעֹל עֵינַי עֵלַי

К ДОКАЗАТЕЛЬСТВУ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ ПОНЯТИЯ «КОШЕРНОЕ»

Петр Люкимсон

Еврейская диетология. Расшифрованный кашрут

Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 249 с.

Что находилось в основе предписаний о разрешенной и запретной пище? Мнения на этот счет высказывались самые разные: 1) так повелел Г-сподь, и нечего тут обсуждать; 2) кашрут – это нечто вроде еврейской диетологии, законов о здоровой пище, и недаром евреи мало страдают желудком; 3) насекомых и разных ползающих гадов нам есть запрещено, потому что они «некрасивы», и т. д.

Общая для всех мировых религий современная тенденция объяснять древние запреты с рациональной позиции образованного человека, идти «в ногу со временем» приводит к распространенной аргументации о пользе кашрута, халяля, постной пищи именно с точки зрения оптимальности такого питания для здоровья. Книга Петра Люкимсона интересна тем, что автор, перечисляя подробные характеристики кошерной и некошерной пищи, не только не отстаивает идею «кашрут как диетология», а, напротив, опровергает ее. Оказывается, свинина портится без холодильника не быстрее, чем другое мясо, и сало ничем не хуже тех жиров, которые потребляют евреи. А огромное число евреев страдают ожирением от кошерной, но отнюдь не здоровой пищи.

Впрочем, анализируя в конце книги выросшую популярность кошерной еды среди неевреев, автор в качестве главной причины указывает на то, что «среди европейских и американских обывателей, как и среди россиян, в последние годы все более утверждается мнение, что кошерность товара является одновременно показателем его качества и полезности для здоровья». При этом Люкимсон не торопится опровергать заблуждения «обывателей», которые вскрывает ранее, а, наоборот, видит в таком положении дел «приближение мессианских времен». То есть неразумие «обывателей» – к нашему благу... Чем они глупее, тем быстрее Машиах явится.

Заодно могу порадовать тех правоверных евреев, которым свалится кусок мяса непосредственно с неба. Они могут не сомневаться в его кошерности, поскольку в Вавилонском Талмуде (Сангедрин, 59б) сказано, что такое мясо всегда кошерно – даже если кусок имеет форму осла. Более практический случай: если кто-то безумно хочет попробовать черную икру или когда-то ее успешно попробовал, но с тех пор, кашрута ради, не ест ее и мучится от вожделения, обратитесь к наследию главного раввина Праги конца XVIII века Йехезкеля Ландау. Он и его ученики твердо отстаивали кошерность осетра и стерляди, а значит, и икры этих рыб. Так что не все потеряно.

И самое главное: мясо водяного буйвола (*Bubalus bubalis*) недавно признано кошерным! К такому выводу пришел главный сефардский раввин Израиля Шломо Амар. Приятного аппетита!

P deé Oàààé

КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

Анатолий Козак

Евреи в мировой культуре

2-е изд., испр. и доп.

М.: С.В. Эмбаухов, 2007. – 376 с.

Вышла еще одна книга о великих евреях. Подобных книг, вообще говоря, легко написать множество – количество евреев, оставивших заметный след в истории человечества, громадно. Могу предложить всем, кто хочет стать писателем, простенький рецепт: возьмите Еврейскую энциклопедию на любом языке (хотя бы одностороннюю) и выпишите оттуда наугад разные персоналии начиная с Нового времени. Еврейские имена более ранних периодов выбирать вряд ли целесообразно – многочисленные раввины весьма важны для истории еврейства, но современная мировая культура их вклад еще не освоила.

Итак, выбираем наугад: Левитан, Рубинштейн, Амос Оз, Ботвинник, Ландау, фехтовальщик Марк Ракит. К ним добавляем еще сорок четыре имени, если хотим написать книжку «Пятьдесят великих евреев», девяносто четыре, если речь идет о «Ста великих евреях», и т. д. Затем отправляемся в библиотеку, набираем информацию из популярной литературы и компилируем главы книги. Вот и всё. Теперь можно делать второй том. Выбираем Бергсона, Льва Шестова, Гершвина, пловца Марка Спитца, бандитку Соньку Золотую Ручку, фокусника Копперфильда и производим те же операции. И так до бесконечности.

А можно поступить еще проще, как автор рецензируемой книги (почему-то сгномами на обложке). Просто собрать уже написанные в разное время и разными людьми статьи и заметки о знаменитых евреях – и составить из них сборник. Заодно указав себя, любимого, в качестве автора книги. Вы все, дорогие читатели, точно так же можете осуществить подобный творческий подвиг – и сразу станете писателями.

Даю еще один совет. Еврейство ряда знаменитостей под вопросом, так что лучше не включать их в ваш труд, иначе можно вызвать ненужные сомнения у читателей. Не стоит писать, к примеру, об Эйзенштейне – про него так толком и неизвестно, немец он или еврей. Едва ли Козаку нужно было поминать и Колумба, насчет марранского происхождения которого однозначных данных не получено. Приятно числить среди своих Катрин Денев – но где Козак почерпнул сведения о ее еврействе, остается полной загадкой.

Ну, и вряд ли имеет смысл включать в число «евреев в мировой культуре» разных революционных деятелей – вклад их именно в культуру весьма сомнителен. Кроме того, читатель, наткнувшись на Троцкого, вправе задать резонный вопрос: а где же Каменев с Зиновьевым? Впрочем, понятно, что это неизбежная проблема выбора. Вот и из современных художников автор отобрал Вадима Сидура, а Илью Кабакова не удостоил. Но ничего, евреев знатных еще на много книжек хватит. Хотя писателей у нас, кажется, больше, чем евреев...

Рdée Oàààé

ЛАБИРИНТ НЕОБЫЧНЫХ ИСТОРИЙ

Дмитрий Дейч

Сказки для Марты

Илл. Н. Поваляевой

М.: Гаятри, 2008. – 224 с.

В книгу израильского писателя Дмитрия Дейча вошло множество коротких текстов, сгруппированных в циклы: «Сказки и истории», «Прелюдии и фантазии», «Главы о прозрении истины», «Переводы с катаяского», «Большое космическое путешествие». В кратком предуведомлении автор поясняет: его книга – это попытка «вернуть словам смысл», ибо сие проще, чем «объяснять всем и каждому, что слова – бессмысленны».

Композиция сборника на первый взгляд весьма странная, даже алогичная. Необычны и тексты, в которых соединились традиции литературы нонсенса, борхесианские «штудии», восточная мудрость и что-то еще, трудноуловимое...

Что же это за тексты?

Философические параболы. Басни без привычных нравоучений. Анекдотические новеллы с легким мистическим колоритом (порой сдобренные тонким, английского типа, юмором). Парадоксальные истории полудетективного свойства. Псевдодревнекитайские легенды, предания и волшебные сказки (в этот цикл почему-то вкраплена миниатюра-небылица об Иосифе Бродском). Иронические вариации сказаний о Ходже Насреддине. А еще – сцена из древнегреческой жизни, рождественский этюд, вымышленные письма Моцарта, семейный мемуар о дедушке, полковнике Красной Армии Григории Дейче... И ряд текстов, с трудом поддающихся жанровой идентификации, как, например, «Мечты и молитвы Исаака-слепца»:

В доме Исаака было множество книг, и когда мы спрашивали, как же он их читает, Исаак отвечал, что нюхает каждую страницу и видит написанное так же ясно, как если бы он читал глазами. Когда кто-то из нас не поверил этому, Исаак предложил выбрать книгу, открыть на любой странице и дать ему в руки. Он понюхал страницу и прочел вслух...

В целом, все это – «необычные истории», фантастические байки, мистификации книгочех. Игры ума, лабиринты мысли. Сказки для взрослых, сохранивших в себе хоть что-то детское и игровое. В каждой из историй видны ум, эрудиция, умение оперировать актуальными литературными приемами. Почти все тексты к чему-нибудь «восходят», а порой литературные прообразы остроумно и парадоксально переплетаются (как,

например, в новелле «Новые подробности из жизни Маугли», где герой Кипплинга превращается в... капитана Немо). В стилевой и жанровой многоликости Дейча, в лаконичности формы, философских и эзотерических лейтмотивах, отчетливым «духе абстракций» и склонности к смысловым «сдвигам» есть что-то обэриутское.

Смешно ли это? Не слишком. Абсурдно? Вряд ли. Поучительно? Как сказать... Вот умно – да. Хорошо придумано и сделано – да. Пожалуй, «катайские» притчи – лучшее, что есть в этой книге. Здесь почти каждый текст сам по себе хорош, да и как цикл эти «Переводы» не лишены мудрой многозначительности (а подернутая иронией стилизация не переходит в нарочитую пародию):

Ю Пэн принес с Запада свиток с именами ста двадцати бессмертных. Одноногий Гао спросил его: «Есть ли в вашем списке имена облаков, гор и рек?» Ю Пэн ответил: «Нет, тут всего лишь одно имя и сто двадцать способов его начертания».

Жаль, что не все циклы – и сборник в целом – производят впечатление подобной гармонической цельности.

И наконец, большая удача издания – рисунки художницы из Минска Натальи Поваляевой. Ее графика тонко перекликается со странной, во многом герметичной книгой Дейча. А с удивительными маленькими человечками (их зовут «ваки») – главными героями иллюстраций Натальи Поваляевой – хочется снова встречаться на книжных страницах.

Àí äðäé Ĩ èðíøèèí

ИГРА КЛАССИКОВ

אייל וֹ אֵמילי קאַבאַקאָב

15 сентября в Москве в рамках программы «Классики современного искусства» открывается мегапроект Ильи и Эмилии Кабаковых. Он представит шесть инсталляций на четырех самых известных площадках столицы – в ГМИИ им. А.С. Пушкина, Центре современной культуры «Гараж» в Российском еврейском музее, Центре современного искусства «Винзавод» и галерее Марата Гельмана.

Это самый крупный проект за последние двадцать лет, когда Кабаков начал работать и выставляться на Западе. В 1988 году аукцион Sotheby's в Москве сделал бессмысленным деление на официальное и неофициальное искусство. 2,085 млн британских фунтов, заплаченных тогда западными коллекционерами за произведения «неофициального искусства», стали символическим и весомым жестом мирового признания. Чтобы понять, как много воды утекло с тех пор, достаточно сказать, что в феврале 2008 года за одну картину Ильи Кабакова «Жук» (1982) на лондонском аукционе Phillips de Pury & Co отдали 2,93 млн британских фунтов (5,84 млн долларов). Иначе говоря, сегодня за одну картину Кабакова дают больше, чем в 1988-м – за все произведения нонконформистов, выставленные на торги Sotheby's.

Дело, впрочем, не только в том, что сегодня он самый дорогой российский художник. Один из лидеров нонконформистского искусства 1970-х, ключевая фигура «московского концептуализма», Илья Кабаков пока остается практически единственным российским художником, который котируется на мировой арт-сцене наряду с современными западными мастерами. Такими, как Джефф Кунс, Ричард Принс, Дэмиан Хёрст... Его инсталляции «Человек, который улетел в космос» (Париж, Центр Жоржа Помпиду, 1989), «Красный вагон» (впервые экспонировался в Дюссельдорфе, в Кунстхалле, 1991), «Мост» (Нью-Йорк, Музей современного искусства, 1992), «Жизнь мух» (Кёльн, Кунстхалле, 1992), «Туалет» (Кассель, Документа IX, 1992), «Дворец проектов» (Лондон, Раундхаус, 1998) стали знаковыми работами для искусства XX века.

Произведения Ильи и Эмилии Кабаковых хранятся в самых известных коллекциях мира – Музее современного искусства в США и Центре Жоржа Помпиду во Франции, нью-йоркском Музее Гуггенхайма и Музее Людвига в Кёльне, в лондонской Тейт Модерн и в Музее современного искусства во Франкфурте-на-Майне... Музей в Висбадене, который активно расширяется, намерен отвести целое крыло в новой части экспозиции для знаменитой инсталляции «Красный вагон», приобретенной в 2004 году.

Выражением признания его заслуг в современном искусстве стали многочисленные международные награды. В частности, Почетный приз Венецианской биеннале (1993), врученный после показа инсталляции «Красный павильон», приз Йозефа Бойса одноименного фонда в Базеле, награждение званием французского Кавалера ордена изящных искусств и литературы после представления инсталляции «Мы живем здесь» в Центре Жоржа Помпиду, звание Почетного доктора университета в Берне (2000) и многие другие.

Илья Кабаков в процессе строительства инсталляций в Центре современной культуры «Гараж».

После «большого взрыва»

Впрочем, за Ильей и Эмилией Кабаковыми стоят сегодня не отдельные произведения и даже не их сумма. Любая конкретная работа оказывается менее значимой по сравнению с тем огромным художественным миром, который создают Кабаковы. Этот мир вроде расширяющейся вселенной, возникшей после «Большого взрыва» перестройки. Он предъявил иным галактикам пространство, существовавшее в черной дыре утопического мифа. Пространство абсолютно герметичное, самодостаточное, с такой силой притяжения, что, казалось, и луч света не мог покинуть его пределы. Неудивительно, что мир этот казался самому себе средоточием света и совершенства. В вечном сиянии или слепящей тьме, что почти одно и то же, практически невозможно было разглядеть очертания несущей конструкции или хотя бы источники направленного излучения.

Заслуга Кабакова и московских концептуалистов была, в частности, в том, что они первыми начали описывать эти невидимые конструкции. Сам художник позже так обрисует этот процесс: «Произошло “одно обстоятельство”», что представлялось раньше невероятным. Оказалось возможным смотреть не туда, куда указывает указующий перст, а повернуть голову и посмотреть на сам этот перст, не идти под музыку, льющуюся из этого рупора, а смотреть и разглядывать сам этот рупор... Короче говоря, все эти грозные, не подлежащие разглядыванию предметы пропаганды, всегда сами неотрывно глядящие на всех, сами почему-то оказались предметами разглядывания».

В этом смысле наши концептуалисты были не демиургами, а прежде всего описателями и каталогизаторами идеологизированного пространства. Сами себя они любили сравнивать с Ливингстоном, путешествующим по Африке в лишениях и страданиях и описывающим обычаи встретившихся ему народов для членов Лондонского

географического общества, которые будут читать отчет ученого в уютных кабинетах, попивая кофе.

Но Кабаков оказался чуть ли не единственным из художников, кто эту задачу описания идеологизированной советской повседневности сохранил после «Большого взрыва». Обломки цивилизации, уносимые ветром перемен, он бережно собирал и приспособлял для реконструкции духа времени. Небольшое, но существенное отличие нельзя, конечно, не заметить. В 1970-х, когда он делал свои легендарные десять альбомов, его персонажи, будь то знаменитый «в шкафу сидящий Примаков» или «в окно глядящий Архипов», выглядели то ли чужаками, то ли носителями некоего эзотерического знания. Последнее было тем недоступнее, что все внешние комментарии и версии, бытовые или ученые, выглядели одинаково неудовлетворительными. Иначе говоря, подчеркивалась случайность, бессмысленность, неважность происходящих событий. Фиксировалась абсурдность и пустота повседневности, которой идеология старалась навязать как раз тяжкую важность значения. В 1990-х, напротив, случайно сохраненные руины, остатки казались опустошенными, покинутыми большой историей. Но в реконструкциях Кабакова эти руины получали смысл именно как носители идеологии.

Инсталляция «Красный вагон». Кунстхалле, Дюссельдорф. 1991 год.

Речь шла, конечно, прежде всего о художественном воссоздании коммунального пространства. Мира, где частная жизнь каждого была у всех как на ладони. И напротив, публичная жизнь норовила обернуться выяснением нюансов интимной жизни, словно в правильном семейном скандале. Инсталляция «Туалет», построенная на девятой Документе в Касселе 1992 года, стала идеальной площадкой для демонстрации этого сдвига частных границ. Там, внутри домика с буквами «М» и «Ж», зритель обнаруживал скромненькое и даже уютное жилище. Одновременно коммуналка оказалась чудесной моделью, демонстрирующей многообразие встреч идеологии с повседневностью. Она выглядела проектом рая, неизбежно подпорченным в момент перенесения на землю и по случайной промашке опущенным до кругов Дантова ада.

Кабаков первым открыл взорам западных зрителей пространство общих коридоров, кухонь, ванн и туалетов, наполненное эхом чужих голосов и счастливых песен из репродуктора.

Но Илья и Эмилия Кабаковы не только показали этот мир – они заставили зрителя услышать его, спотыкаться на сломанных ступеньках, пережить этот мир как драму одиноких персонажей в навязанной им и неизбежной коллективной общности. Короче, они предложили людям почувствовать его как телесный опыт. Не зря об инсталляции «Красный вагон», впервые показанной в 1991 году на выставке в Дюссельдорфе, художник заметил: «Я экспортировал, в сущности, куб советского воздуха».

Понятно, что для западных зрителей предложенное путешествие было не менее экзотично, чем поездка на сафари. Каждый мог ощутить себя персонажем в большой постановке незнакомой жизни, не рискуя ничем, кроме платы за билет. В этом смысле изобретенный Кабаковым жанр «тотальных инсталляций» был предвестником огромных арт-аттракционов, которые к концу века появились в крупнейших музеях и галереях мира, будь то английская Тейт Модерн или нью-йоркский МоМА.

Но одновременно эти гигантские руины, хранящие мусор и отзвуки семи десятилетий коммунизма, который строили-строили, да так и не достроили, перебрасывали мостик к началу XX века, к временам проекта башни III Интернационала Татлина, к проунам Эль Лисицкого, к коллажам Клуциса и Родченко. Кабаков сделал явной пуповину, связывающую мир советской утопии с поиском и трагедией русского авангарда. Мир вдохновенных проектов и скучная реальность злой и тупой коммунальной повседневности оказались отражениями друг друга.

Инсталляция «Туалет». Документа IX.

Кассель. 1992 год.

В отличие от многих других, Кабаков не стал пенять зеркалу на то, что рожа оказалась крива. И не занялся поиском ошибок в конструкции проекта и реализации строительства. Признаться, он оказал большую услугу России. Просто потому, что не стал рассматривать триумф и гибель утопии как специфику национального русского пути. Проектное мышление русского авангарда для него было последним циклопическим проектом рационального человека, рожденного эпохой Просвещения. Именно поэтому тотальные инсталляции Кабаковых, будь то «Дворец проектов», «Мост», тот же «Красный вагон» или «Жизнь мух», имели такой резонанс в Европе. В сущности, эти тщательно сконструированные руины были надгробным мавзолеем не только над советским веком

утраченных утопий, но и над парой-тройкой столетий торжества разума. Поразительно, что именно методичный аналитик Кабаков, просчитывающий каждый шаг художественной стратегии, оказывается летописцем кафкианского превращения логики разума в логику абсурда. Можно сказать, что он обнаружил и наглядно продемонстрировал, как советский абсурд легко вписывается в более просторные рамки привычного европейцам экзистенциализма.

Московский дневник художника

Те инсталляции, которые обещают показать в Москве, в России будут демонстрироваться впервые. Среди них уже упоминавшиеся «Красный вагон», «Туалет», «Жизнь мух». А также «Альтернативная история искусств» и «Игра в теннис».

Копия знаменитого «Красного вагона», который сейчас находится в музее в Висбадене, будет построена на территории только что открывшегося в Российском еврейском музее Центра современной культуры «Гараж». Вагон того самого броненосца, что стоит на запасном пути. Колеса куда-то исчезли. Направление рельс тоже неясно. И даже не очень верится в то, что рельсы были. Но красные флаги по-прежнему развеваются. А из вагона раздаются знакомые песни. Специально для этой инсталляции композитор Владимир Тарасов скомпоновал и аранжировал мелодии любимых шлягеров советских времен. Правда, центральный вход закрыт. Ну, так «парадный подъезд» у нас только для парада. Нормальным людям и в голову не придет ломиться в центральный вход или лезть вверх по лестнице, ведущей в небеса. Нормальные люди знают – вход всегда «со двора». Он впускает в мир не столько счастья, сколько скученного жителя-бытия, пространство «временки», которая надолго.

«Илья Кабаков. Прогулка на лыжах. 1973 год».

Инсталляция «Альтернативная история искусств». 2003 год.

Тут же рядом, в «Гараже», обещают показать «Альтернативную историю искусств». Но, собственно, речь идет не о той истории искусств, которая была, а о той, какая могла бы быть... Версия о том, что было бы, если бы искусство не пошло путем

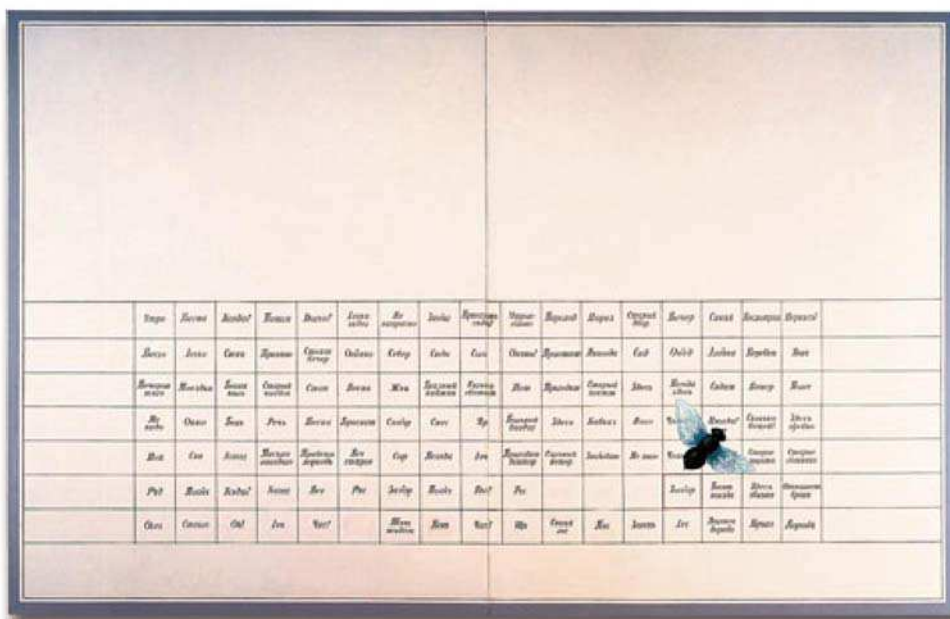
Казимира Малевича, а пошло путем другим, реализована в ретроспективах трех персонажей – Шарля Розенталя, Ильи Кабакова, Игоря Спивака... Шарль Розенталь, который академической науке неизвестен, жил в начале XX века. У него, пожалуй, самый солидный бэкграунд. Для его ретроспективы Кабаков в течение многих лет создавал огромное количество картин – от студенческих набросков до неоконченных полотен, над которыми Розенталь якобы работал перед смертью. Говорят, музейщики, когда узнали о проекте, хватались за голову: «Он сошел с ума! Нарисовать шестьдесят лет творческой деятельности!» Для персонажа по фамилии Кабаков его однофамилец рисует новые работы. Что касается «ученика Кабакова» Игоря Спивака, родом с Украины, то с ним несколько проще – его деятельность якобы началась в 1990-х. Согласитесь, двадцать лет живописать все же проще, чем шестьдесят.

«Туалет», ставший сенсацией Документы 1992 года и хранящийся теперь в Бельгии в Музее современного искусства города Гент, получит своего двойника на территории Центра современного искусства «Винзавод». По-прежнему за фасадом скромного строения с буквами «М» и «Ж» кроется малогабаритная квартирka. Вещи, возможно, не новы и дешевы, зато обстановка радует неподдельным теплом. Да, наверное, жизнь нехороша, зато это наш мир и мы в нем живем.

В зале Белого вина будет показана «Жизнь мух», выполненная в жанре экспозиции советского провинциального музея. Вдумчивый посетитель может погрузиться в скрупулезное изучение цивилизации мух, которая предположительно оказала огромное влияние на человечество. В частности, и на нашу культуру. Графики, тексты, рисунки, коллажи и объекты позволят проследить влияние этой живущей рядом с нами колонии на политику, экономику, финансы, в том числе денежное обращение и, конечно, культуру. Концерт для мух обещает отдельную радость для любителей музицирования.

А в галерее Марата и Юлии Гельман на Винзаводе можно увидеть инсталляцию «Игра в теннис». В роли заядлых спортсменов – Илья Кабаков и Борис Гройс. Их поединок будет транслироваться на встроенных мониторах. Параллельно идет интеллектуальная схватка. Тут вместо подачи – вопрос, на который следует ответный удар-реплика. Диалог философа и художника записан мелом на обычных школьных досках. Словно перед нами не солидные мужи, а мальчишки-школьники. Самоирония скрывает не столько застенчивость, сколько удовольствие от состязания, в котором победителей не судят, потому что их нет. Для тех, кто ценит подобные радости, приготовлен и другой подарок – международный симпозиум с участием известных кураторов и историков искусства. В середине сентября он пройдет в Центре современной культуры «Гараж».

Наконец, в Москве покажут абсолютно новый проект «Ворота», созданный специально для ГМИИ им. А.С. Пушкина. Пространство традиционного музея – это последняя гавань, куда отправляется произведение искусства (если автору и его творениям повезет, разумеется) после странствий по миру. Эта тихая пристань может служить символом вечности. Неудивительно, что и инсталляция, представленная здесь, будет посвящена рефлексии на эти темы. Жанр ее художник определил как «последняя работа художника».

«Муха». Инсталляция «Жизнь мух». Кунстфери. Кельн. 1992 год.

В центре экспозиции оказывается дверь. Сказать по правде, она ничуть не похожа на ожидаемые врата вечности. Нет, она прекрасна и даже роскошна. Красное дерево, изящная арка, в которую она вписана. Дверь стоит на возвышении, к которому с двух сторон ведут ступени. Это вам не функциональный минимализм дверей супермаркетов, услужливо раздвигающихся при приближении к ним. Эта дверь явно не намерена распахиваться перед всяк входящим. Вопрос, открывается ли она вообще и для кого? Похоже, ее совершенная красота – вроде вещи в себе. И главное, не понятно, где же пространство, в которое она служит входом. Явно это не музейный зал. Дверь выглядит не столько входом, сколько границей, которая, как известно, всегда на замке.

Кроме двери в одном зале будут 16 рисунков, в другом – 12 картин, сгруппированных по три полотна. На каждом из них – пейзаж, где на горизонте угадывается изображение ворот. Пейзаж этот слегка меняется в зависимости от времени суток – от того, утро, вечер или ночь на дворе. Меж группами этих полотен помещены тексты, которые послужат зрителям тропинками, по которым можно отправиться в путь поиска трактовок.

Осторожно, двери открываются!

Любимый собеседник Кабакова Борис Гройс заметил как-то, что инсталляция для нашего времени является примерно тем же, чем был роман для XIX века. Роман мог выглядеть конгломератом жанров, смешавшим любовное послание, авторские отступления и описание перипетий судеб героев. Инсталляция тоже позволяет запросто смешивать жанры, не боясь быть обвиненной в дурновкусии. Если так, то сложный конгломерат проектов, который Кабаковы представляют в Москве, похож на новейший роман XX века. Представление странностей жизни («Туалет») соседствует с тщательным научным трудом («Жизнь мух»). Первоначальный проект райских куш («Красный вагон») – с описанием маршрута, по которому должна была бы двинуться экспедиция («Альтернативная история искусств»)… Поскольку планы райского строительства нарушились и все пошло наперекосяк, то споры комментаторов и авторские объяснения выглядят весьма уместными («Игра в теннис»). Наконец, попытка дистанцироваться от

этой «ловитвы» временных истин в пользу абсолютных приводит к построению врат вечности из фанеры, ведущих неведь куда.

Нетрудно также заметить, что не только масштаб и количество проектов имеют значение, но и их география. Если приглядеться, обнаружится, что маршрут, по которому ведут авторы, включает все этапы большого пути – как России, так и истории искусства XX века. От классики – к авангарду и современности. Музей изящных искусств, построенный Иваном Владимировичем Цветаевым и открытый в 1912-м, изначально был коллекцией слепков древностей. Он – символ культурной традиции и ученичества. Если угодно, знак входа русского искусства в мировую культуру и неслияния с ней.

«Гараж» – одно из знаменитых творений архитекторов-конструктивистов Мельникова и Шухова. Построенный в 1926-м, он впечатляет равно простором (больше 8 тыс. квадратных метров), вытянутой формой ромба и отсутствием опор. Лучшего места для представления проектного мышления русского авангарда, устремленного в будущее и конструирующего его в настоящем, не сыскать. В 2001 году здание было передано Марьиноороцинской еврейской общине, и она планирует открыть в этом помещении Еврейский музей. Пока здесь открыт Центр современной культуры «Гараж», которым руководит Даша Жукова.

Наконец, «Винзавод» представляет сразу два этапа. Его территория с цехами красного и белого вина, с хладными подвалами винохранилища, административными зданиями и типичной заводской проходной напоминает о громаде советских пятилетних планов, которые почему-то всегда должны были выполняться в четыре года, но частенько не выполнялись вовсе. А также о том, что строители коммунизма не лишены были человеческих слабостей, вроде зависимости от зеленого змия. Одновременно нынешний «Винзавод» – это площадка актуального искусства, самых известных галерей, место модной тусовки и бутик. Иначе говоря, территория настоящего, равно пафосная и демократичная.

Новым Ливингстонам предложена экспедиция по маршруту «музей – гараж – винзавод». Впрочем, движение в обратном направлении не возбраняется. Роман, созданный Кабаковыми, можно читать с любой страницы и в любом направлении.

«НЕТ, СОВСЕМ НАОБОРОТ!»

Í aetä Ceí ääð

Режиссер Петер Форгач

Я – фон Хёфлер

Венгрия, 2008

Недавно закончившийся 25-й Иерусалимский международный кинофестиваль проходил в четырех залах обновленной столичной Синематеки, возвышающейся над Геенной огненной, отделяющей новый город от стен старого. Это местоположение делает наш фестиваль несколько отличным от прочих форумов мирового кино, легитимируя как еврейскую тему, звучащую в целом ряде отобранных для показа фильмов, так и, в более широком плане, исторический аспект кинематографа. И потому, перебирая впечатления фестиваля, хотелось бы остановиться на киноленте, имеющей к вышесказанному непосредственное отношение, хотя и доставившей куда меньше удовольствия, чем фильмы Гая Мадина и Хосе Луиса Герена. Речь пойдет об одном из двух представленных на нынешнем фестивале фильмов венгерского режиссера П. Форгача – «Я – фон Хёфлер».

В 1983 году Форгач основал в Будапеште частный архив любительских домашних фильмов и фотографий, снятых с 1920 по 1980 год. Шесть лет он посвятил собиранию этих исчезающих на глазах документов, переводу их в формат видео и интервьюированию с видеокамерой оставшихся в живых авторов и их потомков. Он стремился создать неофициальный визуальный архив культуры, способный представить нечто новое и заполнить провалы разрушенного, потерянного и цензурированного режимом прошлого. Этот архив стал основной базой работы над фильмами, в которых режиссерский монтаж активно вторгается в медитативно-элегическую стихию хроники. Значительное место отводится также письмам и прочим невизуальным материалам, которые читаются актерами за кадром. Фильм не создается на основе сценария, изначальная режиссерская интенция – ритмическая аранжировка любительских кадров.

В одном из интервью режиссер сказал: «Эти фильмы – некое произведение коллективной памяти... Иногда я ничего не добавляю к изображению, мне достаточно поставить дату (1942) или место действия... Я не преподаю урок истории, но стараюсь мобилизовать ваше знание, активизировать ваше восприятие. Я использую историю так, как используют шум. Для меня очень важно показать банальность персонального, я – проводник отрывочной памяти, зафиксированных руин памяти. Я не хочу сказать ничего о правде, поскольку я ничего о правде не знаю. Я хочу сказать нечто вроде: “Посмотрите, что я нашел!” Это, некоторым образом, концептуальный перформанс, медитация, так или иначе связанная с методом Кабакова, Болтанского или постмодернистского кинематографа».

Такой метод требует для создания художественного произведения очень точного авторского курса (сколь бы ни был он далек от идеологической тенденции), гибкого, но прочного хребта, иначе аморфность угрожает свести на нет весь заложенный в материале потенциал. В фильме «Я – фон Хёфлер» Форгач выбрал путь хронологически последовательного, дотошного в деталях семейных и общественных отношений повествования. Достиг ли он своей цели?

Обратимся к самому фильму. Вот, в нескольких словах, история семьи героя. В конце XIX века отец Тибора, немецкий дворянин, приехал в Венгрию и основал в городе Пече кожевенный завод, ставший семейным бизнесом. Он женился на будущей матери героя – еврейке по происхождению и католичке по вероисповеданию. Отец умер в конце 30-х, все еврейские родственники погибли в годы нацизма. Исключение составила мать, в самом конце войны выпущенная сострадательным венгерским охранником из «привилегированного» гетто для членов арийских семей.

Тибор Хёфлер, главный герой фильма, приобрета в 20-х годах девятимиллиметровую камеру, на протяжении полувека запечатлевал историю семьи, свои отношения с братьями, с женщинами и с внебрачным сыном, свою позднюю женитьбу на бывшей израильтянке, вернувшейся в Венгрию, и даже их совместный визит в Израиль в 1967 году. Кто-то, безусловно, должен был снимать и самого Тибора, который часто появляется на экране не только на фотоснимках и в многочисленных отрывках видеоинтервью Форгача, но и в старой кинохронике.

Хроника часто способна произвести сильное художественное впечатление от соприкосновения с чужими жизнями именно благодаря тому, что о промелькнувших в кадрах людях нам ничего не известно. Она позволяет услышать шум времени в несколько коротких мгновений. Здесь же – чем дальше, тем больше – она раздражала своей концептуальной необязательностью, ибо старательно иллюстрировала и документировала биографию малопримечательного героя, излагавшуюся на протяжении без малого трех часов в подробнейших и скучнейших текстах. Жизнь действительно превращалась в шум, в белый, ничего не выражающий шум. Появление на экране самого режиссера, многозначительно поясняющего: «Тибор вспоминает» или «Тибор говорит», также не способствовало структурированию материала.

Семейное предание Хёфлеров о том, что в образе молодого Вертера Гете запечатлел их предка (который, по словам самого Тибора, «не покончил с собой, о нет, совсем наоборот!»), дало режиссеру некую дополнительную карту, с которой он так и не решил, что делать. Подзаголовок фильма – «Вариации на тему Вертера» – обещал зрителям нечто, так и не состоявшееся. Форгач перемежал домашнюю хронику отрывками из игрового фильма «Вертер» 1978 года, но это совмещение никуда не вело.

В очередной раз зритель мог убедиться, что отсутствие желания сказать что-либо определенное в искусстве, так же как и в жизни, приводит к тому, что ничего и не говорится.

ГОЛЛИВУД, ГОВОРЯЩИЙ НА ИДИШЕ

אָװיט אַ פֿילם

Когда речь заходит о еврейской культуре на идише, большинство из нас, скорее всего, подумает о литературе, музыке или театре. Что же до идишского кинематографа, то для многих это словосочетание прозвучит почти оксюмороном. Поэтому неудивительно, что, когда в рамках ежегодного Иерусалимского кинофестиваля был объявлен показ фильма «Пуримшпилер» («Der Purimspiler»), в зале почти не осталось свободных мест. Причем публика подобралась на удивление разновозрастная – от классических ашкеназских стариков до молодежи совершенно сабровского вида.

История появления этой картины неординарна. Ее создатель, актер и режиссер Йосеф Грин, прибыл в Америку в 1924 году. Подобно многим своим коллегам, начал американскую карьеру в одном из еврейских театров Нью-Йорка. Вскоре ему удалось сделать себе имя, после чего события развивались так же, как в романе Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды»: Грину предложили уйти из еврейского гетто в мир «большого американского искусства». Причем не просто в какой-то американский театр, но в Голливуд, который уже тогда был Меккой в глазах любого актера и режиссера.

В американском кинематографе конца 20-х – начала 30-х годов подвизалось немало режиссеров-евреев: Дж. Пастернак, С. Кацман, Д. Шари, Дж. И. Левин... Большинство из них снимали стандартное американское кино, начисто лишенное каких-либо намеков на еврейство.

Грин пошел другим путем – решил снимать настоящие еврейские картины! Причем не в Америке, а в Польше, еврейство которой еще не утратило своего неповторимого колорита. И не на английском, а на идише, который до войны оставался разговорным языком подавляющего большинства евреев.

Мало кто тогда верил в успех этого предприятия. Однако Грин верил в себя и в еврейское искусство – и не ошибся. В 1936 году он снял фильм «Yiddle With His Fiddle» («Еврей и его скрипка»). А в 1937-м – создал «Пуримшпилера», трогательную музыкальную комедию о бедняке, безнадежно влюбленном в дочь внезапно разбогатевшего сапожника.

Приступив к съемкам фильма «Пуримшпилера», Грин поставил перед собой довольно сложную задачу – снять «аутентичный» еврейский фильм, который одновременно соответствовал бы тогдашним стандартам американского кинематографа. Поэтому съемки велись в Польше, в еврейском квартале Кракова. На главные роли Грин пригласил звезд американского еврейского театра: Мирьям Крессин (Miriam Kressyn) и Химми Якобсона (Hymie Jacobson).

Созданный таким образом фильм производит несколько двойственное впечатление. С одной стороны, реалии галицийского местечка были воспроизведены довольно точно, хотя, разумеется, слегка опереточно (все-таки фильм – пасторальная комедия, а не социальная драма). Но при этом по стилю, актерской игре, режиссерской работе картина была снята в классической голливудской традиции (кстати, хорошо знакомой советскому зрителю по классике сталинского кинематографа, вроде «Веселых ребят» или «Волги-Волги»).

В наибольшей степени это отразилось на музыке к фильму, лишенной практически всякого еврейского колорита. Пожалуй, даже в музыке к советским «Искателям счастья», снятым несколькими годами раньше и на русском, еврейских мелодий будет побольше. Так что когда главная героиня хорошо поставленным голосом пела на идише про свою мечту (песня «Хулем»), то все чувствовали, что «на самом деле» здесь имеется в виду классический dream американских мюзиклов (слова к песням, кстати, написал не кто иной, как будущий нобелевский лауреат Исаак Башевис Зингер).

Впрочем, было бы неверным считать, что создатели фильма ориентировались исключительно на американские вкусы. Ибо именно такая американизированная еврейская музыка звучала тогда в еврейских кабаре и кафе-шантанах, коими столь славилась довоенная Варшава.

Про особенности американского восприятия создатели фильма тоже не забыли.

Сбежав из местечка и став певицей, главная героиня зарабатывает тем, что триумфально исполняет на польско-еврейских подмостках песню «Штетл» («Местечко»), представляющую поток сусально-ностальгической патоки. Разумеется, польские евреи, жившие бок о бок с реальным местечком, не испытывали и не могли испытывать к нему подобных чувств.

Иное дело евреи Америки – оставшийся на старой родине штетл для многих превратился в страну счастливого детства, о которой вспоминать с легкой грустью было естественно.

Ностальгическую грусть фильм вызывает и у современного зрителя. Разумеется, не по местечку, которого никто из нас в глаза не видел. Но по уникальной еврейской культуре, которая в межвоенные годы развивалась в ногу со временем, успешно осваивая новые формы, но погибла в огне Катастрофы вместе с большинством ее носителей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕНИ КРИКА

Àèàèñ Ðàííííðð

Режиссер Ефим Звенияцкий

Биндюжник и король

Приморский краевой драматический театр им. Горького, Владивосток

На прославленной сцене МХТ им. А.П. Чехова давали мюзикл «Биндюжник и король». Зонги и либретто по мотивам произведений Исаака Бабеля написал Асар Эппель, автор музыки – Александр Журбин.

В жизни портовых городов много общего. Другие время и география не становятся преградой для восприятия, но придают *couleur local*, который стимулирует интерес и свидетельствует о многообразии жизни. То, что происходило в криминальной Одессе начала века, оказалось в постановке Е. Звенияцкого созвучно жителям города на берегу Тихого океана в эпоху, называемую «периодом первоначального накопления капитала». «Биндюжник и король» – один из старейших спектаклей в репертуаре Приморского театра, его визитная карточка. Он был поставлен в начале девяностых, и зритель «на ура» встретил премьеру. Мюзикл несколько лет шел в миллионном городе с неизменным успехом, пока не произошло трагическое событие – умер актер, игравший Менделя Крика. Найти актера на центральную роль в музыкальном спектакле сложнее, чем в драматическом, и вынужденная пауза длилась пять лет, а затем «Биндюжник и король» был возобновлен в новой постановке. В Москву его впервые привезли десять лет назад. Если считать с первой постановки, Приморский драматический театр им. Горького сыграл «Биндюжника и короля» более трехсот раз.

Московский зритель увидел яркое зрелище. Особую живость, если не фривольность, придает ему то, что безымянных жителей Молдаванки (аналог античного хора, в данном случае еще и пляшущего) изображают молодые актрисы. Главная актерская удача мюзикла – центральный персонаж, Мендель Крик в исполнении народного артиста России Александра Славского. Он занят в спектакле с начала девяностых, в первых постановках играл Беню, «молодого хозяина»

извозопромышленного заведения. На роли Менделя Крика, не желающего признавать старости, решившего на склоне лет круто изменить судьбу и вступившего в конфликт с сыновьями, завязана вся драматургия спектакля. Славский убедителен, показывая в первом акте волевого и деспотичного, а во втором – сломленного человека, уничтоженного собственными детьми, лишившими его здоровья, свободы и отобравшими дело.

Публика в МХТ устроила овацию, но нельзя не сказать, что в целом спектакль выглядит попсо. Наверняка это сделано для привлечения массового зрителя, в расчете на некий усредненный вкус. Текст А. Эппеля (стихи) и текст И. Бабеля местами упрощен, введен бизнес-сленг, реплики о растаможивании (это, по-видимому, всегда актуально во Владивостоке), с потолка свисают макеты японских автомобилей, а жених месье Боярский разъезжает по сцене на скутере.

Асар Эппель на поклоны не вышел, а Александр Журбин вообще отсутствовал в зале. Стремление использовать пьесу или либретто как отправную точку, осовременивать, вводить «злобу дня» было в театре всегда, на этом построены комедии дель арте, пуримшпиль и «политический театр» от Брехта до Любимова. Но классическому мюзиклу такие расшатывающие жанр новшества могут и повредить.

БЕЛАЯ АКАЦИЯ У ЧЕРНОГО МОРЯ

Аאֶדֶ-ִוִי אֶעֱוִי עֵאִי אֶעֱעִי

«– Благочестивый город, – сказал рабби, – звезда нашего изгнания, невольный колодезь наших бедствий!..» И хотя Талмуд настоятельно рекомендует упоминать авторов цитат, мы сегодня этого делать не будем. Ищите самостоятельно. Заодно и название города прочтете. А мы устремим свои взоры на этот «благочестивый город», «звезду» и «колодезь» в одном лице, то есть на Одессу.

В Одессу можно попасть разными путями. Кроме экстремального – «хоть тушкой, хоть чучелом», здесь можно родиться, сюда можно приплыть на корабле, прилететь на самолете или НЛО, приехать на автомобиле, прийти пешком и, конечно, сюда можно попасть через Интернет.

Начнем знакомство с нашим городом с двух сайтов, которым удалось избежать банальных эпитетов, что-то типа «Центральный-Главный-Глобальный-Всемирный». Называются они: «Официальный сайт Одессы» (<http://www.odessa.ua>) и «Информационный сайт Одессы» (<http://misto.odessa.ua>). Первый – детище Управления информации одесского горсовета (и мэра Одессы Гурвица), второй, по слухам, – известного украинского бизнесмена Рабиновича, к слову, не одессита. Официальный сайт («Сайт Гурвица» по местной терминологии) содержит информацию о городских властных и законодательных структурах, размещает анонсы событий, объявления об отключении/включении тепла и горячей воды, начале и окончании ремонта дорог, а «Сайт Рабиновича» сообщает о тех же событиях постфактум – случилось то-то, там-то люди остались без воды и тепла, там-то возникли пробки из-за ремонта дорог... Истина же, как обычно, находится незнамо где.

Ну и ладно, идем дальше, поглядывая вокруг (<http://odessa360.net> – сайт «Панорамы Одессы»). И именно идем, потому что Одесса город красивый и неторопливый, «город вразвалочку». А куда спешить-то? Ну, будете вы торопиться, рассуждают бывалые аборигены, прорветесь сквозь все пробки, примчитесь к месту встречи вовремя – и что? А то, что будете в унылом одиночестве ждать всех остальных, потому что кроме вас здесь никто никуда не торопится. И вы, вместо того, чтобы неспешно гулять, вдыхая аромат акаций и моря, разглядывать десятки прекрасных зданий и сотни легко одетых красавиц, будете, как герой известного анекдота с помытой шеей, сидеть и ждать? «Не дождетесь», – думают одесситы. Нередко, кстати, так и происходит – не дождетесь. Никого.

Ну и мы не будем дожидаться, а заглянем по еще двум адресочкам. Пишите: «Международный общинный центр “Мигдаль”» (<http://www.migdal.ru>). «Мигдаль» по-украински – «миндаль», по-еврейски – «башня», а сайт, хоть и одесский, почему-то имеет российское расширение «.ru». Вообще-то этим международность центра «Мигдаль» не ограничивается, но ограничивается место в журнале, поэтому из всего сайта отметим раздел «Мигдаль Times» (<http://www.migdal.ru/times>), где можно найти электронную версию одноименного журнала. Его подзаголовок – «Еврейский журнал для всех», так что полистайте, может, и для вас там что-то найдется, благо уже почти 100 номеров вышло.

А вот сайт «Общинного дома еврейских знаний “Мория”» (<http://www.moria.farlep.net>). И хотя герои «Властелина колец» уверяли друг друга, что «только безумец способен пойти в Морию» (автора цитаты опять опускаем), в эту «Морию» можете смело заглянуть и даже скачать «подшивку» всех номеров альманаха «Морія», где содержатся статьи о прошлом и настоящем в еврейской истории Одессы.

А на закуску – «Всемирный клуб одесситов» (<http://www.odessitclub.org>). Лозунг «Одесситы всех стран, объединяйтесь!». Автора стоит указать – Михал Михалыч Жванецкий (он же основатель и президент). Среди интересных разделов сайта: «Наши издания» (газета «Всемирные одесские известия» и альманах «Дерибасовская, угол Ришельевской») и «Услуги» (все-таки город знаменитых «Привоза» и «толкучки»). Одна из которых – «Узнай свои одесские корни», то есть встань в один ряд со Жванецким, Сталлоне, Копперфильдом, Ильфом, Петровым и главным редактором нашего журнала. А услугу эту предлагает областной архив, который размещается в помещении бывшей Бродской синагоги и пока никуда оттуда выезжать не хочет.

А хотите знать, кто состоит в Президентском совете клуба? Михаил Михайлович (Эммануилович) Жванецкий, Евгений Михайлович (Моисеевич) Голубовский, Валерий Исаакович Хаит, Иосиф Львович Бронз, Анатолий Исаакович Горбатюк, Борис Давидович Литвак, Леонид Менделеевич Рукман... Не правда ли, есть от чего впасть в отчаяние антисемиту? Ну так падайте. А остальным: «Объединяйтесь!»

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ФОРЕЛИ

Ī adē Aôèi îâ

Форель, пресноводная родственница океанских лососевых рыб, в отличие от них обитает в озерах, реках и крупных ручьях. Изысканная и таинственная, она привлекла внимание многих писателей и поэтов XIX и XX веков. Есть ли еще рыба, удостоившаяся стольких упоминаний в стихах и в прозе?

Эрнест Хемингуэй. Штат Мичиган. 1904 год.

Хемингуэй в отрочестве удил форель на чикагских озерах. Радужную и серебристую форель ловят герои его рассказов, романов «Фиеста» и «Прощай, оружие». Есть она и в романе «По ком звонит колокол», причем появляется в особенный момент: привязывая взрывчатку к опоре моста, Роберт Джордан видит в реке форель. Писатель был настолько увлечен этой рыбой-символом, настолько подпал под ее эзотерическое обаяние, что написал специальный очерк – «Ловля форели в Европе». В пантан Хемингуэю писатель-битник Ричард Бротиган свой роман, написанный в пятидесятые и принесший ему известность, озаглавил «Ловля форели в Америке». Эта рыба, связанные с ней сравнения и метафоры уютно чувствуют себя в поэзии Федерико Гарсиа Лорки, а в России поэт Михаил Кузмин написал в конце 1920-х годов загадочную, требующую истолкования поэму «Форель разбивает лед», давшую название книге его стихов.

Притягательность форели кроется не только в ее необычном поведении (на нерест она идет против течения), но и в замечательных гастрономических качествах. Шеф-повар московского ресторана «Йона» при МЕОЦе Петр Слабодник предлагает читателям «Лехаима» свой рецепт приготовления этой рыбы.

Берем форель, отделяем голову, разделяем вдоль линии хребта на две части, отделяем брюшко, центральную кость и все лучевые, полностью снимаем кожу. Солим, перчим обе части филе с двух сторон и пять-шесть минут выдерживаем в маринаде. Затем на один из кусочков филе выкладываем свежий мелкорубленный шпинат, на него – натертую свежую морковь (либо вареную, порезанную кружками) и на морковь – еще один слой шпината. Накрываем сверху вторым кусочком филе. Ножом делаем на верхней части филе фигурные надрезы.

Наливаем в сковороду очищенное подсолнечное масло, нагреваем, выкладываем подготовленное филе, несколько помидоров черри, красный болгарский перец, горький перец, 2–3 зубца чеснока, по бокам от филе можно положить шарики, сделанные из картофельного пюре. Накрываем все это крышкой или фольгой. Запекаем при температуре 200 градусов в течение 15–20 минут. Затем даем остынуть 2–3 минуты и выкладываем на блюдо форель и гарнир из запеченных овощей. Порция форели на одного человека составляет 150–180 г.

Замечено, что совместное поедание форели располагает к взаимопониманию, способствует личным и деловым отношениям. А еще она может сниться. Вот что говорит старинный сонник: «Если во сне вы едите форель – очень скоро попадете в благоприятные обстоятельства. Если во сне вы поймали форель на удочку – вам гарантирован достаток. Если же во сне вы видите форель в мутной воде – то наяву любовь принесет беду и разочарование. Если пойманная форель срывается с крючка и падает в воду – счастье ваше будет недолгим. Пойманная сетью форель обещает беспрецедентное преуспевание».

Ешьте форель и процветайте.

НОВЫЙ «МАККАБИ» ПРЕТЕНДУЕТ НА ТИТУЛЫ

Ī àðé Çàé-èé

В Израиле вот-вот начнется новый баскетбольный сезон 2007–2008 годов. Время поговорить о том, что произошло за летние месяцы и что должно произойти в нашем ведущем командном виде спорта.

Чемпион Израиля прошедшего сезона команда «А-Поэль» (Холон) уже совсем другая команда, нежели та, которая лишь в начале июня завоевала золотые медали первенства. Причины все те же – деньги. Точнее, их отсутствие.

Хозяин и тренер команды Мики Дорсман заявил после завоевания титула, что не может один тянуть финансовую лямку ведущего клуба Израиля. Никто на призыв о помощи не откликнулся. Муниципалитет Холона отпустил на клуб крохи. Дорсман ушел.

Пришел новый хозяин клуба, являющийся фигурой в баскетболе менее значительной, чем Дорсман.

Игроки разошлись по разным клубам. Команда, конечно, продолжит свое существование с другими баскетболистами, но ощущения от происшедшего все равно грустные.

«Обеднел», причем буквально, обладатель Кубка Израиля двух последних лет «А-Поэль» (Иерусалим). Бизнесмен Аркадий Гайдамак, который поддерживал клуб последние годы, отказался от своих намерений по причинам, известным лишь ему одному. В результате из команды ушли ведущие баскетболисты (Дрор Хаджадж, Шарон Сасон и др.) и будущее клуба весьма неопределенно.

В Верхней Галилее ситуация еще более сложная: ушел Овед Каташ, тренер, которому команда обязана пребыванием в Высшей лиге. Кибуц Кфар-Блюм уже объявил, что в следующем сезоне команда будет выступать в молодежном составе.

Сдала позиции крепкая команда, с хорошими спортивными традициями, «Маккаби» из Рамат-Гана. Есть проблемы и у некоторых других команд высшей лиги.

Зато «Маккаби» (Тель-Авив), проигравший Холону финальный матч, быстро набрался сил. Приглашен новый тренер на пост наставника команды – пятидесятичетырехлетний Эфи Биренбойм, человек, много знающий о баскетболе, живущий баскетболом, темпераментный и отлично разбирающийся в психологии игроков наставник. Как говорят специалисты – «нужный человек на нужном месте».

Эфи создал практически новую команду, после того как «Маккаби» покинули Никола Вуйчич, Йотам Гальперин, Дэвид Блютенталь, Алекс Гарсиа и другие игроки.

Остались центровой Эстебан Батиста, форварды Лиор Элияу и Омри Каспи, защитник Таль Бурштейн. Это костяк стартовой пятерки или ближайший ее запас. Напомню, что в израильской высшей лиге продолжает действовать так называемый «русский закон». Он говорит об обязательном присутствии в каждый игровой момент матча на площадке двух баскетболистов с израильским гражданством. Закон переняли у российской лиги, отсюда и название. Так что в любой команде сегодня думают именно об израильских игроках, которые смогут выдержать приличный уровень игры.

В «Маккаби» пришли и новые игроки, такие, как центровой Янив Грин, форварды Родни Уайт, защитники Джейсон Уильямс и Трей Симонс, разыгрывающий Дрор Хаджадж... Состав представительный.

Самое интересное, что Эфи Биренбойм довольно часто приглашает в клуб баскетболистов, обещающих большие проблемы, и редки случаи, когда Эфи не находит с ними общего языка. Приглашение талантливого форварда Родни Уайта относится к тем случаям, когда удивляются все. «Он, конечно, талант, этот Родни, но непредсказуем, неадекватен, его побаиваются ребята, его задерживала полиция за драки», – говорили специалисты. Эфи сказал, что никаких проблем не будет: «Нужно приглашать Уайта, а я с ним разберусь».

Биренбойм подбирает в команду игроков по своим критериям, которые его редко обманывают, что делает его «Маккаби» почти неуязвимым. Между тем выбор

игроков в команду вызывает удивление и нарекания у коллег по тренерскому цеху, несмотря на то что спортивный успех трудно критиковать.

Много лет Биренбойм был кандидатом на пост главного тренера сборной, однако всегда не проходил по известным причинам: темперамент, прямота, неспособность к компромиссу. По этим же причинам Биренбойм не получал поста и наставника «Маккаби». Считался «персоной нон грата».

Биренбойм не всегда прав в том, что говорит. Поостыв, он признает, что погорячился. «А возможно, и нет», – тут же поправляет сам себя.

Прошлогодний сезон, с проигранным чемпионатом страны, многому научил руководителей «Маккаби». Ушел директор клуба Мони Фанана.

Остались три разных человека, которые должны нести эту ношу в «Маккаби» самостоятельно. Суровый Шимон Мизрахи, улыбчивый Дэвид Федерман и разговорчивый Раанан Кац – они научились думать и решать проблемы сообща, после детального обсуждения. Научились соглашаться друг с другом. В результате Эфраим Биренбойм получил приглашение на самый престижный пост в израильском баскетболе.

Эфи Биренбойм.

Напомним, другой тренер, о котором много лет не хотели слышать в «Маккаби», Пини Гершон добился с командой головокружительных успехов. Гершон – сложный человек, но великий тренер, которого многие специалисты приравнивают по уровню дарования к непревзойденному Ральфу Клайну. Он тоже принимал «Маккаби» в провальный для клуба период.

Директора смогли признать свои ошибки. Они пригласили наставника, с которым много лет не только не здоровались при встречах, но отворачивались от него. Эфи для них не существовал. А сейчас – друг и соратник.

Дай-то Б-г, чтобы и у Эфи Биренбойма в «Маккаби» получилось не хуже, чем у Пини Гершона.

«Маккаби» претендует нынче на все титулы в Израиле. И не только в Израиле, но и на континенте. Потому что не всё в спорте определяют деньги. Многое, но не всё. Есть в Европе команды и богаче, и могущественнее, чем израильский клуб. Но дух Маккавеев, чьим именем названа команда, выделяет ее из прочих.

Бывший игрок «Маккаби» и второй тренер клуба Гай Годес принял столичный «А-Поэль». Команда не находится сегодня среди лидеров и «богачей». Однако есть традиция, множество болельщиков, так что от «А-Поэля» и Годеса в Иерусалиме ждут побед.

В сборной Израиля остался тренер Цви Шерф, который не может записать прошедший сезон в свой актив. Но этот волевой, опытный наставник будет по-прежнему учить национальную сборную играть с полной отдачей в любом тренировочном матче. Так он поступал всегда, так поступает и сегодня.

Сборная уже начала подготовку к отборочному турниру ЧЕ 2009 года. Поблажек никому из игроков не будет. Шерф требователен ко всем. Его принадлежность к несколько устаревшей школе волевых и суровых тренеров восточноевропейского образца кажется сегодня непопулярной. И в то же время все понимают: если он начнет делать поблажки баскетболистам, то перестанет быть Шерфом, а баскетбол не будет баскетболом.

СЕНТЯБРЬ

אי דען באַעטאָ

1.IX.1943

65 лет назад в Вильнюсском гетто было распространено воззвание штаба командования FPO, подпольной Объединенной партизанской организации («Фарейникте партизанер организацие»). В листовке говорилось: «Евреи, беритесь за оружие! Немецко-литовские палачи у ворот гетто. (Обращает на себя внимание то обстоятельство, что палачи со знанием дела именуются не “немецкими”, а “немецко-литовскими”. – Б. Я.) Они убьют нас всех. Они выстроят нас колоннами и погонят за ворота. Так они сотнями гнали нас в Судный день. Так они гнали нас во времена белых, желтых и розовых шайнов (удостоверений. – Б. Я.). Так они гнали наших братьев, сестер, отцов, матерей наших детей. Так они гнали десятки тысяч на смерть. Но мы не пойдём! Мы не позволим им гнать нас, как скот, на бойню. Евреи, беритесь за оружие! Не верьте фальшивым заверениям убийц, не верьте предателям. <...> Евреи, нам нечего терять. Смерть неизбежна. Кто может надеяться на спасение, когда убийцы планомерно истребляют нас? Каждого из нас настигнет рука палача. Никакие убежища и никакой страх не спасут нам жизнь. Только вооруженная борьба спасет нашу жизнь и честь. <...> Да здравствует свобода! Да здравствует вооруженное сопротивление! Смерть убийцам!» С 1 по 4 сентября 1943 года в Вильнюсском гетто была проведена акция, в ходе которой 3700 мужчин и женщин были угнаны в концлагерь Эстонии, считавшиеся одними из самых жутких. Столкновения между палачами и подпольщиками имели место, но до общего восстания дело не дошло.

2.IX.1993

15 лет назад шестидесятилетний полковник Армии обороны Израиля Шимон Левинсон, арестованный в мае 1991 года за шпионаж в пользу СССР, был осужден на 12 лет тюремного заключения. Офицер, израильский представитель в Израильско-иорданской комиссии по перемирию (1954–1961 годы), сотрудник израильской военной разведки «Аман», после Шестидневной войны 1967 года – офицер по связи с Вооруженными силами ООН, участник операций против наркобаронов Юго-Восточной Азии, Левинсон в 1979 году вышел в отставку. Около 1983 года в Бангкоке он добровольно предложил свои услуги советской разведке. После возвращения в 1985 году в Израиль стал членом социалистической партии «Авода» и был назначен начальником службы безопасности канцелярии тогдашнего премьер-министра Шимона Переса. Закрытый судебный процесс по делу Левинсона оказался одним из самых длинных в Израиле дел, связанных со шпионажем. Было доказано, что за сумму 30 тыс. долларов он раскрыл КГБ СССР ряд агентов израильских секретных служб, передавал информацию, касающуюся порядка охраны канцелярии главы правительства и внутренней структуры различных армейских подразделений, включая разведывательные. Отсидев приблизительно треть срока, Левинсон за примерное поведение был освобожден из «Маасияу» – самой либеральной и комфортабельной из израильских тюрем. О дальнейшей его судьбе мало что известно.

3.IX.1918

90 лет назад, спустя четыре дня после покушения на В.И. Ленина на московском заводе Михельсона (ныне Электромеханический завод имени Владимира Ильича), во внутреннем дворе Московского Кремля Павлом Мальковым, кремлевским комендантом, без суда была расстреляна двадцативосьмилетняя Фанни Ефимовна Каплан (Фейга Хаимовна Ройдман). По утверждениям чекистов, именно она стреляла в большевистского вождя. Поглазеть на казнь напросился знаменитый пролетарский поэт Демьян Бедный. По совету многоопытного Якова Свердлова труп несчастной сожгли – бросили в бочку, облили бензином и чиркнули спичкой. Фанни Каплан, несмотря на молодость, была революционеркой со стажем – каторжанка, сначала анархистка, затем эсерка. На допросах она будто бы призналась, что стреляла в Ленина, мстя ему за предательство дела социалистической революции, не по заданию какой-либо партии или организации, а исключительно по собственной инициативе. В то же время в истории с покушением на Ленина имеется ряд подозрительных обстоятельств, в связи с которыми многие исследователи ставят под сомнение официальную версию событий. До крушения коммунизма в СССР антисемитствующая публика поносила Каплан за то, что она подняла руку на великого вождя трудящихся, а после – за то, что ее выстрелы оказались недостаточно результативными.

7.IX.1923

85 лет назад в Вене по инициативе доктора Иоганна Шобера, шефа австрийской полиции, экс-канцлера Австрийской республики (1921–1922 годы), был созван 2-й Международный конгресс криминальной полиции. Конгресс учредил беспрецедентную в мировой практике Международную комиссию криминальной полиции, с 1946 года широко известную под гораздо более «звонким» названием – Интерпол (от «International Police»). Первым президентом Интерпола, естественно, стал сам Шобер. С 1938 по 1940 год Интерпол возглавлял австрийский нацист Отто Штайнхойзль, а в первые годы войны – гитлеровский любимчик Рейнхард Гейдрих, второе после Генриха Гимmlера лицо в немецкой полицейской иерархии, «разработчик» Холокоста, превративший Интерпол в тотальную сеть фашистского шпионажа. В мае 1942 года чешские патриоты взорвали Гейдриха, на что первый генсек Интерпола австриец Отто Дресслер отреагировал так: «С его гибелью МККП понесла очень тяжелую утрату, потому что вместе с ним из рядов Комиссии ушел человек, который в сравнительно короткое время <...> стал могучим символом для нашей международной организации...» После этого пост главы Интерпола занял матерый нацист Эрнст Кальтенбруннер, в 1946 году повешенный по приговору Нюрнбергского трибунала как один из главных военных преступников. Таким образом, у Интерпола нет причин гордиться своим прошлым: как это ни парадоксально, долгое время организацией, созданной для борьбы с криминалом, руководили крупнейшие международные преступники.

20.IX.1788

220 лет назад в Неймегене (Голландия) родилась Генриетта Маркс (урожденная Пресбург; скончалась в 1863-м), мать будущего учителя мирового пролетариата Карла Маркса. Генриетта Маркс была дочерью «иногороднего коммерсанта» Исаака Пресбурга, неймегенского раввина, выходца из Пресбурга (ныне Братислава), принявшего нидерландское подданство в 1802 году, и неймегенской уроженки Наннетты Соломон Коган. Супруг Генриетты, адвокат Генрих Маркс из немецкого Трира, сын уроженца Северной Чехии Маркса Мордехая Леви, нашел себе невесту в далеком голландском Неймегене. В брачном контракте, зарегистрированном в Неймегене 22 ноября 1814 года, записано, что каждый из супругов сохраняет за собой право на свою добрачную собственность. Младшая сестра Генриетты, тетка основоположника научного коммунизма, Софи (домашнее имя Фитьё), вышла замуж за местного купца Лиона Филипса и стала бабушкой Антона Филипса, основателя гигантского голландского электротехнического концерна «Филипс». Любопытно, что биографы Маркса предпочитают не распространяться о его «компрометирующем» родстве с капиталистическим семейством Филипсов, годами подкармливавшим бедствующего ниспровергателя капитала. С другой стороны, и авторы жизнеописаний культовой для Нидерландов фигуры Антона Филипса (подобной Генри Форду у американцев) – олицетворения голландской деловитости и предприимчивости, – как правило, «забывают» упомянуть о его родстве – пусть дальнем – со смутьяном Марксом.

21.IX.1948

60 лет назад газета «Правда» поместила статью Ильи Эренбурга «По поводу одного письма». Статья оповещала советскую и мировую общественность о крутом повороте в политике СССР в отношении Государства Израиль, которому неделей ранее исполнилось четыре месяца. В публикации говорилось, что «разрешение “еврейского вопроса” зависит от победы социализма над капитализмом», что все советские евреи «считают советскую страну своей родиной, и все они горды тем, что они граждане той страны, где нет больше эксплуатации человека человеком... Граждане социалистического общества смотрят на людей любой буржуазной страны, в том числе и на людей Государства Израиль, как на путников, еще не выбравшихся из темного леса. Гражданина социалистического общества никогда не сможет прельстить судьба людей, влачащих ярмо капиталистической эксплуатации». Словом: «Израилю – да! Репатриации советских евреев в Израиль – нет!» Статья была написана сразу после приезда в Москву первого израильского посла в СССР Голды Меир и восторженного приема, оказанного ей московскими евреями. Несомненно, текст был заказан «с самого верха» и призван напомнить советским евреям, что их родиной является все же СССР, утихомирить их «неприличный» энтузиазм, но главное – указать на опасность его проявления. Приблизженный к «хозяину» писатель видел отношение вождя к проснувшемуся еврейскому национальному чувству и по-своему пытался уберечь советских евреев, предупредить о надвигающейся беде. В этом смысле характерен эпизод, произошедший с

ним на приеме в чехословацком посольстве, где его представили Голде Меир. Прикинувшись изрядно выпившим, Эренбург затеял скандал, набросился на Меир с упреками в том, что она, будучи, как и сам Эренбург, уроженкой Киева, не говорит по-русски, и вдобавок разразился убийственными антиамериканскими филиппиками. Позже в своих мемуарах Меир вспоминала, что Эренбург «был совершенно пьян <...> и держался агрессивно», поприветствовав ее, тут же грубо и нарочито громко заявил, что ненавидит евреев, родившихся в России, которые говорят только по-английски.

30.IX.1908

100 лет назад в Одессе в семье купца второй гильдии Фишеля Давидовича Ойстраха и его жены Бейлы родился Давид Федорович (Фишелевич) Ойстрах, великий скрипач современности, дирижер, с 1934 года педагог Московской консерватории, профессор, заведующий кафедрой скрипки, народный артист СССР (1953), лауреат Сталинской (1943) и Ленинской (1960) премий. С пяти лет вундеркинд обучался игре на скрипке и альте у уникального педагога Петра Соломоновича Столярского, основателя первой в СССР специализированной музыкальной школы для одаренных детей (ныне его имени), а с 1923 года – в Одесском музыкально-драматическом институте (консерватории). В 1928 году состоялся его дебют в Ленинграде, а год спустя Ойстрах впервые выступил в Москве, где и остался на постоянное жительство. В 1935 году Ойстрах одерживает победу на 1-м Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей и в том же году получает вторую премию в Варшаве на Международном конкурсе имени Венявского. Еще через два года он побеждает на конкурсе имени Эжена Изай в Брюсселе, опередив 78 участников, представлявших 21 страну, и завоевывает мировое признание. Уже при жизни Ойстраха неофициально именовали «первой скрипкой Страны Советов» или «Генеральным скрипачом СССР». Технических трудностей для него не существовало, а его творческая мысль рождала все новые и новые гениальные интерпретации скрипичной классики. Ему посвящали свои произведения Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Мясковский. Любопытно, что Ойстрах обожал шахматы и в «любительском классе» считался весьма сильным игроком. В ноябре 1937 года в московском Клубе мастеров искусств (впоследствии Центральный дом работников искусств) состоялся шахматный турнир между Давидом Ойстрахом и Сергеем Прокофьевым, тоже прекрасным шахматистом, игравшим в свое время с Ласкером, Алехиным и даже как-то одержавшим победу над легендарным Капабланкой (правда, в сеансе одновременной игры). Московский матч проводился по всем правилам – с контролем времени, записью ходов, под наблюдением судей и в присутствии квалифицированной публики, остро переживавшей драматические события на шахматной доске. «Мы не спали ночами, анализируя варианты, – рассказывал позже Давид Федорович, – как будто речь шла о чем-то вроде первенства мира». Предполагалось, что будет сыграно 10 партий, но по неясным причинам ограничились семью. Победу одержал «гроссмейстер смычка»: шесть партий закончились вничью, но в седьмой на 72-м ходу Прокофьев вынужден был сложить

оружие. Ойстрах скоропостижно скончался от сердечного приступа 24 октября 1974 года в Амстердаме, спустя несколько часов после очередного триумфального концерта.

Авторы номера:

Николай Александров

(р. 1961) филолог, литературный критик, журналист, ведущий программ на телеканале «Культура» («Разночтения», «Порядок слов») и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

Роман Арбитман

(р. 1962) литературный критик. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р.С. Каца) и детективных романов (под маской Льва Гурского).

Дмитрий Быков

(р. 1967) писатель, журналист, телеведущий (романы «Оправдание», «Орфография», «Эвакуатор», «ЖД», «Списанные» и др.). Зам. главного редактора еженедельника «Собеседник», обозреватель «Огонька», «Известий» и др. За книгу о Б. Пастернаке удостоен премий «Национальный бестселлер» и «Большая книга» (2006).

Жанна Васильева

журналист, обозреватель журнала «Итоги». Также сотрудничает в изданиях: «Литературная газета», «Сегодня», «Искусство кино», «Кинопроцесс», «Персона».

Линор Горалик

писатель, переводчик. Координатор проекта «Эшколь». Автор романов «Нет» (в соавт. с С. Кузнецовым), «Половина неба» (в соавт. с С. Львовским), «Взгляните на птиц», сборников стихов и прозы. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2003).

Михаил Горелик

(р. 1946) эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий

(1871–1957) историк еврейского мистицизма и хасидизма («Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» [1931–1958]).

Семен Дубнов

(1860–1941) еврейский историк, публицист и общественный деятель. Автор многотомной истории еврейского народа и ряда исследований по истории восточноевропейского еврейства. Убит нацистами в 1941 году.

Борис Жутовский

(р. 1932) художник, мастер книжного оформления и абстрактной живописи. Один из представителей поколения художников-шестидесятников. Создатель большого цикла графических портретов современников «Последние люди империи».

Марк Зайчик

(р. 1947) прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]). Печатался в журналах «Континент», «Эхо», «22», «Звезда».

Галина Зеленина

историк, литератор, переводчик. Доцент РГГУ и ИСАА при МГУ, редактор сайта «Booknik.ru: Еврейские тексты и темы». Автор монографии «От скипетра Иуды к жезлу шута. Придворные евреи в средневековой Испании», переводов и статей по средневековой еврейской истории, истории Испании, гендерной проблематике.

Некод Зингер

(р. 1960) художник, писатель, переводчик, литературный критик, редактор двуязычного литературного журнала «Двосточие». Автор романа-мемуара «Билеты в кассе» (2006), серий статей об эксцентрических тенденциях в израильской поэзии на русском языке.

Анна Исакова

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Григорий Канович

(р. 1929) прозаик, драматург, киносценарист. Национальная премия Литвы (1986). Кавалер ордена Гедиминаса III степени.

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин

(р. 1969) журналист. Печтается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Джеймс Кугел

(р. 1945) ученый-библеист, писатель, переводчик библейских текстов, профессор Бар-Иланского университета (Израиль). Директор Института истории Еврейской Библии. Автор 11 книг.

Евгений Левин

(р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Файтл Левин

(р. 1936) раввин, руководитель ешивы, автор книги «Алаха, медицина и технология» (1987). Живет в Нью-Йорке.

Михаил Липкин

(р. 1966) переводчик с английского и иврита, преподает иврит в московской школе «Месивта».

Афанасий Мамедов

(р. 1960) прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003. Лауреат премии им. Казакова (2007).

Синтия Озик

американская писательница, автор более десятка книг – романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Леонид Радзиховский

(р. 1953) журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЁЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Александр Рапопорт

(р. 1960) поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Юрий Табак

(р. 1955) историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество», учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей], «Основные догматические обрядовые расхождения»).

Велвл Чернин

(р. 1958) поэт, литературовед, переводчик с идиша. Автор сборников стихотворений на идише и иврите, исследований по литературе и этнографии евреев.

Михаил Эдельштейн

(р. 1972) филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире», «Знамени», «Новом литературном обозрении» и др.